

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКИСТАНА
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ ИМЕНИ РУДАКИ

На правах рукописи

Раджабова Гулнора Сафаралиевна

**ЭТНОСПЕЦИФИЧЕСКАЯ ОБЪЕКТИВАЦИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ
КОНЦЕПТОВ «ҲАСАД/ЗАВИСТЬ/ENVY» И
«РАШК/РЕВНОСТЬ/JEALOUSY»
(на материале таджикского, русского и английского языков)**

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук по специальности 5.9.8. Теоретическая,
прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические
науки)

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Джамшедов Парвонахон

Душанбе – 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНЦЕПТА В ЭМОТИОЛОГИИ	13
1.1. Эмоциональные концепты в лингвистике	13
1.2. Типы и методы описания эмоциональных концептов	22
1.3. Эмоциональная языковая картина мира	28
1.4. Лексические средства языковой актуализации эмоций	35
1.5. Экстралингвистический анализ концептов «зависть» и «ревность» в системе нравственных отношений	42
1.5.1. Психологическая и теологическая природа эмоций зависти и ревности	51
Выводы по I главе	54
ГЛАВА II. ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИЙ ФОНД КАК ПЕРВИЧНЫЙ ПЛАСТ АКТУАЛИЗАЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ КОНЦЕПТОВ «ХАСАД/ЗАВИСТЬ/ENVY» И «РАШК/РЕВНОСТЬ/JEALOUSY»	58
2.1. Дефиниционный анализ концептов «хасад/зависть/envy» и «рашк/ревность/jealousy» в таджикском, русском и английском языках	60
2.2. Концепты «хасад/зависть/envy» и «рашк/ревность/jealousy» в пословицах и поговорках таджикского, русского и английского языков	76
2.3. Метафорическая актуализация эмоциональных концептов «хасад/зависть/envy» и «рашк/ревность/jealousy»	104
2.3.2. Метафора как средство актуализации концепта: теоретический аспект	104
2.3.3. Способы метафорической репрезентации концептов «хасад/зависть/envy» и «рашк/ревность/jealousy»	107
Выводы по II главе.	118
ГЛАВА III. АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ КОНЦЕПТОВ «ХАСАД/ЗАВИСТЬ/ENVY» И «РАШК/РЕВНОСТЬ/JEALOUSY» В ТАДЖИКСКОМ, РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ	122
3.1. Ассоциативный эксперимент как способ исследования национально-культурной специфики языкового сознания	122
3.2. Результаты ассоциативного эксперимента среди носителей таджикского языка	131
3.3. Результаты ассоциативного эксперимента среди носителей русского языка	139
3.4. Результаты ассоциативного эксперимента среди носителей английского языка	147
Выводы по III главе.	156
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	159
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	168

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. В современном научном знании проблеме концептов уделяется весьма пристальное внимание, поскольку возрастающий интерес к различным паттернам взаимодействия языковых и ментальных структур расширяет площадку для исследований взаимосвязи различных языковых картин мира и специфических особенностей каждой из них.

Между тем, следует отметить, что в отечественной (таджикской) лингвистике наблюдается определенный дефицит исследований, посвященных концептам, хотя в последние годы так называемая «концептуальная» тенденция приобрела явную активность.

Актуальность темы настоящего исследования заключается в его направленности на осмысление концептов «зависть» и «ревность», существующих не только в сознании современных таджикоязычных и русскоязычных таджикистанцев и англичан, но и выявляющихся как в системно-языковых (лексика и паремиологический фонд) средствах, так и в прецедентных текстах. Более того существует необходимость дополнения традиционных представлений о репрезентации концептов «зависть» и «ревность» современными лингвокультурологическими исследованиями именно в рамках таджикского языкознания.

Обращённость данного исследования к проблеме взаимодействия принципиальных для современной парадигмы знаний категорий: концепта, лингвокультурологии и эмотиологии, актуализирует тенденцию к междисциплинарным исследованиям.

Более того, изучение концептуальных различий долгое время находилось вне поля зрения ученых, ибо в государстве с единым социально-политическим устройством, которое представлял собой СССР, сложился единый многонациональный народ со специфическим менталитетом, до сих пор определяющим многие стереотипы речевого поведения, вызванного в том числе и эмоциональным состоянием.

Актуальность темы диссертации также подтверждает факт отсутствия в отечественном языкознании исследований, направленных на синхронный срез обыденного сознания разноэтнических таджикистанцев, что относит данную работу к числу лингвистических трудов, трактующих национально-географические концепты.

Степень научной разработанности темы диссертации определяется наличием современных исследований, посвященных концептуализации действительности и языкового сознания, и исследований в области проблем интерпретации языковой картины мира, которые были проведены такими учеными, как Аскольдов С. А., Карасик В.И., Вежбицкая А., Лихачев Д. С., Арутюнова Н. Д., Нерозник В. П., Ляпин С. Х., Попова З.Д., Стернин И.А., Бабушкин А.П., Воркачев С.Г., Степанов Ю.С., Искандарова Д.М., Каримова Н.И., Давлатмирова М.Б., Ананина Т.С., и другими.

Вопросы этиологии и эмоциональных концептов, соответственно, затрагивались в трудах Шаховского В.И., Мягковой Е. Ю., Гака В. Г., Седых А.П., Красавского Н. А., Апресяна В.Ю., Адамчука Т. В., Заримбетова А. А., Зотовой А.Б., Эбзеевой Ю.Н., Ленько Г.Н., Слипецкая В.Д. и других.

Проблематика концептов в паремиологическом срезе рассматривалась Телией В.Н., Ильиной Л.Е., Кульковой М.А., Ивановой Е. В., Алимом К. и Асхатом К. Аппоевыми, Бабияном Т.В. , Лакоффом Д., Джонсоном М., и другими учеными.

Тематика психолингвистических экспериментов, выступающая как одна из главенствующих в контексте настоящей работы, была затронута Архиповой С.В., Погожей С.Н., Тимошиловой Т.М., Горошко Е.И., Залевской А.А., Вахтиным Н. Б., Головки Е.В., Григоренко Н.В., Камышанченко Е.А., Фазиловой Ш.К., а также целой плеядой других исследователей.

Вопросы, связанные с общечеловеческими универсалиями «зависть» и «ревность» как базовыми концептами языковой культуры, всегда привлекали исследователей; при этом особый интерес к ним проявляли лингвисты, в частности Н. А. Юшкова «Концепт ревность в художественной прозе Ф.М.

Достоевского: лингвокультурологический анализ» (2003); Н. В. Григоренко «Концепт "envy" и его языковая репрезентация в современном английском языке» (2008); Е. Е. Стефанский «Концептуализация негативных эмоций в мифологическом и современном языковом сознании: на материале русского, польского и чешского языков» (2009); И. В. Несветайлова «"Зависть" и "ревность" как эмоциональные концепты русской и английской лингвокультур» (2010); М. С. Матыцина «Эволюция концептов в художественной речи как отражение ее когнитивного потенциала» (2011); М. С. Матыцина «Средства выражения речевых актов зависти и ревности в современном английском языке» (2013); Я. А. Волкова «Деструктивное общение в когнитивно - дискурсивном аспекте» (2014).

Выше уже было отмечено, что концепты стали предметом изучения со стороны отечественных ученых относительно недавно. Инициатором этого исследовательского «тренда» считается доктор филологических наук, профессор Д. М. Искандарова, заведующей кафедрой теоретического и прикладного языкознания Российско-Таджикского (Славянского) университета. Под ее руководством были защищены ряд диссертационных работ: Пак А.О. «Сопоставительное исследование концепта «красота» в китайском и русском языках» (2009); Гулова З.А. «Концепт «Еда» в русском и польском языках» (2015); Мамедова М.Дж. «Концепт «ум» в таджикской и русской языковых картинах мира» (2015); Мирзоева З.Дж. «Концепт Хлеб/Нон в русском и таджикском языках» (2016); Имомзода М.М. «Национальная специфика языковой объективации концепта «семья» в лексико-фразеологической и паремиологической системах таджикского и китайского языков» (2017); Каримова Н.И. «Пространство как категория концептуализации языковой картины мира (на материале русского, польского и таджикского языков)» (2019); Фазилова Ш.К. «Концепт «богатство» в английской, русской и таджикской лингвокультурах (на материале фразеологических единиц, пословиц и поговорок) (2019); Рахмонова Н.Б. «Отражение концепта «свадьба» в таджикском и памирских

языках (на материале прецедентных текстов)» (2019); Давлатмирова М.Б. «Универсальное и этноспецифичное в языковой репрезентации макроконцепта «Судьба» (на материале таджикского, арабского и шугнано-рушанской группы языков)» (2019); Курбонова Х.Х. «Национально-специфические особенности концепта «Сабр» (Терпение) в таджикской и русской этнолингвокультурах» (2020); Бойматова Н.К. «Семантическое поле концепта «красота» в таджикской и английской лингвокультурах» (2020).

В этом же контексте следует отметить работы Рахими С.С. «Концепт «измена» в русском и таджикском» (2016г.); Махдии Мухаммадбегии Косвои «Лексико-семантическое поле «Еда» в персидском и русском языках» (2016); Хоркашев С.Р. «Лексико-семантический и морфологический анализ предметной лексики в южных и юго-восточных говорах таджикского языка» (2015); Мирзоева Х.Х. «Лексико-семантическое поле horse/асп в английском и таджикском языках» (2014); Гадайбаевой У.А. «Функционально-семантическое поле темпоральности в таджикском и английском языках» (2007г.); Будны И. «Функционально-семантическая категория темпоральности на материале славянской и романской групп индоевропейских языков» (2006), в которых фрагментарно затрагиваются отдельные вопросы таджикской концептуальной картины мира изучаются в сопоставительно-типологическом и семантическом аспектах.

Как видим, исследования в заявленном направлении в ведущих вузах страны на сегодняшний день достаточно ограничены, хотя, повторимся, изыскания в данной области находятся в стадии активизации.

Представленный краткий перечень уже исследованных вопросов, но все еще сохраняющих свой дискуссионный статус, определил круг целей и задач настоящего исследования. Так, целью данной работы является комплексное изучение теоретических основ исследования эмоциональных концептов и исследование пластов лексико-семантической реализации эмоциональных концептов «зависть» и «ревность» в таджикском, русском и английском языках.

Достижение поставленной цели требует решения следующих конкретных задач:

1. Рассмотреть типы и методы описания эмоциональных концептов;
2. Определить суть понятия «эмоциональная языковая картина мира» и на его основе идентифицировать лексические средства языковой актуализации эмоций;
3. Выявить роль и место концептов «зависть» и «ревность» в системе нравственных отношений;
4. Провести дефиниционный анализ концептов «зависть» и «ревность» в таджикском, русском и английском языках с выявлением деривационных и синонимических пластов и устойчивых сочетаний;
5. Классифицировать пословицы и поговорки, актуализирующие концепты «зависть» и «ревность» в исследуемых языках, в соответствии с их идейным содержанием;
6. Проанализировать способы метафорической реализации концептов;
7. Провести ассоциативный эксперимент, направленный на установление специфических паттернов национальной культуры в контексте языкового сознания отдельных этнических групп.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Представления о зависти в таджикском, русском и английском языках отличаются тождественностью по целому ряду признаков, объединенному негативно-маркированной проекцией этического плана. Ревность же воспринимается во всех трех языках как амбивалентная эмоция, обладающая полярными признаками «любовь» («забота») – «ненависть» («сомнение», «недоверие»);
2. Исследуемые концепты «зависть» и «ревность» структурируются по принципу прототипов, ядро которых представлено прямой номинативной единицей, в приядерную зону входят дериваты ключевой лексемы и их синонимы, периферийная зона представлена лексемами, отражающими причинно-следственный результат ощущения индивидом зависти/ревности;

3. Лексические средства не всегда напрямую передают эмоциональное состояние, но они помогают реализовать эмотивный фон сообщения, передать образность и экспрессивность высказывания, передать колорит местности или социальной группы, при этом одни и те же лексические средства могут передавать различные, иногда прямо противоположные, эмоции и эмоциональные состояния.

4. Паремиологические единицы манифестируют эмотивно-поведенческий аспект концептов «зависть» и «ревность». Внутреннее содержание - это своеобразный посыл в форме назидательных высказываний, сентенций общего характера, призывающих стабилизировать межличностные отношения.

5. Таджикская культура оказывает влияние на русскоязычных жителей Таджикистана, что подтверждается, в частности характером реакций на слова-стимулы «зависть» и «ревность». С другой стороны, это влияние приводит к консолидации русской диаспоры, проживающей на территории республики, делая представителей русского этноса неотъемлемой частью таджикского общества.

6. Национальному языковому сознанию свойственна грамматическая категоризация концептов, то есть носитель языка при репрезентации концепта в конкретном речевом акте выбирает и его грамматическую форму. Как правило, чаще всего концепт объективируется посредством существительного, реже – с помощью прилагательного или глагола.

Теоретическая значимость исследования определена несколькими ключевыми для настоящего труда факторами:

1. проанализированный теоретический и практический материал может стать полноценной ресурсной базой при проведении исследований в таких сферах современного языкознания, как лингвокультурология, этнопсихолингвистика, когнитивная лингвистика, эмотиология, социолингвистика и при рассмотрении вопросов национальной специфики универсальных базовых концептов.

2. Концептуальный анализ фактического языкового материала базируется на обобщении, сопоставлении и сравнении фактов лингвистики, этнографии, когнитологии, эмотиологии, что наделяет работу реальной перспективой стать предметом научного интереса экспертов, изучающих диады «язык и культура», «язык и мышление», «язык и этнос».

3. Представленные в работе принципы описания эмоциональных концептов расширяют базу для научных исследований в изучении других концептов. Данное исследование может способствовать дальнейшему развитию категориального аппарата лингвокультурной концептологии, эмотиологии и когнитивной лингвистики.

Комбинации представленных выше факторов и каждый из них в отдельности потенциально призваны обогатить комплекс подходов и методов в рамках теоретических изысканий по различным проблемам современного языкознания, а также могут стать отправной точкой дальнейших исследований других когнитивно и коммуникативно важных национальных концептов и национальных концептосфер.

Практическую значимость результатов диссертационной работы подтверждает факт перспективы их использования не только в лекционных, но и в практических курсах в процессе преподавания таких дисциплин, как социолингвистика; межкультурная коммуникация; когнитивная лингвистика; эмотиология; лексикология английского, таджикского и русского языков; страноведение; лингвокультурология. Полученные данные также могут быть рассмотрены в качестве актуального фактического материала при формировании лингвострановедческой компетенции в рамках изучения английского, русского и таджикского языков.

Материалы исследования могут стать основой при разработке и написании не только учебных пособий для проведения специальных курсов и научно-исследовательской работе студентов и аспирантов, но и при составлении ассоциативных словарей. Отметим, что особую важность этот

аспект приобретает именно в рамках таджикского языка ввиду полного отсутствия последних в отечественной лексикографии.

Научная новизна диссертации определяется тем, что впервые в отечественном языкознании предпринята попытка полноценного, всестороннего анализа эмоциональных концептов. Другим значимым аспектом, подтверждающим новизну настоящей диссертации, является рассмотрение признаков влияния и взаимовлияния национальных концептосфер русских таджикистанцев и этнических таджиков, проживающих в едином территориальном пространстве в условиях естественно многолетнего межкультурного взаимодействия этносов.

Объектом изучения являются эмоциональные концепты, представленные словами конкретной и абстрактной семантики, воплощающие специфику духовной и социальной культуры трех народов - русских, таджиков, англичан.

Предмет исследования представляют структура и содержание эмоциональных концептов «зависть» и «ревность» в русском, таджикском и английском языковом сознании.

Теоретической основой исследования послужили обоснованные в современной языкознании положения о том, что люди мыслят концептами как ментальными единицами, а язык выступает средством овнешнения (объективации) содержания человеческого сознания и средством доступа к национальному сознанию. Базу диссертационной работы составили фундаментальные работы в области когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, концепций языкового сознания и языковой и эмоциональной картин мира.

Методология исследования. Специфика задач исследования обусловила обращение к самым различным методам лингвистического анализа. Лингвокультурологический подход, избранный в качестве базового, обеспечил анализ языковых явлений в тесной связи с носителями лингвокультуры. Для решения поставленной цели и задач были применены

общенаучные способы выборки языкового материала: наблюдение, сравнение, систематизация. В процессе изучения концепта применялись лингвистические методы и приёмы анализа: контекстуальный анализ языковых средств, объективирующий концепт; структурно-семантический анализ и компонентный анализ языковых репрезентаций концепта, анализ словарных дефиниций. При исследовании материала мы использовали метод сплошной выборки, метод классификации, метод компонентного анализа, метод сравнительно-сопоставительного анализа, метод когнитивной интерпретации.

В работе нашли свое широкое применение целый ряд междисциплинарных и специализированных подходов, методов и приемов, в частности экспериментальный метод – метод свободных ассоциаций и субъективных дефиниций. Список апробированных приемов дополнили количественные методики.

Основным материалом исследования послужили:

- единицы паремиологического фонда трех языков (таджикского, русского и английского);
- лексические единицы, полученные методом сплошной выборки из газет и журналов, различных форумов (русско-, таджико-, англоязычных), где обсуждаются межличностные и семейные отношения, фильмы и сериалы с «закрученной» сюжетной линией, литературных сайтов (со свободной публикацией), семейных ток-шоу;
- результаты ассоциативного эксперимента, позволившие выявить национально-культурную специфику языкового сознания относительно исследуемых концептов.

В качестве дополнительного материала привлекались таджикские, русские и англоязычные толковые, этимологические и ассоциативные словари.

Апробация работы. Основные положения и выводы диссертационного исследования были изложены на традиционных научных конференциях

различного уровня Филиала Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова в городе Душанбе, Российско-таджикского (славянского) университета, Таджикского национального университета, Таджикского государственного института языков им. С.Улугзода, Таджикского государственного педагогического университета им. С. Айни, Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова (2017-2023 годы). Работа обсуждена на расширенном заседании кафедры иностранных языков НАН Таджикистана и рекомендована к защите (протокол № 3 от 01.03.2024).

Результаты диссертационного исследования, полученные на различных этапах его выполнения, нашли отражение в 12 статьях, 5 из которых опубликованы в сборниках, включенных в перечень ВАК Российской Федерации и ВАК при Президенте Республики Таджикистан.

Структура диссертации соответствует целям и задачам исследования и состоит из введения, трех глав, подразделенных на параграфы, таблиц в количестве 6 единиц, заключения и списка использованной литературы.

ГЛАВА I.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНЦЕПТА В ЭМОТИОЛОГИИ

1.1. Эмоциональные концепты в лингвистике

В настоящее время лингвистическая наука стала площадкой изучения языка в тесной взаимосвязи с человеком, основу которой составляет осмысление системных эмотивных средств. Ещё в начале XIX в. В. фон Гумбольдт заявлял о том, что язык как деятельность человека пронизан чувствами. Люди, независимо от их расовой принадлежности, религиозных и политических убеждений, гендерных характеристик, испытывали, испытывают и будут испытывать одни и те же чувства: радость, зависть, горе, любовь, ревность, грусть, ненависть и т.д. Человечеством накоплен огромный эмоциональный опыт. Важно отметить, что эмоциональная сфера языка и речи с начала ее изучения в разных науках и на их стыке оценивалась как наиболее сложная, неопределенная, требующая выхода за привычные научные рамки и дисциплинарные пределы. Она и сейчас во многих диссертационных работах определяется как «новое направление» в лингвистике, «инновационный подход» и «перспективная тема», поскольку проблемы научного описания эмоций во всех областях знания относятся к числу сложнейших видов исследований, к которым современная наука только приступила.

Ученые традиционно выделяют три основных эмоциональных состояния: эмоции, чувства, аффекты [Немов, 2003]. Предпримем попытку представить их генерализированную дифференциацию.

Эмоции – (франц. *emotion*, от лат. *emoveo* – потрясаю, волную), субъективные реакции человека и животных на воздействие внутренних и внешних раздражителей, проявляющиеся в виде удовольствия или неудовольствия, радости, страха и т. д. Эмоции могут вызываться как

реальными, так и воображаемыми ситуациями. Эмоции – это личностные образования, характеризующие человека социально и психологически. Неоднократно предпринимались попытки выделить основные, «фундаментальные» эмоции. Разные ученые включают разные виды эмоций в данную категорию эмоциональных состояний. Так, в категорию эмоций Р.С. Немов включает такие позиции как *агрессивность (враждебность), апатия, депрессия, интерес, любовь, симпатия, страсть*. По мнению А.Г. Маклакова, следует выделять иной ряд эмоций: *радость, удивление, страдание, гнев, отвращение, презрение, страх, стыд* [Маклаков, 2001].

Чувства – особый вид эмоциональных переживаний, носящих отчётливо выраженный предметный характер и отличающихся сравнительной устойчивостью. В этом смысле чувства связаны с представлением о некотором объекте – конкретном или обобщённом (например, чувство любви к человеку, к Родине). Чувства носят исторический характер. Они различны у разных народов и могут по-разному выражаться в разные исторические эпохи у людей, принадлежащих к одним и тем же нациям и культурам. В индивидуальном развитии человека чувства играют важную социализирующую роль. Они выступают как значимый фактор в формировании личности, в особенности ее мотивационной сферы.

Аффекты – особый вид эмоций, отличающихся большой силой, бурным протеканием, выраженными вегетативными симптомами (например, страх, ярость). Аффект не предшествует поведению, а как бы сдвинут на его конец. Эта реакция, которая возникает в результате уже совершенного действия или поступка, выражает собой его субъективную эмоциональную окраску с точки зрения того, в какой степени в итоге совершения данного поступка удалось достичь поставленной цели, удовлетворить стимулировавшую его потребность. В отличие от эмоций и чувств аффекты протекают бурно, быстро, сопровождаются резко выраженными органическими изменениями и двигательными реакциями.

Важно понимать, что каждое из вышеописанных эмоциональных состояний имеет подвиды и оцениваться они могут в соответствии с различными критериями (например, интенсивности, продолжительности, глубине, осознанности, происхождению, условиям возникновения и исчезновения, воздействию на организм, динамике развития, по способу их выражения во внешнем поведении (экспрессии) и пр.)

Ввиду отсутствия их четкой дифференциации (в психологии) и в целях придания нашему исследованию сугубо лингвистических характеристик, мы, используя в качестве опорной терминологическую традицию российских лингвистов-эмотиологов – В.И. Шаховского [Шаховский, 1987] и Е.Ю. Мягковой [Мягкова, 1990], – будем рассматривать термин «эмоция» как собирательное понятие. Данное решение также обусловлено и тем, что лингвистов интересуют чувственные сферы языкового пространства [Гак, 1997:87-93], [Телия, 1987]), их культурная значимость [Додонов, 1978], номинативная плотность [Вежбицкая, 1997]. Интерес исследователей к манифестации эмоций в языке и речи даже привел к формированию нового научного направления – лингвистики эмоций (эмотиологии), которая помимо эмотивных знаков языка и их эмотиогенной прагматики, исследует и эмоционально окрашенные контекстуальные понятия [Шаховский, 1994:20-25]. Такой интеграционный подход позволяет рассматривать эмоции как «репрезентацию конструкторов концептуального сознания» [Седых, 2012].

Прежде чем приступить к обзору позиций целой плеяды ученых по вопросу этномаркированности эмоций, принципиальным считаем обратиться к фрагментарному освещению научной области лингвистики эмоций (эмотиологии). В сознании российской научной общественности эмотиология прочно связана с именем руководителя волгоградской школы лингвистики эмоций, доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ, главного научного сотрудника Волгоградского государственного социально-педагогического университета В.И. Шаховского, поскольку его работы по проблемам эмотиологии

являются наиболее цитируемыми как в отечественном (русском) языкознании, так и за рубежом [Шаховский, 2011:162].

Во многом благодаря научным усилиям В.И. Шаховского в 80-е гг. XX века лингвистическая общественность «обнаружила» эмоции «не как мимолетное колебание воздуха, а как – твердое, вполне осязаемое тело: сотни научных трудов – книг, статей, публикаций, ссылок, диссертаций... Целое подразделение учеников, последователей, авторов, педагогов...» [Шаховский, 2018:23].

А. П. Седых уверен, что «разные культуры по-разному относятся к различным эмоциям, наделяя переживания и проявления отдельных эмоций социальной коннотацией, что влияет на воспитание и социализацию» [Седых, 2012]. Эмотивность же, по мнению ученого, воздействует на систему представлений о мире, социальную организацию и семантическое воплощение тех или иных элементов в структуре значения языковых единиц, коррелирующих с эмоциональным состоянием человека» [Седых, 2012]. Следует отметить важность роли эмоций в формировании и поддержании чувства самоидентичности.

Е.М. Вольф [Вольф, 1985:29] и Г.В.Гак [Гак, 1997:87-93] считают, что современное научное знание приоритетную позицию отдает когнитивности, а эмоции обозначены в качестве «специфической, своеобразной формы когниции», отражения и оценки окружающей человека действительности.

Профессор О.А. Турбина, в рамках своего исследования на материале французского языка, еще во второй половине XX века обратила внимание на феномен эмотивного синтаксиса, который объективируется посредством изменения порядка слов (дислокации, инверсии, интеркаляции) и способов реорганизации эмотивных структур (репризы, редукции, компрессии, реконструкции) [Турбина, 1966:34-35].

Последователи данной теории обращают внимание на центральную роль вопросительных и восклицательных предложений, имплицитных более тесную связь с эмоциями по сравнению с другими предложениями.

Отметим, что особую, традиционную нишу в рассматриваемом вопросе занимают слова и фразеологизмы, где предметно-логическая семантика напрямую связана с контекстом (бранные слова, междометия, восклицательные и оценочные фразеологизмы, типовые для данной коммуникативной ситуации клише и т. д.).

В рамках фонетического (прикладного) аспекта эмоциональные состояния (тревога, ревность, радость, гнев, зависть) могут быть поделены по набору акустико-фонетических параметров (численная оценка и распределение пауз, средний уровень интенсивности речевого сигнала, латентное время речевой реакции и т. д.). Не игнорируется и речевой ритм при исследовании интонации эмоционально окрашенной речи.

В целом, любая речь, порожденная и воспринятая в условиях «эмоциональных помех», характеризуется тенденцией стереотипизации, то есть происходит реализация ранее усвоенных речевых навыков.

Проанализировав различные позиции ученых относительно эмотивных средств, мы придерживаемся дефиниции, предложенной В.И.Шаховским: «Эмоция – это одна из форм отражения мира, обозначающая душевные переживания, волнения, чувства» [Шаховский, 1987:181]. Несмотря на факт универсальности эмоций, структура эмотивной лексики имеет национально-культурную специфику, связанную с особенностями эмоциональной языковой картины мира и способов коммуникативных интеракций.

Представления человека любой нации о его внутреннем мире образуют в сознании эмоциональную концептосферу, состоящую из системы динамично развивающихся мыслительных конструкторов – эмоциональных концептов. Напомним, что антропологический вектор современной лингвистики, который актуализируется посредством проведения междисциплинарных исследований, предопределяет междисциплинарный статус категории концепта, используемой в двух новых парадигмах: лингвокогнитологии и лингвокультурологии.

А.П. Бабушкин, Н.А. Болдырев, Е.С. Кубрякова, И.А. Стернин и ряд других ученых, пропагандирующих идеи лингвокогнитологии, воспринимают концепт как единицу оперативного сознания, выступающую как целостное, нерасчлененное отражение факта действительности. По их мнению, концепты формируются в процессе мысленного конструирования, то есть концептуализации, предметов и явлений окружающего мира и отражают содержание полученных знаний, опыта, результатов всей деятельности человека; результаты этого познания окружающего мира представляются в виде определенных единиц, «квантов» знания.

Когнитивисты уверены, что рождение концепта происходит от первичного конкретного образа; со временем, в процессе коммуникации и познания этот образ в сознании человека пошагово приобретает новые концептуальные уровни, что способствует увеличению объема концепта и насыщению его содержания. Более того, концепт присутствует в национальной памяти носителей языка в виде «познанного вербального обозначенного субстрата» [Бабушкин, 1998], что обеспечивает хранение полученных знаний и их передачу от человека к человеку и от поколения к поколению.

Целесообразным считаем отметить, что наибольший интерес для нашего исследования представляет лингвокультурологическая парадигма концепта, в связи с чем основной акцент будет сделан на принципы именно данного подхода.

Так, лингвокультурологи, к которым причисляют себя А. Вежбицкая, Н.Д. Арутюнова, Д.С. Лихачев, Ю.С. Степанов, Л.О. Чернейко, С.Х. Ляпин, В.И. Карасик, В.И. Шаховский, С.Г. Воркачев и др., рассматривают концепт как ментальное образование, отмеченное в той или иной степени этносемантической спецификой.

А. Вежбицкая, например, акцентирует внимание на принадлежащих идеальному миру так называемых универсальных культурных концептах,

которые отражают специфические культурно-обусловленные представления человека о действительности [Вежицкая, 1999:23].

С.А. Аскольдов описывает концепт как мысленное образование, замещающее в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода [Аскольдов, 1997:269]. Д.С. Лихачев же, опираясь на это исследование, приписывает концепту математическую природу, то есть интерпретирует его как «алгебраическое» выражение значения, которым носители языка оперируют в устной и письменной речи [Лихачев, 1997:281].

Н.Д. Арутюнова воспринимает концепты как понятия практической (обыденной) философии, возникающие в результате взаимодействия таких факторов, как национальная традиция и фольклор, религия и идеология, жизненный опыт и образы искусства, ощущения и системы ценностей. Составляя своего рода культурный фонд, эти мировоззренческие понятия, которые «личностны и социальные, национально специфичны и общечеловечны», функционируют в контекстах разных типов сознания – обыденного, художественного и научного [Арутюнова, 1993:3-6]. Формирование концептов исследователь объясняет ограниченными возможностями человеческой памяти и сознания, а также спецификой личностного восприятия действительности, основу которого составляют образование, личный опыт, принадлежности к определенной среде, профессии и т.д.

Д.С. Лихачев связывает содержание концепта с национально-культурным опытом говорящих: «Концепт... является результатом столкновения словарного значения... с личным и народным опытом человека» [Лихачев, 1997:281].

Более узкое понимание концептов характерно для Ю. С. Степанова, который относит к ним семантические образования, отмеченные лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующие носителей определенной этнокультуры: «Концепт это как бы сгусток культуры в сознании человека, то, в виде чего культура входит в ментальный

мир человека. И, с другой стороны, концепт это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не творец культурных ценностей – сам входит в культуру, а в некоторых случаях влияет на нее» [Степанов, 1997:41].

В.П. Нерознак определяет концепт как знаменательный образ, отражающий фрагмент национальной картины мира [Нерознак, 1998:67], а В.П. Москвин называет концептом «понятие, представляющее ценность для носителя языка, актуальное для него и потому выражаемое значительным количеством синонимов (в том числе – с метафорической внутренней формой), обладающих богатой лексической сочетаемостью; понятие, являющееся темой значительного количества пословиц, поговорок, фольклорных сюжетов, литературных текстов, произведений изобразительного искусства, скульптуры, музыки; понятие, глубоко укоренившееся в языке и культуре народа и потому являющееся диахронической константой и языка, и культуры» [Москвин, 1997].

С.Х. Ляпин представляет концепт как многомерное идеализированное формообразование, опирающееся на понятийную основу, закреплённую в значении какого-либо знака, и обладающее дискретной целостностью смысла, который функционирует в определенном культурном пространстве и поэтому предрасположен к культурной трансляции из одной предметной области в другую [Ляпин, 1977:55].

С.Г. Воркачев определяет концепт как «единицу коллективного знания /сознания (отправляющую к высшим духовным ценностям), имеющую языковое выражение и отмеченную этнокультурной спецификой [Воркачев, 2004:51]. Такое ментальное образование, по мнению исследователя, соотносится с планом выражения лексико-семантической парадигмы, то есть всей совокупности разнородных синонимических средств (лексических, фразеологических, афористических, описывающих его в языке).

Столь плюралистический подход к определению концепта и, как следствие, отсутствие единой, общепризнанной дефиниции концепта

указывает на незавершенность гносеологического становления этой категории, что подтверждает наличие ее следующих прототерминологических аналогов – «лингвокультуремы», «мифологемы», «логоэпистемы», при рассмотрении которых на первый план выступает «языковое выражение закрепленного общественной памятью следа отражения действительности в сознании носителей языка в результате постижения (или создания) ими духовных ценностей отечественной и мировой культуры» [Алефиренко, 2014:7].

Приступим к осмыслению эмоциональных концептов (ЭК), которые логично следует отнести к разряду универсальных, поскольку именно они делают «представителей разных этносов более или менее похожими друг на друга» [Шаховский, 2008:5]. Однако, как уже было отмечено, эмоциональным концептам свойственна этноспецифичность, суть которой составляют «индивидуальный эмоциональный тренд и национальный индекс данной культуры.

Безусловно, каждый язык накладывает свою собственную классификацию на эмоциональный опыт человека, позволяет считать эмоции «таксоном (группа объектов, предметов и т.п., объединенных по каким-либо признакам, свойствам и т.п. в одну категорию) культуры»: их концепты, имея «материальные экспоненты в языке», проявляют при этом национально-культурную специфику.

Н.А. Красавский также рассматривает эмоциональные концепты в прямой корреляции с национальным компонентом, определяя их как «этнически, культурно обусловленное, структурно-смысловое, как правило, лексически и / или фразеологически вербализованное образование, базирующееся на понятийной основе, включающее в себя помимо самого понятия образ, культурную ценность, а также функционально замещающие человеку в процессе рефлексии и коммуникации предметы (в широком смысле слова) мира, вызывающие пристрастное отношение к ним человека» [Красавский, 2001:74].

Такие социо-психокulturологические факторы, как «традиции, обычаи, нравы, особенности быта, стереотипы мышления, модели поведения и т.п., исторически сложившиеся на всем протяжении развития, становления этноса» могут быть обозначены в качестве маркеров эмоциональных концептов.

И, наконец, эмоциональные концепты отличает их интеллигибельность (философский термин, обозначающий познание, а более точно, постижение, доступное исключительно уму или интеллектуальной интуиции), поскольку эмоции, как известно, недоступны прямому визуальному наблюдению и представляют собой «бестелесную и труднопостижимую абстракцию» [Воркачев, 2004].

В соответствии с вышеизложенными взглядами лингвокультурологов на концепт и эмоциональный концепт, последний понимается в настоящем исследовании как ментальная единица высокой степени абстракции, отражающая многовековой опыт этноса в виде общеуниверсальных и культурноспецифических представлений об эмоциональных переживаниях.

Таким образом, вопреки мнению профессора В.И. Шаховского о миссии лингвистов как специалистов, которые ничего не оценивают, а лишь фиксируют события и оценки источников информации, следует подчеркнуть важность теоретических основ исследования эмоциональных концептов, которые имеют реальные шансы стать системным инновационным проектом, рассчитанным на долгосрочную перспективу, несмотря на смену научных парадигм и поколений исследователей.

1.2. Типы и методы описания эмоциональных концептов

Человеческое бытие признается учеными, литераторами, философами непрерывной цепью разнообразных чувств. Эмоции, будучи многогранным и сложнейшим феноменом человеческой жизни, являются объектом исследования разных наук и междисциплинарных направлений

антропоцентрической парадигмы, к которым относятся психология, лингвистика, когнитивистика, психолингвистика, этнопсихолингвистика, эмотиология и т.д.

С лингвистической точки зрения, в поле особого научного интереса попадают эмотивные концепты и их вербализация в языке, культурномаркированное отражение представлений этноса о характере эмоций в лингвистических единицах, что позволяет получить полноценную информацию о связи языка с ментальностью конкретного народа.

Отметим, что исследования по вопросам эмотиологии отличаются своим разнообразием, как количественным, так и тематическим, ввиду чего не представляется возможным рассмотреть их все в рамках настоящего труда. Однако в контексте данного обзора попытка коснуться некоторых, на наш субъективный взгляд, фундаментальных положений представляется вполне реальной.

В соответствии с целями нашего исследования, изначально идентифицируем типы эмоций. Типом эмоций принято считать группу «однородных» эмоций, т.е. таких, которые возникают в более или менее одинаковых ситуациях. Описание типов эмоций более привлекательно, чем описание отдельных эмоций, поскольку первое предоставляет больше возможностей для создания общей картины широкого круга эмоций [Апресян, 1994:86].

В языковой картине мира (см. подробно в параграфе 1.3.) ученые выделяются две группы концептов. К первой группе, по мнению Поповой З.Д., Стернина И.А., следует отнести абстрактные имена, вербализирующие знания о психических процессах, способностях и феноменах внутреннего мира человека. Вторую группу составляют конкретные имена, слова с предметным вещественным значением, денотатами которых являются образные представления о реально существующих материальных объектах, воспринимаемых органами чувств [Попова, Стернин, 2007:296].

Эмоциональные концепты, ядром которых являются базовые эмоции, относятся к первой группе.

Красавский Н.А. обращает внимание на диффузный (размытый) характер концептов эмоций, что не позволяет исследователям провести четкое разграничение эмоций. При этом, однако, ученые отмечают, что «чистых» эмоций в природе не бывает, ведь они (эмоции) в действительности тесно переплетены друг с другом; всякая эмоция комплексна, она подобна молекуле, состоящей из множества атомов [Wierzbicka, 1996:155].

А.П. Бабушкин, например, отмечает проблемность отнесения эмоциональных лексических концептов (счастье, любовь, ревность и т. п.) к тому или иному конкретному их типу: мыслительным картинкам, схемам, гиперонимам, фреймам, сценариям, инсайтам [Рубинштейн, 1984]. Подобная неоднозначность обусловлена самой природой эмоциональных концептов, в которой заложены конкретные факты деятельности человека, «сюжетная» серия поступков, переживания и чувства; то есть они определяются не словарными статьями, а в результате социального опыта личности, поколений, традиций социума, которому они принадлежат.

Ученые классифицируют эмоции на базисные и производные. К числу базисных относятся такие эмоции, как страх, радость, удовольствие, гнев, печаль, грусть, удивление, которые в определенном взаимодействии приобретают свое специфическое выражение и уникальные культурные характеристики.

Подчеркнем, что современное научное сообщество когнитивистов представляет целую серию различных классификаций и типологий концептов, зависящих от всевозможных факторов. В частности, В.И.Карасик выделяет три типа культурных концептов: этнокультурные, социокультурные и индивидуально-культурные [Карасик, 2002]. Некоторые ученые определяют концепты в соответствии с определенными группами носителей, которые могут обнаруживать национальную специфику. А.П.Бабушкин, например, все концепты делит на лексические и фразеологические

[Бабушкин, 1997]. Особый интерес в рамках настоящего исследования представляет типология М.В.Пиленовой, а именно классификация концептов, образующих концептуальную систему, способом актуализации которой, в свою очередь, выступает язык [Пиленова, 2013:127-131]. Так, по мнению исследователя, все концепты, так или иначе объективированные в языке, могут быть распределены по трем понятийным (категориальным) классам: I. базовые (составляющие фундамент языка и картины мира) концепты (космические, социальные психические); II. Концепты-дескрипторы, которые квалифицируют базовые концепты; III. Концепты-релятивы, реализующие типы отношений.

Лингвокультурологами представлена своя серия классификаций. Ю.С.Степанова продвигает идею о следующих типах концептов: рамочные концепты; концепты круговорота общения; концепты трехфазовой модели действия [Степанов, 1997].

С.Г. Воркачев, выделяя концепты высшего уровня (долг, счастье, совесть) и обычные концепты (автомобиль, язык, мужчина) [Воркачев, 2010], отмечает при этом факт того, что лингвокультурные концепты в принципе не поддаются типологизации на основе какого-либо единого классификационного признака, и построение исчерпывающей и непротиворечивой классификации концептов весьма проблематично [Воркачев, 2011].

В.А.Маслова распределяет концепты по группам: мир, стихия и природа, представления о человеке, нравственные концепты, социальные понятия и отношения, эмоциональные, мир артефактов, концептосфера научного знания и концептосфера искусства.

Проанализировав позиции когнитивистов и лингвокультурологов относительно классификации концептов, мы пришли к выводу, что ни одним ученым не представлена отдельная типология эмоциональных концептов, хотя эта категория концептов представлена в рамках обоих подходов к изучению концептов. В частности когнитивист М.В.Пиленова в контексте

своей классификации относит эмоциональные концепты в разряд психических (духовных) концептов, формирующих внутренний мир. А лингвокультуролог В.А. Маслова причисляет эмоциональные концепты к 6 пункту своей классификации.

Данное заключение свидетельствует об отсутствии единства относительно общего понимания самого концепта и классификаций концептов, что на порядок осложняет изучение эмоциональных концептов в рамках отдельного самостоятельного исследования. Однако вопрос об их (эмоциональных концептов) языковой объективизации является в определенной степени изученным, что позволяет представить эту информацию в несколько обобщенном виде.

Так, эксперты выделяют три основных способа языковой репрезентации эмоциональных концептов:

1) с помощью слов, номинирующих различные эмоции и чувства человека. Каждая эмоция и чувство, раскрывающиеся в тексте, обязательно имеют свое “имя”, т.е. так или иначе должно быть названо, номинировано;

2) с помощью слов, описывающих эмоции и чувства человека. Как отмечает Т. В. Адамчук, “если нет открытого названия эмоции, следует искать номинацию ее признака или действия. Иначе говоря, при непрямом выражении эмоции возникает необходимость в ее пояснении, в поисках сигналов номинации” [Адамчук, 1996:22];

3) с помощью эмотивных средств, то есть посредством использования так называемой эмотивной лексики, позволяющей раскрыть характер эмоции или чувства, за которой стоит контекст, речевая ситуация. Следовательно, смысл контекста может подвергаться особым трансформациям под воздействием интонации, а в случае иронии становится противоположным тому, который заключен в значении слова” [Савченко, 1986:69].

В этой связи имеет смысл говорить о трехуровневом построении эмоциональных концептов: 1. понятие о чувстве/эмоции; 2. проявление чувства/эмоции; 3. выражение чувства/эмоции.

Вполне очевидно, что первый уровень уступает по объему последним двум ввиду ограниченности количества слов, называющих эмоции. Вторая область более расширена за счет использования слов из первого уровня в разнообразных синтаксических конструкциях. И третий слой своим наибольшим объемом обязан способности любого слова, произнесенного в определенной ситуации и с определенной интонацией, стать знаком соответствующей эмоции.

При этом важно понимать, что языковая репрезентация эмоциональных концептов представителями конкретного этноса зависит от культурно-специфической информации, морально-нравственных норма и культурно-исторического наследия этого этноса.

Исследователи также идентифицируют типы актуализации различных языковых средств для передачи определенных эмоций и чувств в том числе и в фабульных текстах (художественном, публицистическом):

1. Номинативно-описательный. В контексте, характеризующем возникновение, проявление или переживание определенного чувства, с одной стороны, используются лексемы, номинирующие чувства, а с другой — употребляются словесные единицы, которые описывают жесты, мимику, сопровождающие данное чувство, что позволяет однозначно определить данное чувство/эмоцию.

2. Описательно-выразительный. Происходит актуализация единиц, характеризующих проявление чувств/эмоций и лексем, выражающих определенное чувство. Слова, номинирующие эмоции и чувства, в контексте отсутствуют. Ключевую роль играет контекст и вся ситуация общения.

3. Номинативно-выразительный. Номинирующая чувства/эмоции лексика используется с языковыми единицами, которые выражают это чувство/эмоцию.

4. Номинативно-описательно-выразительный. Объективация в контексте всех единиц из трех предыдущих типов, что дает наиболее емкую, хотя иногда избыточную характеристику чувств/эмоций [Ежова, 2003:18].

В срезе когнитивной лингвистики эмоций З.Е. Фоминой была разработана комплексная методика анализа эмоционально-оценочной лексики, осуществляемого в рамках семи ключевых аспектов: 1) классификация лексических единиц по частям речи, 2) описание лексических единиц на основании словарных дефиниций, 3) определение элементов оценочной структуры в различных частях речи, 4) характеристика эмотивнооценочного компонента, 5) средства экспликации эмотивно-оценочного компонента, 6) структурно-морфологическая характеристика эмоциональнооценочной лексики, 7) семантико-стилистическая характеристика эмоционально-оценочной лексики [Фомина, 1996].

Отдельные исследователи предлагают методику изучения эмоциональных концептов, в основе которой лежит сплошная выборка лексических и фразеологических единиц, прецедентных текстов и текстов художественной литературы, однако в расчет при этом должны непременно браться идиомы и паремии (пословицы и поговорки) [Телия, 1996:73].

Резюмируя, можно отметить, что в современной лингвистике популяризируется тенденция изучения языка как продуктивного способа интерпретации не только общечеловеческой культуры, мысли, природы человеческой психики, но и идентификации характерных национальных особенностей. Одним из ключевых инструментов по реализации принципов этой тенденции можно считать изучение концептов, точнее их структуризацию, что позволяет определить совокупность обобщённых признаков, необходимых и достаточных для детерминации предмета или явления как фрагмента языковой картины мира конкретного этноса.

1.3. Эмоциональная языковая картина мира

К числу фундаментальных понятий, выражающих специфику человека и его взаимоотношений с миром, относится понятие картины мира. Картина мира – это целостный образ мира, который является результатом всей

духовной активности человека. Она возникает у человека в ходе его предметно-практической деятельности, направленной на переосмысление мира. Человек ощущает мир, созерцает его, постигает, познает, интерпретирует, отражает, пребывает в нем. Таким образом, образ мира возникает в различных актах мироощущения, мирочувствия, мирозерцания, мировосприятия, мировидения, миропонимания, мирооценки – в актах переживания мира как целостности [Ананина, 2006].

Учеными выделяется целая типология картин мира, в основе которой лежат различные факторы. Например, субъекты познания обусловили появление картины мира взрослого человека, ребенка, цивилизованного общества и архаической картины мира. Объекты познания сформировали глобальную и локальную (частнонаучную) картины мира. Существуют и целостные картины мира, примером которых являются общефилософская, общенаучная, религиозная картины мира. В качестве локальных выступают социологическая, информационная, физическая, художественная картины мира.

По отношению к миру действительности и языку различаются две картины мира: концептуальная (ККМ) и языковая (ЯКМ). Первая отличается богатым содержанием ввиду участия в ее создании различных типов мышления. Языковая картина мира восходит к учению Гумбольдта о сущности языка: «Язык – это мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека» [Гумбольдт, 1994]. Язык, бесспорно, непосредственный участник двух процессов, связанных с картиной мира: именно в языке происходит развитие ЯКМ, и именно язык выражает другие картины мира человека, привнося в него черты человека.

Языковая картина мира, будучи центральным компонентом языкового сознания, регулярно подвергается коррекции со стороны языковой личности прежде всего в эмоционально-оценочном плане, что обусловлено повсеместным влиянием действующих в языковом обществе социально-психологических факторов. Ведь меняющийся мир меняет коммуникацию

людей, их язык, стиль общения, фонацию, однако все разнообразие видов коммуникации является достаточно условным, без четких демаркационных различий [Шаховский, 2015:10]. Из этого следует, что языковая картина мира, по мнению В.И.Шаховского, в принципе невозможна в «силу гендерных, возрастных, культурных, темпоральных, географических, политических и др. параметров, которые как раз и не позволяют создать единую для всеобщего языка картину мира» [Шаховский, 2019:36].

Анализ многочисленных работ по языковой картине мира выявляет широкое разнообразие их типов и форм - концептуальная, предметно-сущностная, ценностная индивидуально-авторская, лингвоэмоциональная фразеологическая, универсальная, образная, звуковая, лексическая, цветовая, комическая, наивная и др., и среди всего этого многообразия особо выделяется эмоциональная картина мира.

Наиболее полной считается дефиниция эмоциональной картины мира, предложенная Н.А. Красавским, который рассматривает ее как «определенное множество эмоционально «проработанных» человеком на базе сенсорных, тактильных, в целом — перцептивных образов, исходящих от окружающей среды, представлений, восприятий, ощущений оязыковленных понятий, являющихся проекцией нашего внутреннего, психического мира» [Красавский, 2001:29].

Безусловно, любое событие, факт, инновация неизменно получают эмоциональную рефлексию, они переживаются всем языковым социумом, формируя определенные эмоциональные ассоциации, которые потом превращаются в семиотические знаки. Некоторые из них сохраняются в человеческой памяти надолго, какие-то легко вытесняются следующими более сильными эмоциональными переживаниями, стрессами. Таким образом, мы можем с уверенностью заявлять о не статичном характере эмоциональной картины мира, ведь находясь в постоянной динамике, она «дышит» вместе с духом народа, обновляется и может быть представлена в

определенном отрезке времени лишь фрагментарно, а может и навсегда стать неотъемлемой частью языковой картины мира конкретного этноса.

Именно тип эмоциональной позиции говорящего (группы) определяет эмоциональную картину мира; в этой связи она может быть индивидуальной (личностной) и коллективной, но она никогда не может быть объективной.

Л. Ф. Бирр-Цуркан вполне правомерно полагает, что за способностью переживать те или иные эмоции стоит общечеловеческая природа, однако вербализация самих эмоций, отражение их всевозможных оттенков может различаться у представителей разных культур. При этом исследователь разграничивает эмоции биологического происхождения (радость, страх, гнев) и эмоции более высокого, социального уровня (любовь, сострадание, зависть, стыд). Эмоциональная картина мира отражает аксиологические, ценностные приоритеты в национальной картине мира [Бирр-Цуркан, 2016].

Выражение и восприятие эмоциональной языковой картины мира, как правило, представляются в фундаментальных эмоциональных концептах и характеризуют эмоциональную культуру отдельно взятого этноса. Детальный анализ языкового материала, выражающего эмоциональную сторону жизни представителей конкретной культуры позволяет судить об особенностях эмоционального поведения, национального характера этноса в целом [Заримбетов, 2013].

Основополагающим элементом сознания, мысли, речи, деятельности человека является эмоциональный фактор. Психолингвисты уверены, что любая мысль зарождается в человеческом сознании первоначально в виде эмоционального образа; более того, высокая степень эмоциональности свойственна всему лексическому составу любого языка, хотя данный факт оспаривается со стороны лексикологов. В качестве контраргумента приводится позиция психолингвистов, которые утверждают, что все зависит лишь от доли эмоциональности в семантике слова и от коммуникативной ситуации.

В основу идеи эмоциональной картины мира заложено три базовые концепции: 1) мир находит в языке не отражение, а именно интерпретацию, то есть роль языка, как посредника между внешним миром и человеком, сводится к динамике и креативности, а не к пассивности и зеркальности; 2) действительность, отраженная в языке зиждется на эмоции конкретной говорящей личности, которая по-своему интерпретирует и оценивает мир; 3) эмоции конкретной личности напрямую коррелируют с эмоциями этноса, которым, в свою очередь, свойственна культурно-историческая специфичность [Шаховский, 2019:37-42].

Весьма интересным представляется рассмотрение эмоциональной картины мира в контексте обращения к переводам художественных и поэтических текстов. Именно здесь ученые начинают говорить об эмотивных лакунах [Томашева, 1995]. Так, исследование текстов перевода показывает в последних явную недостаточность уровня эмоциональности по сравнению с оригиналом. Это позволяет утверждать, что переводчик не всегда способен прочувствовать и передать эмоциональный «накал» авторской задумки, вследствие чего текст перевода часто характеризуется определенной долей «суховатости». Этно-специфичность эмоциональной языковой картины мира проявляется и в условиях реального общения и в отдельных случаях может стать причиной коммуникативной неудачи.

В современном научном сообществе был высоко оценен вклад лексикографов в изучение вопроса об эмоциональной языковой картине мира. В частности, в 2010 году Колбеновой М.Г., Александровым Ю.И. был издан лингво-психологический словарь нового типа «Органы чувств, эмоции и прилагательные русского языка», в котором были зафиксированы результаты исследования: 15918 прилагательных русского языка с точки зрения их связи с эмоциями, проявленными на определенное слово-стимул.

Собранная в словаре информация, по мнению ученых, наглядно демонстрирует факт социальной, культурной и исторической детерминации эмоций [Хомская, Батова, 1998:12]. Отметим, что эмоциональное осмысление

и/или переосмысление конкретных фактов, событий, имен собственных, произошедшее в силу различных социально-экономических и политико-идеологических факторов, может кардинально изменить эмоциональную языковую картину мира.

Исследователь И.В.Волостных указывает на корреляцию таких понятий, как «языковая картина мира», «концептуальная картина мира» и «эмоциональная языковая картина мира», при этом наделяя каждую особыми характеристиками. Так, языковая картина мира отвечает за вербализацию концептуальной, которая, тем не менее, представляется шире и богаче языковой. Эмоциональную языковую картину мира ученый видит как «разновидность языковой картины мира», понимая под ней «совокупность эмоциональных представлений, эмоциональных понятий, эмоциональных концептов», каждый элемент которых эмоционально “прорабатывается” человеком – представителем определенного этноса. Более того, эмоциями, как утверждает исследователь, следует считать культурно обусловленный ментальный продукт и их переживание доступно далеко не каждому человеку в силу индивидуально-психологического характера данных эмоций [Волостных, 2007:7].

Репрезентация эмоциональной языковой картины мира осуществляется на всех уровнях языковой организации – лексическом, синтаксическом, лексикографическом, фразеологическом, паремическом, метафорическом, афористическом и других, и хотя носители разных языков и представители разных культур испытывают универсальные эмоции, качество и интенсивность их проявления у разных культурно-языковых этносов отличаются специфичностью. Ещё в 18 веке Стендаль, французский писатель, один из основоположников психологического романа, подчеркивал важность изучения «оттенков и нюансов, ибо француз, итальянец, англичанин и немец по-разному гневаются, ревнуют, мстят, скучают и по-разному отправляются «на охоту за счастьем» [Вольперт, 1998:242].

По аналогии с термином «эмоциональная языковая картина мира» (по Н. А. Красавскому) С.А. Дроздова предлагает ввести в научный обиход термин «концептуальная эмоциональная картина мира» [Дроздова, 2020], обосновывая это тем, что концепты являются универсальными хранителями информации, эмоций, чувств, следовательно, любые эмоции, получившие вербализацию, функционируют в языке, взаимодействуют друг с другом и формируют концепты иного рода – эмоциональные. Их специфика, в отличие от универсальных, представлена в оценочном, более чувственном, субъективном восприятии. Здесь С.А.Дроздова ссылается на мнение авторитетных исследователей (Шаховского В. И., Погосова К. О., Красавского Н. А.) о том, что для эмоциональной концептосферы свойственна этноспецифичность, так как эмоционально-оценочная лексика отражает опыт, традиции, культуру носителей разных этнокультур [Дроздова, 2020].

Эмоциональные концепты и средства их номинации представляют лингвокультурный, национальный код, включающий и общие эмоциональные доминанты. При обращении к вопросу о национальном характере наиболее релевантной следует считать дефиницию, выдвинутую основателем этнопсихологии, немецким ученым Вильгельмом Вундтом. В его трактовке национальный характер – это «природный этнический темперамент, особенности поведения, эмоции, привычки, ценностные ориентации, потребности и вкусы, система психологических стереотипов..., то есть этнокультурные особенности, которые скрепляют людей в единый народ» [Вундт, 2001:2] Более лаконичное определение дает К. Касьянова: национальный характер – это «однотипные для людей одной и той же культуры реакции на привычные ситуации в форме чувств и состояний» [Касьянова, 1994:26].

В заключении отметим, что в эпоху глобализации роль эмоциональной картины мира возрастает, поскольку современное общество давно перешло

грань рационального и общается эмоционально, как на внутрикультурном, так и межкультурном уровнях [Шаховский, 2019:42].

1.4. Лексические средства языковой актуализации эмоций

Единство эмоций и человека нерасторжимо, хотя и не всегда соблюдается. В языке эмоции имеют двойной способ обнаружения. Во-первых, они проявляются в языке как эмоциональное сопровождение, эмоциональная окраска, возникающая в результате прорыва в речи говорящего его эмоционального состояния в виде эмоциональных оценок. Во-вторых, эмоции отражаются языковыми знаками как объективно существующая реальность, подобно любой другой конкретно наблюдаемой реальности. Соответственно, учитывая наличие в эмоциональном опыте человечества группы универсальных эмоций, можно сказать, что существуют универсальные эмотивные смыслы и в лексической семантике. Это обусловлено семантикой отражения, потому что опыт человечества в познании эмоций, как и любого другого фрагмента мира, закрепляется в языковых единицах [Семёнова, 2010:156].

Язык обладает особой системой эмотивных знаков, которые предоставляют уникальную и вместе с тем универсальную возможность осуществлять «коммуникацию на уровне чувств» [Волек, 1995:16]. Структура и семантика этих языковых знаков позволяют установить наличие общей эмоциональности, а также специфицировать эмоцию. Ученые констатируют, что в каждом языке присутствует особый набор системных средств (слова, коллокации, грамматические формы), отличающихся эмоциональной оценкой, что выделяет эмотивность в особую общеязыковую категорию.

Другим немаловажным аспектом является соотношение категорий «эмоциональность» и «экспрессивность». Так, экспрессивность может представлять собой:

– внутреннее содержание языковой единиц [Гридин, 1998];
нейтральное отношение говорящего к содержанию или адресату речи [Никитина, Васильева, 1996:151-152];

– способность слова актуализировать качественно-количественную характеристику реального предмета, выделить особенность данного предмета на фоне одноименных с ним предметов и выразить эмоциональную оценку предмета речи, данную ему от лица говорящего [Лукьянова, 1986:43];

– совокупность особых семантико-стилистических признаков лексической единицы в сложном взаимодействии с категориями оценочности и эмоциональности как компонентами коннотации [Цоллер, 1996:70].

Отсутствие единого понимания категории «экспрессивность» привело к разному восприятию понятий «экспрессивность» и «эмоциональность». Т.В. Матвеева, например, обращает внимание на факт их синонимичности: «Экспрессивное слово с параметрически-оценочным компонентом коннотации – это практически эмоционально-оценочное слово» [Матвеева, 1986:15]. В.И.Шаховский также допускает некую схожесть этих понятий, однако считает их абсолютно самостоятельными: «Эмоциональность высказывания связана с реализацией эмоциональной оценки, экспрессивность же чаще связана с интеллектуальным намерением убедить в чём-либо адресата» [Шаховский, 1987:25]. П.Н.Паничева полагает, что «основной функцией экспрессивной единицы становится воздействие на реципиента (прагматическая), эмотивной – функция эмоционального самовыражения продуцента. Эмоциональные элементы используются для выражения субъективного отношения и для воздействия на чувства других» [Паничева, 2004:9-10].

Таким образом, становится очевидным, что экспрессивность рассматривается как более широкая категория ввиду постоянного использования экспрессивных средств говорящим/пишущим. Однако

экспрессивность не всегда бывает эмоциональной, хотя эмоциональность является неотъемлемой частью экспрессивности.

Здесь следует дифференцировать понятия «эмоциональность» и «эмотивность», которые достаточно длительное время одинаково активно употреблялись в исследованиях по психологии и по лингвистике. Со временем, однако, произошло их разграничение по принципу «психологическое/лингвистическое», о чем в своих работах пишет и В.И.Шаховский: «Эмоциональность отражает психическое состояние человека, в то время как эмотивность – это вербальное выражение эмоций говорящего» [Шаховский, 1987].

Ввиду отсутствия единого понимания сущности проблемы эмотивности учеными выделяются четыре базовых подхода к ее определению:

1. Лексикоцентрический подход. В рамках данного подхода, который считается наиболее традиционным в российской и зарубежной лингвистике, словарные единицы обозначены в качестве основного средства вербализации эмоций. С учетом различных характеристик к данному эмотивному фонду относятся: 1) междометия и аффективы; 2) названия эмоций; 3) слова с суффиксами субъективной оценки; 4) слова, в семантической структуре которых содержится эмоционально-оценочный компонент; 5) оценочные слова и др.

2. Коммуникативная концепция эмотивности. Здесь эмотивность представляет собой функционально-семантическую категорию, так как отвечает всем её признакам: общность семантической функции, взаимодействие лексических и грамматических элементов, членение по типу «центр – периферия».

3. Психолингвистический подход. Носители языка для выражения чувств и эмоций используют разнообразные средства, и эмотивная лексика составляет лишь небольшую часть от всего лексического состава. Основное внимание уделяется языковым единицам, которые характеризуются разного

рода коллективными и индивидуальными коннотациями, имеющими эмоциональную значимость для говорящего. Кроме того, психолингвисты на основе проведенных экспериментов выдвинули теорию панэмоциональности, т.е. потенциальной эмоциональности лексических единиц, согласно которой любое слово, функционирующее в индивидуальном лексиконе, при соответствующих обстоятельствах может оказаться эмоциогенным [Калимуллина, 2006: 76].

4. Когнитивный подход. В соответствии с данной концепцией, люди создают идеализированные когнитивные модели для объяснения своей эмоциональной жизни, а метафоры помогают эксплицировать эти скрытые модели. Кроме метафорического принципа концептуализации эмоций продуктивным является и метонимический принцип [Калимуллина, 2006].

Помимо классификации подходов, предложенной Л.А. Камимуллиной, следует отметить принцип трактовки категории эмотивности, выдвигаемый А.Б.Зотовой. Проведенный ею анализ показал, что данная категория рассматривается в широком и узком смыслах. Так, совокупность областей выражения чувств и эмоций субъекта, то есть усиление или интенсивность попадают в первую группу. В контексте второй категории эмоциональность воспринимается как отраженное и закрепленное в семантике слова чувство говорящего, его отношение к объекту речи [Зотова, 2010:14].

В качестве опорного нами будет выбран традиционный-лексикоцентрический подход, поскольку среди всех эмотивных средств языка именно лексические средства занимают центральную позицию. Исследователи разграничивают два типа слов, реализующих эмоциональную составляющую жизни человека: а) слова, выражающие эмоции и б) слова, сообщающие о них [Гак, 1998].

Понятия «эмотивная лексика» и «лексика эмоций» также дифференцируются специалистами; так, первое - это совокупность слов с эмотивной семантикой в статусе значения и созначения, а второе понятие

представляет собой слова, не выражающие эмоции непосредственно, а лишь называющие их.

В.И.Шаховский, один из ведущих экспертов в области эмотиологии, идентифицирует два основных статуса эмотивной семантики слова: 1. эмотивное значение, присущее словам - аффективам, передающим эмоциональное состояние говорящего (междометия, нецензурная лексика);

2.эмотивная коннотация (ассоциация), которая сопровождает логико-предметную номинацию и выражает эмоциональное отношение говорящего к объекту наименования в целом или к его признакам [Шаховский, 1994:20-24].

М.Ю. Родионова выделяет три группы единиц: 1) средства названия эмоций, 2) средства выражения эмоций и 3) средства описания эмоций. При этом речь идет, как правило, о лексических единицах: а) слова, являющиеся названиями эмоциональных состояний («гнев», «радость», «презрение» и т.д.); б) слова, являющиеся языковым проявлением эмоций, манифестацией в речи самих эмоций, а не их обозначений (слова с экспрессивно-оценочной коннотацией); и, наконец, в) слова ассоциативно-эмотивные, т.е. такие, которые, не называя и не выражая эмоций, вызывают в сознании говорящих и слушающих ассоциации с теми или иными эмоциями. В последнюю группу входит достаточно объемный набор лексических единиц, описывающих как интенсивность переживания эмоций, так и психофизиологические симптомы эмоционального состояния, мимику, жесты, позы, телодвижения, изменения цвета лица, фонации и поведение человека в состоянии эмоционального напряжения [Родионова, 2015:32-33].

Г.А.Копнина и А.В.Щербакова уверены, что слова, называющие какое-либо чувство, эмоцию (сочувствие, страх, радость, гнев, удивление и т.д.), и являются средствами описания эмоций на лексико-семантическом уровне.

Важно отметить, что на лексическом уровне одним из основных методов репрезентации эмоций, которые признаны неисчерпаемым источником выразительных средств, считаются фразеологические единицы и

метафоры. Они, безусловно, отличаются нюансами значения и экспрессией, а также часто имплицитным характером языкового обозначения эмоций, а интерпретация эмоции в таком случае опирается на фоновые знания и языковую компетенцию.

Для выражения эмотивности активно используются все разряды стилистически окрашенной лексики — эмоционально-экспрессивная и оценочная лексика, стилистически окрашенная лексика, которые могут придать высказыванию возвышенное или, наоборот, сниженное звучание. К данной категории можно отнести и разряды лексики ограниченного употребления: лексика диалектная; лексика просторечная; лексика профессиональная; лексика жаргонная; историзмы, архаизмы; неологизмы и даже заимствования.

К эмотивной лексике также относятся междометия, которые являются неотъемлемой частью лексических средств выражения категории эмотивности. По своим семантическим функциям междометия делятся на три группы: 1) обслуживающие сферу эмоций и эмоциональных оценок; 2) волеизъявления; 2) этикета (приветствия, пожелания, благодарности, извинения) [Эбзеева, Ленъко, 2016:148]. С помощью междометий может быть выражен достаточно широкий диапазон эмоций: испуг, радость, удивление и др.

Отметим, что эмоциональность речи может быть выражена и на синтаксическом уровне посредством специализированных (эмотивных) предложений (*Что за чудо! (удивление, оценка); Вот молодец так молодец! (значение высокой степени одобрения)*). Помимо этого эмоциональность может быть реализована через стилистические приёмы: риторическое восклицание, риторический вопрос, инверсия, повторы и др. Для выражения эмоциональной реакции активно используются вводные слова и сочетания (*на счастье, к сожалению*).

Таким образом, базовым эмоциям в языке соответствуют слова, являющиеся их прямыми номинациями. И именно эти слова, помимо того,

что составляют терминологическую основу любой классификации эмоций, проявляются во внешности, мимике, поведении и идентифицируют процесс или стадию переживания эмоции (ревновать, приревновать) [Родионова, 2015:34].

Лингвистами выделены три группы слов, номинирующих эмоции, которые, по их же (лингвистов) мнению, обуславливают ряд проблем при установлении соответствий между эмоцией и называющей эту эмоцию лексической единицей.

1. Слова, обозначающие сам факт эмоционального состояния, без указания на характер эмоций (например, «волнение», «возбуждение»);

2. Слова, в семантической структуре которых сочетаются несколько значений; одни соотносятся с конкретными эмоциями (и/или соответствующими свойствами личности), а другие – с эмоциональным возбуждением как таковым (например, «неистовство» – это и «необузданное проявление какого-либо чувства; состояние крайнего возбуждения, исступлённость» и «исступлённая жестокость; зверство») [<http://www.efremova.info>];

3. Слова, которые могут называть несколько эмоций (например, «ужас» – «чувство сильного страха, испуга, приводящее в состояние безвыходности, подавленности, оцепенения или трепета» и «крайнее изумление, вызванное негодованием или отвращением») [<http://www.efremova.info>].

Таким образом, возникает вопрос о характере взаимодействия отдельных базовых эмоций и комплексного эмоционального состояния человека, испытывающего конкретную эмоцию. Другим проблемным фактором можно считать установление степени интенсивности переживания эмоции, что становится возможным только при использовании синонимического, тезаурусного ряда, где слова расположены в порядке возрастания (убывания) смысловой (здесь эмоциональной) нагрузки.

Лексическим средствам всегда отводилась приоритетная роль в раскрытии эмотивного потенциала языка. С их помощью человек может не

только описывать, называть и выражать свои эмоции, но и скрывать, симулировать и имитировать их. Ученые давно вывели закономерность: эмотивов с отрицательной оценочной семантикой в словарях разных языков в количественном отношении больше, чем с положительной, однако, по мнению В.И.Шаховского, в процессе общения они употребляются реже [Слипецкая, 2013:164].

Подводя итог, можно сделать вывод, что категория эмотивности на лексическом уровне выражается при помощи использования лексики ограниченного употребления, заимствований, синонимов, антонимов, устойчивых выражений и междометий. Лексические средства не всегда напрямую передают эмоциональное состояние, но они помогают реализовать эмотивный фон сообщения, передать образность и экспрессивность высказывания, показать чувства по отношению к происходящему, передать колорит эпохи, какой-либо местности или социальной группы. Хотя при этом одни и те же лексические средства могут передавать различные иногда прямо противоположные, эмоции и эмоциональные состояния.

1.5. Экстралингвистический анализ концептов «зависть» и «ревность» в системе нравственных отношений

В основе человеческих взаимоотношений на уровне индивидов, социальных групп лежит золотое правило нравственности, носящее статус общечеловеческой ценности. Древние тексты представляют следующую трактовку этого золотого правила: «Относись к людям так, как хочешь, чтобы относились к тебе». Данный принцип лежит в основе многих мировых религий, а также в философских учениях Востока и Запада. Так, например, эта идея проходит и через творчество известнейшего восточного мыслителя, поэта Абуабдулло Рудаки, в частности в его двустишии «Ангушт макун ранча бадар кўфтани кас // То кас накунад ранча ба дар кўфтанат мушт».

(Перевод С.И. Липкина: Непрошенный, в чужую дверь ты пальцем не стучи // Не то услышишь: в дверь твою всем кулаком стучат. [Брагинский, 1984])

Интерпретация нравственности и всевозможных ее парадигм, проявляющихся, в том числе и в эмоциональных концептах, находится в органической связи с национальными традициями любого народа и его (народа) религиозными убеждениями. В этой связи процесс становления, развития, расширения, сужения нравственных/эмоциональных концептов всегда сопровождается социологизированностью, соответственно, наблюдается доминирование социального над индивидуально-личностным.

Анализ исторической динамики нравственности относится к актуальнейшим задачам этического знания, поскольку именно нравственные ориентиры становятся основополагающим фактором при принятии решений и совершении поступков. Эксперты при этом разграничивают нравственные ориентиры западных лингвокультур и культур народов бывшего соцлагеря.

Помимо этого принято различать такие понятия, как *нравственные отношения* и *моральное сознание*. Нравственные отношения составляют *объективированную* в поведении и социальных связях людей сторону морали; это конфигурация, «рисунок» ценностей, который закрепляется и поддерживается в обществе, это внутренний «скелет» бытующих нравов. Они выступают как единая, внутренне организованная, соподчиненная связь норм и запретов, как определенная система. И они субъективны, так как выражают побуждения, предпочтения, представления о нравственном и безнравственном, проистекают из велений долга и совести.

Исаченко Н.Н. заявляет о том, что нравственные отношения представляют особый вид общественных отношений, когда они рассматриваются с точки зрения их нравственного качества, моральной ценности их мотивов и результатов. Элементы морали: моральные нормы, принципы, идеалы, предписания представляют собой систему, в которой они взаимосвязаны и которая отражается в деятельности людей. Элементы морали чаще находятся в единстве, но между ними могут возникать

противоречия; иногда противоречия формируются в моральном сознании, в поведении же разногласия возникают между желаемым, возможным и должным. Кроме того в моральных отношениях наблюдаются конфликты между личными, индивидуальными, групповыми и общественными интересами [Исаченко, 2015:16].

В.В.Абраменкова полагает, что внутренняя работа личности строится на формировании внутренних составляющих человеческой психики, в основе которой лежит социальная деятельность и жизненный опыт, что в научной литературе номинируется термином «интериоризация». Вторым фактором, субъективный, представляет систему отношений через призму переживаний личности, особенности восприятия действительности, ее реакций на внешние воздействия. Положительный или отрицательный опыт взаимодействия с людьми формирует соответствующую систему внутренних отношений личности [Абраменкова, 2002:3-15].

Базу нравственных отношений, по мнению А.В. Петровского, составляет готовность субъекта сопереживать, действовать так, как если бы этим другим являлся он сам. Содержательный аспект эмоциональности отражает явления и ситуации, имеющие особую значимость для субъекта. Они связаны с нравственным потенциалом личности: направленностью мотивационной сферы, мировоззрением, ценностными ориентациями.

В процессе исследования мы пришли к выводу о том, что на современном этапе развития на второй план уходят такие нравственные чувства, как добродетель, сострадание, милосердие, патриотизм, стыд, утрачивается способность дифференцировать правду и ложь, добро и зло, что формирует в сознании негативные эмоции: злобу, зависть, ненависть, аномальные проявления ревности, месть. Данную ситуацию можно рассматривать как «отказ общества от позитивных ценностей и как фальсификацию ценностной системы» [Исаченко, 2015:27].

Нравственная зрелость личности, ее возраст, позитивное/негативное отношение к другим играют решающую роль в аспекте самооценок и

взаимооценок. Эти же факторы влияют на появление определенных чувств и эмоций, которым, в свою очередь, отводится функция механизмов поведения лишь в случае их разумного осознания и способности корректировать эмоциональные переживания и поведение.

В человеческих отношениях априори заложена сущность нравственности, способность проанализировать каждый свой поступок, определить его полезность/бесполезность для себя самого и/или окружающих, критически осмысливать последствия своих действий.

При этом важно понимать, что каждая новая эпоха начинается с духовного обновления, которое подразумевает под собой переоценку духовных ценностей прошлого. На современном этапе социального развития потребность в духовном обновлении общества ощущается особенно остро на всех уровнях социальной структуры общества. Условно обозначим это «духовным обнищанием», в рамках которого происходит размывание моральных, правовых, нравственных норм; отсутствуют или бездействуют какие бы то ни было регулирующие механизмы. Данные условия порождают такое негативное явление, как энтропия общества, под которым понимается ослабление, упадок, развитие гибели. Ситуацию на порядок усугубляет наличие этих разрушительных тенденций во всех сферах жизни современного социума, что проявляется в «стирании границ между добром и злом, между честными людьми и преступниками. Происходит движение к усреднению, одинаковости, неупорядоченности, хаосу» [Веллер, 2005:305]. В результате общество сталкивается с такими проблемами, как снижение рождаемости, рост бесплодия, распространение и повсеместная пропаганда сексуальных меньшинств, обесценивание института семьи и брака, увеличение числа преступлений в состоянии аффекта и пр.

Мы наблюдаем «изменение ценностно мотивационных ориентиров человека на себя, что означает изменение его духовно-нравственных установок» [Чуприна, 2012:107]. Этот кризис обусловлен отказом от традиционной системы духовно-нравственных ценностей, а новая система

нравственных ориентиров понижают статус классических ценностей, делают их менее устойчивыми.

Семья, отношения полов, сексуальная жизнь — фундаментальная и наиболее консервативная сфера человеческих отношений, в которой эмоции и чувства составляют особую, очень важную сторону. Эмоциональные проявления человека отличаются своим разнообразием: радость, горе, ревность, страх, гнев, удивление, грусть, тревога, восхищение, зависть, презрение и т.д. Мир эмоциональных переживаний пронизывает все стороны жизни. К примеру, одной из самых основных, но вместе с тем самой разрушительной эмоцией является ревность. Существуют различные взгляды на природу ревности. Одни считают, что ревность — неперемный атрибут любви: кто не ревнует, тот не любит; сильная любовь проявляет себя в ревности. Другие, наоборот, полагают, что ревность не свидетельствует о любви: ревновать можно и нелюбимого человека. Это эгоистическое, собственническое чувство. Именно эта неоднозначная трактовка определяет концептуальные способы актуализации этой неоднозначной эмоции.

Напомним, что концепт, будучи «сгустком культуры» [Степанов, 2001:43], находит свое воплощение в ментальном мире человека. Более того, концепт всегда национально-специфичен, следовательно, специфично и его место в системе отношений, в том числе и нравственных в культуре каждого народа. Вполне правомерно мнение В. И. Карасика о том, что паремиологический фонд, в чью основу составляют мифология и многовековое культурно-историческое наследие конкретного этноса, является «культурным минимумом, знание которого считается обязательным для всех представителей данной культуры» [Карасик, 2002:121] и которое позволяет определить ее ценностные приоритеты.

Так, говоря о ревности в ее концептуальной репрезентации в контексте нравственных отношений, отметим, что в подавляющем большинстве культур проявляется признак «ревность-любовь», который, однако, не находит отражения в словарных дефинициях. Хотя любовь как

многогранное и весьма противоречивое чувство практически всегда сопровождается ревностью.

Поскольку межличностные отношения являются наиболее важными и иногда даже смыслообразующими в жизни человека, то представляется естественным тот факт, что угроза утраты данных отношений вызывает сильные эмоции и желание предотвратить трагическую развязку. Человек испытывает ревность, когда поставлены под угрозу дорогие для него романтические отношения. Поэтому ревность можно считать защитной реакцией человека на данную угрозу, именно этим она отличается от зависти: завидуя, человек желает того, чего у него нет, а ревнуя, защищает то, что имеет.

В историческом процессе становления нравственного формата отношений полов данный концептуальный феномен подразумевает широко распространенные и порой далеко идущие деструктивные последствия, хотя формы проявления ревности, как правило, регулируются культурными предписаниями. В частности, схема отношений актантов в рамках культурного сценария «Ревность», который составляет содержание концепта, может быть представлен самым распространенным ролевым раскладом: 1)ревнивец, 2)соперник, 3)тот, кого ревнуют. Д. Кинсли добавляет еще и четвертую сторону — публику, которая всегда интересуется тем, как складываются отношения между партнерами и соперником [Kingsley, 1977]. Ревнивец, естественно, стремится перенаправить вектор, то есть любовь (внимание) субъекта на себя; если это не удаётся, он обычно испытывает враждебность к одному или двум другим участникам любовного треугольника и либо пассивно переживает фрустрацию, либо хочет нанести ущерб одному из них (чаще – тому, кто не может дать сдачи) (*Бьет (в порыве ревности в том числе.), значит любит*). В отдельных случаях жертвами становятся все участники треугольника.

Впрочем, отношения полов не всегда становятся площадкой для ревности. Так, например, сиблинги могут ревновать друг друга к родителям

или другим заботящимся о них людям, свекровь - сына к невестке, старые друзья - к новому знакомому и пр. Эти отношения реже приводят к деструктивным последствиям, хотя их формат отличается идентичностью, что представлено в формально-семантической актуализации структуры концептов.

Принцип высоконравственных отношений, безусловно, подразумевает отсутствие собственнических настроений и предписывает людям модель благородного поведения. Однако в реальности сценарий «ревнует - значит любит» не всегда правомочен, поскольку, по мнению психологов, подлинная любовь –это самоотдача [Фромм, 2014], а ревность по своей природе - собственническое, эгоистическое чувство. Следовательно, пушкинское *«дай Вам бог любимой быть другим»* есть не что иное, как утопия, идеализация; ведь сам поэт, как утверждают биографы, ревнуя жену, хотел убить соперника на дуэли.

Многие эксперты уверены в том, что ревность представляет собой разновидность зависти со свойственной ей спецификой. Мы полагаем, что данная позиция вполне оправдана, поскольку в основе обоих чувств лежит конкуренция. Различие проявляется лишь в том, что предметом зависти могут быть высокий социальный статус, успех, богатство, слава и т.п., ревнуют же с целью полностью расположить другого человека к себе. Следовательно, границы между завистью и ревностью достаточно размыты ввиду схожести их сценариев в контексте нравственных отношений.

Хотя, по мнению Н.Н. Исаченко, «причиной всех страшных человеческих трагедий, рассадником всех грехов, самым страшным проявлением человеческих качеств является именно зависть, которая неоднократно сыграла роковую роль в истории человечества» [Исаченко, 2015:46].

Французский писатель, автор сочинений философско-моралистического характера. Франсуа де Ларошфуко утверждал, что люди часто хвалятся «самыми преступными страстями», но ни один человек не

признался в зависти; более того, на свете не существует ни одного человека, полностью освобожденного от этого порока. Исследователи рассматривают зависть как ревностное отношение к достоинствам и достижениям других людей. То есть, как видим, в основе ревности лежит именно зависть. Зависть, так же, как и ревность, можно отнести к страстям, поскольку она обуславливает ревностное стремление к тому, что причиняет страдания и тем самым приводит к несчастью.

Считаем важным провести очередную параллель между завистью и ревностью. Некоторые исследователи утверждают, что не ревность, а именно зависть широко распространена между братьями, сестрами. При этом существует и возрастная зависть: младшие завидуют превосходству старших, а те завидуют младшим. Существует зависть, которую испытывают дети по отношению к родителям, а родители – к детям. Родители завидуют молодости, здоровью, беспечности, свободе. Дети завидуют тем преимуществам, которые предоставляет родителям их возраст – общественное положение, знания [Ильин, 2014:29].

Данная выдержка свидетельствует о том, что человек на всех этапах своего жизненного цикла подвержен чувству зависти и предметы зависти, как правило, материальны. При этом очевидна идея наличия у завистников клинических отклонений.

Мы солидарны с мнением ученых полагающих, что у завистников и ревнивцев не было в детстве положительных примеров женственности/мужественности. Так, зависть начинает проявляться на ранних этапах индивидуального развития, когда ребенок вовлечен в диадические отношения (мама – ребенок), а ревность и соперничество, начинают активно выражаться, когда ребенок уже осознает трехсторонние отношения в семье (мама – ребенок – ребенок).

По канонам общих моральных ценностей, зависть, безусловно, осуждается; считается нарушением нравственных норм. Однако

парадоксальным является тот факт, что быть предметом зависти вовсе не несет никакой негативной маркированности.

Анализ концептуальной актуализации зависти и ревности в системе универсальных нравственных ценностей показал относительную скупость их содержания и специфики, поскольку оба этих феномена носят, главным образом, оценочный характер [Франц, 2018:10]. Помимо этого, происходит некое смещение или взаимозамена этих понятий. Подобная тенденция обусловлена тем, что в ревности признаться проще, чем в зависти, которая считается недостойным чувством. Ведь ревность, имеющая объективные основания, не так безоговорочно осуждается обыденным сознанием [Шек, 2010].

Между тем ряд исследователей отмечают факт «социальной полезности» зависти и ревности, поскольку, несмотря на их деструктивную, негативную маркированность, они все же порождают одну их важнейших добродетелей, наиболее приоритетную составляющую нравственных отношений – скромность. Социологи подчеркивают, что большинство людей принимают однозначное решение не сообщать о своих успехах другим людям; это касается и личных отношений, и профессиональной сферы. Безусловно, эта скромность часто фальшива и неискренна, однако она делает возможным сосуществование людей в обществе, поскольку дает завистнику/ревнивцу иллюзию того, что они не находятся в этом положении вынужденно.

Другим положительным аспектом следует считать позицию испанского ученого Г.Ф. де ла Мора, который уверен, что зависть и ревность всех уравнивают, а не подразделяют общество на классы [<http://maxima-library.org/component/maxlib/b/383525?format=read>], поскольку этим чувствам подвержен в той или иной степени каждый человек.

Этическая «реабилитация» зависти и ревности происходит и через призму добродетельной парадигмы. Так, зависть, ревность, любовь, радость, гнев, страх относятся к категории страстей, которым сопутствуют

удовольствия или страдания. А страсти принято относить к природным аффектам, неподвластным человеку. И не смотря на отсутствие позитивного смысла в понимании роли зависти и ревности в социуме, они (зависть и ревность) парадоксальным образом участвуют в общей гармонизации общества, которое всегда стремится к принципу справедливости и честному распределению благ; а по З.Фрейду, основателю психоанализа, чувство справедливости порождено только завистью и ревностью.

Таким образом, зависть и ревность, являясь, казалось бы, моральным злом, требуют всегда гибкого анализа в каждом конкретном примере. В отдельных случаях их негативная энергия может быть претворена в позитивное русло.

1.5.1. Психологическая и теологическая природа эмоций зависти и ревности

Психофизиологическая реакция на окружающую действительность проявляется в эмоциях, которые выполняют когнитивную, регуляторную и отражательную функции. Несмотря на очевидную односложность, они (эмоции) продолжают оставаться загадочным феноменом, влияющим на мыслительную, речевую, коммуникативную деятельность человека. Эмоции являются неотъемлемым компонентом жизни человека и составляют ее центральной. Эти реакции, отличающиеся своей незаурядностью, не только в определенной степени объединяют представителей разных этносов, но и выявляют их уникальные характеристики ввиду индивидуального варьирования базовых и других эмоций [Шаховский, 1996:80-96].

По определению Н.А. Красавского, эмоциональным концептом считается ментальное, сложное структурно-смысловое, этнокультурно обусловленное, лексически и/или фразеологически вербализованное образование, чью базу составляет понятийный принцип. Данный основополагающий пласт помимо понятия включает в себя предметы (в

широком смысле слова) мира и их культурную ценность, вызывающие пристрастное отношение к ним человека. Ученый уверен, что эти предметы приобретают для человека некий функционально замещающий статус в процессе рефлексии и коммуникации [Красавский, 2001].

Эмоциональные концепты «зависть» и «ревность» являются мощнейшим стимулом деструктивного коммуникативного поведения и, наряду с такими эмоциями как ненависть, презрение, отвращение и т.д., входят в ядро концептуального пространства деструктивности [Волкова, 2014]. Недаром в криминологии совершение преступления по мотивам зависти и ревности считаются весьма распространенными [Севостьянов, 2018].

Психологи объясняют данный феномен тем, что завидующий и/или ревнующий человек находится в состоянии внутренней опустошенности, сопровождаемой разочарованием, печалью, обидой, стыдом, досадой, гневом и пр. В подобном состоянии человек не способен вести себя рационально. Психологи, в свою очередь, уверены в возможности предотвратить потенциальные негативные последствия не только для окружающих, но и самого завистника/ревнивца, если своевременно обратить внимание на данное чувство. Одним из конструктивных способов решения этой проблемы считается формирование и культивирование чувства собственного достоинства и уверенности в своих силах в самом начале становления человека как личности.

Зависть имеет весьма неоднозначную и многогранную научную трактовку, которая отличается своей вариативностью. Контекст некоторых толкований отличает позитивная характеристика этого чувства, однако последние тенденции свидетельствуют скорее о негативном отношении исследователей к данному явлению.

В частности, в религиозном дискурсе, а именно в христианской теологии, основной акцент делается на греховной природе зависти (греч. *invidia*). Зависть является «червем для души», «ядом для помыслов»,

«ржавчиной для сердца» и отождествляют с «ненавистью», «мукой», «казнью», «терзаниями», «когтями зложелательства» [Несветайлова, 2010]

Ислам также осуждает зависть (араб. حَسَدٌ), причисляя ее к греховным явлениям ввиду ее деструктивного характера. Люди по природе своей склонны к чувству зависти, более того, это считается частью мирского испытания. Однако те, кто уверовали в Аллаха, должны сделать все возможное, чтобы не допустить появления данного негативного чувства. [<https://umma.ru/hasad-zavist-v-islame/>]

В соответствии с кораническими (отметим, что в тексте самого Корана прямое упоминание отсутствует, но его можно встретить в отдельных хадисах и учениях, тематических материалах) и библейскими источниками, зависть и гордыня стала причиной первого греха на небесах (ослушание Иблисом Аллаха, когда он (Иблис) не преклонился перед Адамом), а также основанием для совершения первого смертного греха на земле (убийство одного сына Адама другим).

В христианстве основной акцент делается на греховной природе ревности (греч. *zelos*). В Библии ревность представлена как чувство крайне опасное, способное побудить того, кто ею отравлен, на самые низменные и жестокие поступки. Но ревность имеет и позитивное значение: защитник и поборник истины.

В исламе ревность (араб. حَسَدٌ) также причисляется к греховным явлениям. Однако ревность носит и положительную коннотацию и считается благородным качеством, если трактовать ее как усилие, направленное на оберегание своей супруги, достоинства и чести семьи. Ревность свидетельствует о небезразличном к конкретному человеку отношении. (источник.)

Разрушительный потенциал зависти и ревности также лежит в основе иудейских писаний, где утверждается, что эти две эмоции заставляют ум терять равновесие, что само по себе ведет к несчастью. (Источник)

На основе данного краткого обзора можно сделать главный вывод: несмотря на принципиальные различия научного и религиозного мировоззрения, их единство (за исключением отдельно взятых контекстов) проявляется по отношению к чувствам зависти и ревности. Так, зависть и ревность отличаются определенной схожестью эмоциональных состояний и сценариев проявления практически во всех религиях. Зависть и ревность, считаясь очень сложными социально-психологическими явлениями, действуют вместе как сестринские эмоции на всех этапах развития личности и приводят порой к антиобщественному поведению. По мнению экспертов, именно религиозные предписания дают возможность успешно справляться с этими пагубными эмоциями и направить их в позитивное русло.

Выводы по I главе

Изучив теоретические основы исследования концепта в эмотиологии, считаем целесообразным выделить несколько основных положений.

Проблемы научного описания эмоций во всех областях знания относятся к числу сложнейших видов исследований, к которым современная наука только приступила. Традиционно выделяются три основных эмоциональных состояния: эмоции, чувства, аффекты.

Обзор позиций целой плеяды ученых по вопросу этномаркированности эмоций показал, что в сознании российской научной общественности эмотиология прочно связана с именем руководителя волгоградской школы лингвистики эмоций В.И. Шаховского, поскольку его работы по проблемам эмотиологии являются наиболее цитируемыми как в отечественном (русском) языкознании, так и за рубежом.

Представления человека любой нации о его внутреннем мире образуют в сознании эмоциональную концептосферу, состоящую из системы динамично развивающихся мыслительных конструктов – эмоциональных концептов.

Эмоциональные концепты логично следует отнести к разряду универсальных, поскольку именно они делают «представителей разных этносов более или менее похожими друг на друга» [Шаховский, 2008]. Однако эмоциональным концептам свойственна этноспецифичность, суть которой составляют индивидуальный эмоциональный тренд и национальный индекс данной культуры.

Такие социо-психокulturологические факторы, как традиции, обычаи, нравы, особенности быта, стереотипы мышления, модели поведения и т.п., исторически сложившиеся на всем протяжении развития, становления этноса могут быть обозначены в качестве маркеров эмоциональных концептов.

Проанализировав позиции когнитивистов и лингвокультурологов относительно классификации концептов, мы пришли к выводу, что ни одним ученым не представлена отдельная типология эмоциональных концептов, хотя эта категория концептов манифестируется в рамках обоих подходов к изучению концептов.

Резюмируя, можно отметить, что в современной лингвистике популяризируется тенденция изучения языка как продуктивного способа интерпретации не только общечеловеческой культуры, мысли, природы человеческой психики, но и идентификации характерных национальных особенностей. Одним из ключевых инструментов по реализации принципов этой тенденции можно считать изучение концептов, точнее их структуризацию, что позволяет определить совокупность обобщённых признаков, необходимых и достаточных для детерминации предмета или явления как фрагмента языковой картины мира конкретного этноса.

Выражение и восприятие эмоциональной языковой картины мира, как правило, представляются в фундаментальных эмоциональных концептах и характеризуют эмоциональную культуру отдельно взятого этноса.

Эмоциональное осмысление и/или переосмысление конкретных фактов, событий, имен собственных, произошедшее в силу различных

социально-экономических и политико-идеологических факторов, может кардинально изменить эмоциональную языковую картину мира.

Репрезентация эмоциональной языковой картины мира осуществляется на всех уровнях языковой организации – лексическом, синтаксическом, лексикографическом, фразеологическом, паремическом, метафорическом, афористическом и других, и хотя носители разных языков и представители разных культур испытывают универсальные эмоции, качество и интенсивность их проявления у разных культурно-языковых этносов отличаются специфичностью.

Лексическим средствам всегда отводилась приоритетная роль в раскрытии эмотивного потенциала языка. Именно они способны полноценно передать колорит эпохи, какой-либо местности или социальной группы, при этом одни и те же лексические средства могут передавать различные, иногда прямо противоположные, эмоции и эмоциональные состояния.

Интерпретация нравственности и всевозможных ее парадигм, проявляющихся, в том числе и в эмоциональных концептах, находится в органической связи с национальными традициями любого народа и его (народа) религиозными убеждениями.

В процессе исследования мы пришли к выводу о том, что на современном этапе развития на второй план уходят такие нравственные чувства, как добродетель, сострадание, милосердие, патриотизм, стыд, утрачивается способность дифференцировать правду и ложь, добро и зло, что формирует в сознании негативные эмоции: злобу, зависть, ненависть, аномальные проявления ревности, месть. Сегодня потребность в духовном обновлении общества ощущается особенно остро на всех уровнях социальной структуры общества. Условно обозначим это «духовным обнищанием», в рамках которого происходит размывание моральных, правовых, нравственных норм; отсутствуют или бездействуют какие бы то ни было регулирующие механизмы. Данную ситуацию можно рассматривать

как «отказ общества от позитивных ценностей и как фальсификацию ценностной системы».

Многие эксперты уверены в том, что ревность представляет собой разновидность зависти со свойственной ей спецификой. Мы полагаем, что данная позиция вполне оправдана, поскольку в основе обоих чувств лежит конкуренция. Различие проявляется лишь в том, что предметом зависти могут быть высокий социальный статус, успех, богатство, слава и т.п., ревнуют же с целью полностью расположить другого человека к себе. Следовательно, границы между завистью и ревностью достаточно размыты ввиду схожести их сценариев в контексте нравственных отношений.

ГЛАВА II

ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИЙ ФОНД КАК ПЕРВИЧНЫЙ ПЛАСТ АКТУАЛИЗАЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ КОНЦЕПТОВ «ХАСАД/ЗАВИСТЬ/ENVY» И «РАШК/РЕВНОСТЬ/JEALOUSY»

Паремиологические фонды сопоставляемых языков максимально полно актуализирует состав и семантику языковых средств, которые репрезентируют, вербализуют, выражают и объективируют исследуемый концепт, параллельно определяя его место в национальной концептосфере. Языковой материал исследования охватывает, прежде всего, словарные дефиниции, симиляры и оппозиции ключевой лексемы, отобранные методом сплошной выборки из словарей и энциклопедий, и примеры из художественных текстов. Сформированные в сознании концепты репрезентируются в культурной и языковой семиотических системах с помощью разных средств, а содержание концептов находит полноценное воплощение в языке, реализуясь в лексемах, устойчивых сочетаниях, фразеологизмах, поговорках, свободных словосочетаниях, предложениях и, естественно, в речи в формате разнотипных текстов. В языке формируются когнитивные, лингвокультурные концепты, отражающие теснейшую взаимосвязь народа и языка, где зарождается «квант» национально-ориентированной информации [Бромлей, 1983:53].

Паремии с компонентами «зависть» и «ревность» ввиду специфической структурно-семантической композиционной структуры и своеобразного стилистического оформления являются символическими единствами языковой формы и выражаемого в ней морально-эмоционального контента. Моральные принципы и эмоциональные нормы, выраженные в паремиологических единицах, как в рамках отдельной анализируемой культуры, так и в разных культурах, могут совпадать и диаметрально различаться по оценочным, ценностным параметрам поведения индивидуумов. Ведь «концепт», напомним, понимается нами не просто как

совокупность познанных существенных признаков объекта, он представляет собой ментальное, национально-специфичное образование, планом содержания которого является совокупность знаний о данном объекте; планом же языкового выражения является комплекс лексических, паремиологических, фразеологических единиц, номинирующих и описывающих данный объект.

Обращение к паремиологическому фонду позволит систематизировать эмоциональные и деятельностные сходства и различия в реалиях определенного этноса, поскольку в пословицах и поговорках эксплицитно / имплицитно зафиксирован специфический кодекс поведенческих моделей, рекомендаций, нормо-установок, объективно обосновывающих подходы к принятию практических решений в рамках обыденной деятельности индивидуума.

Для полноценной иллюстрации результатов сопоставительного лингвистического исследования и определения специфики анализируемых концептов на данном этапе работы нами будет применена методика когнитивной интерпретации.

Результаты классификации практического материала станут фактической базой для создания модели сопоставляемого концепта как лингвоментальной, мыслительной единицы в национальной, социальной, возрастной, гендерной и территориальной плоскостях.

Пословицы и поговорки в народной культуре отображают спектр наиболее важных для народной культуры понятий, составляющих ядро морально- и нормативно-ценностной картин мира. В паремиологических единицах закрепляется и передается из поколения в поколение «память, история и этнический менталитет народа», что особенно актуальным становится в условиях всемерного влияния глобализации, в результате которого формируется единое интегративное пространство, где происходит нежелательное этнокультурное размежевание [Воркачев, 2004:95].

2.1. Дефиниционный анализ концептов «хасад/зависть/envy» и «рашк/ревность/jealousy» в таджикском, русском и английском языках

Концепты «хасад – зависть – envy» и «рашк – ревность – jealousy» употребляются как для обозначения соответствующих понятий, так и для фрагментарного их описания. Данные концепты можно идентифицировать как набор, совокупность существенных признаков, позволяющих четко разграничить чувства зависти и ревности, очертить фрейм представленности этих эмоциональных концептов в лексикографии и выявить их понятийные семантические мотивировки. Соответственно, для полноценной и планомерной передачи значений и максимально точного описания семантического диапазона анализируемых концептов нами применён трансдисциплинарный подход в рамках гуманитарных наук.

Итак, согласно Большой психологической энциклопедии, *зависть* – это негативное психическое состояние человека, вызывающее, как правило, разрушительные чувства, поступки, деяния. В состоянии зависти человек воспринимает чью-то удачу или успехи на любом поприще как обидную несправедливость по отношению к себе, как угрозу своему статусу, благополучию, как снижение ценности или даже обесценивание своего «Я» [<http://psychology.academic.ru/661/зависть>].

В философии *зависть* понимается как порок, суть которого состоит в том, что человек испытывает чувство досады, вызванное желанием обладать имуществом, способностями, успехом предмета своего порока, его счастьем. Чтобы скрыть свои чувства от себя и других, завистник облакает зависть в форму добродетели, справедливости и утверждает, будто тот, кому он завидует, приобрел свое состояние нечестным путем, добился успеха хитростью, а способности его – чистейшая выдумка и т.д. [http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/2283/зависть].

Энциклопедический словарь по психологии и педагогике рассматривает *ревность* как аффективное состояние, предполагающее

наличие чувства любви и основанное на стремлении к обладанию объектом любви [http://psychology_pedagogy.academic.ru/14721/ревность/].

По философскому словарю Спонвиля, *ревность* иногда служит синонимом *зависти*, но чаще употребляется в значении одной из форм или разновидностей последней. Завистник стремится к обладанию тем, чем он не располагает и что есть у другого; ревнивец хочет один владеть тем, что, по его мнению, принадлежит ему. Первый страдает от отсутствия чего-либо; второй – от нежелания делить это с другими. Слово «ревность» чаще всего применяется в контексте любовных или сексуальных отношений [http://philosophy_sponville.academic.ru/1702/ревность/].

Анализ понятийной стороны концепта позволит нам определить не только «современные ассоциации и оценки» [Степанов, 1997:41] в объективной действительности, но и «ценностные и образные» составляющие [Карасик, 2002:129], а также «признаковую и дефиниционную структуру» концепта в сопоставляемых языках [Воркачев, 2002:80].

Концептуально-значимая лексика в языке актуализирует концепт через имя-обозначение, явление или событие действительности. В нашем понимании, концепт - это явление или социальный феномен действительности, репрезентирующий эмотивность. Эмотивный концепт является весьма ценным для культуры и актуализации социальных установок, в результате чего мы получаем парадигматически и синтагматически значимую языковую фиксацию концептов в виде лексических средств. Вежбицкая А. указывает на существование в языке а) неразложимых семантических примитивов, содержащих значение языковой единицы, и б) концептуальных примитивов, являющихся врожденными. Более того, исследователь настаивает на «отсутствии резона ожидать, что в разных человеческих коллективах они будут различными» [Вежбицкая, 1999:297].

Содержание концептов «зависть» и «ревность» по объему поверхностной языковой сущности в сопоставляемых языках, бесспорно,

может отличаться. В то время как средства объективации концептов и их фрагментов, а также восприятие возможных способов невербального декодирования анализируемого когнитивного действия и осмысление концептов носителями обыденного таджикоязычного, русскоязычного и англоязычного менталитетов в целом могут иметь существенное количество точек пересечения и ряд принципиальных расхождений. Следовательно, проведение дефиниционного анализа концептов позволит смоделировать структурно-семантические поля эмоциональных концептов «зависть» и «ревность».

Концепт «**ҳасад**» в таджикском языке определяется следующим дефиниционным срезом: *рашк, нотавонбинӣ, неирафти касеро нахостан, рашк бурдан ба мол ва обрӯю эътибори касе ва аз даст рафтани онро хостан, **рашк** - бадхоҳӣ, нотавонбинӣ; ҳасад бурдан, рашк бурдан, нотавонбинӣ кардан* [ФТЗТ:2010:520].

Деривационный ряд представлен лексемами: *ҳасадвар, ҳасадбар, ҳасадхӯр, ҳасадкунанда, ҳасадангез, ҳасадовар, ҳасадона, ҳасадбарӣ, ҳасадбаранда, ҳасадандеш, ҳасаднок, ҳасаднокӣ, ҳасадомез, пурҳасад, ҳасодат, ҳосид*.

В синонимический пласт входят: *рашк, бадхоҳӣ, нотавонбинӣ, ҳасуд, суқ, кин/кина, бухл/бахилӣ, ҳасратхӯр, хасисӣ, рашкин, чаимтангӣ, гурусначашмӣ/чашгуруснагӣ/чашмгушнагӣ, чизпарастӣ, ҳирс, пурхоҳӣ, , чаимзахм, чаими бад*.

Группу устойчивых сочетаний составили: *ҳасад кардан, ҳасад бурдан, рашку ҳасаду, ҳасаду макр, кину ҳасад, аҳли ҳасад, чаими ҳасад*.

«Хасад» отсутствует в этимологическом словаре иранских языков, так как слово заимствуется из арабского языка. В «Арабско-русском словаре» **حَسَدٌ** обозначает 1) завидовать (со злыми намерениями); 2) сглазить. [Баранов, 2006:172].

Далее приведём сведения о степени частотности употребления лексемы «**ҳасад**» на материале Национального корпуса таджикского языка [http: tajik-

corpus.org], общий объем которого на данный момент составляет 40 млн. словоупотреблений. В целом за лексемой «**ҳасад**» зафиксировано 715 вхождений. Количественный анализ показал, что около 245 документов содержат в общей сложности 686 предложений с данной единицей.

В приведенных ниже примерах, представленных в Корпусе, прослеживается связь между завистью и богатством, т.е. проектируется семантика симультанного, но при этом последовательного проявления богатства, зависти, боли, ненависти, вражда.

«Ба нозу неъматӣ одамони диндор ҳасад набароед ва гамгин нашавед, ки ин ҷаҳон зуд гузарандааст, давлати дунё ба дунё мемонад, шумо аз давлати ҷовиди охират умедвор бошед!» [Айни С., Одина, 1949]

«Одамӣ се чиз: хӯрданӣ, пӯшиданӣ ва густурданӣ дошта бошад, кифоя аст. Молу сарвати зиёд боиси рашқу ҳасад мегардад» [Шарифзода Х., Куллиёт Қ. 8., 1990-2017]

«Ҳасад мебарам ба ин мурғони кӯчӣ, ки бухлу ҳасад, бадбиниву душманӣ ба хотири гасби молу амвол ва хоки кишваре надоранд.» [Зоҳир А., Завол, 2015]

Концепт «**рашқ**» в таджикском языке определяется следующим дефиниционным рядом: *ҳасад, бартарии касеро дида натавонистан, рашқ бурдан, рашқ кардан, рашқ омадан, ҳасад бурдан* [ФЗТ, т.2, 2010:158]; *ба касе ҳасад бурдан, ҳасадбарӣ; ҳасад кардан; ба рашқ овардан, боиси рашқи касе шудан, дар касе ҳисси ҳасад барангехтан, рашқ бурдан* [ФЗТ, т.2, 158].

Деривационный пласт формируют единицы: *рашқнок, рашққунанда, рашқбар, рашқбаранда, борашқ, бадрашқ, бадрашқона, рашқин, рашқдор, рашқовар, рашқомез, рашқангез, пуррашқ.*

В группу синонимов входят: *ҳасад, гайрат, ҷасорат, нангу ор, сухтан.*

Линейку устойчивых сочетаний составляют: *рашқ бурдан, рашқ омадан, рашқу ҳасад, рашқу кин, рашқу иллат, рашқу хусумат, рашқу гайрат, рашқу дилтангӣ, деги рашқу адоват, рашқи лаънатӣ, ба рашқ овардан.*

«Этимологический словарь иранских языков» гласит, что «рашк» восходит к древнеиранской основе (*araska- 'зависть, ревность' > ав. п. araska- 'зависть; ср.-перс. arišk, rišk 'зависть'; кл. перс. arašk, rašk, дари, тадж. rašk, совр. перс. rašk 'зависть; ревность'

Количество фиксаций лексемы «рашк» в Национальном корпусе таджикского языка [<http://tajik-corpus.org>] равняется 508 единицам, которые встречаются в 187 документах. При этом следует отметить, что «рашк» представлена и в негативной, и позитивной коннотативной плоскости.

Приведем несколько примеров ее отрицательного восприятия:

«Аҳреман - деви бадӣ, зулмат ва аҷал, ки бо ҳурмузд - худои некӣ, равшанӣ ва ҳаёт доим ба ҷангу ҷидол аст, аз тахту бахти Қаюм арс рашк бурд ва роҳи душманӣ пеш гирифт. [Улуғзода С., Достонҳои Шоҳнома. 1976-1977].

«Рашк кардан аҳмақист.» [Икромӣ Ҷ., Ман гунаҳкорам. 1957].

«Боре хабар оварданд, ки ҷавонзана бемор аст, вале шавҳараш аз рашк ӯро ба духтур нишон надода бо доруҳои табибони авом табобат мекунад.» [Фирӯз Б., Тору пуд. 1985].

В ходе дефиниционного анализа концепта «зависть» в русском и языке были выявлены следующие трактовки: Зависть - чувство досады, вызванное превосходством, благополучием другого, желанием иметь то, что есть у другого [Ушаков, т.1., 1935:902]. Зависть - это свойство того, кто завидует; кто завидует, завистливый человек, свойство человека; склонный к зависти; досада о чужом добре или благе; нежеланье добра другому, а одному лишь себе [Даль, т.1., 1880:576]. Чувство недоброжелательства и нерасположения к кому-либо.

Деривационный ряд отмечен, прежде всего, отсутствием множественного числа этой лексемы. Были зафиксированы существительные: *завида, завидки, завидность, завистливость, завистник, завистница, завида, завидчик*; глаголы: *завиствовать, завидовать,*

завистничать; прилагательные: *завистный, завистливый, завищий, завидущий, завидливый*.

Положительную коннотацию концепта «зависть» передают такие единицы, как: *старательный, ретивый, усердный, целеустремлённый, ревностный в работе*.

Синонимический ряд представляют: *ревность, зариться, жаба*.

Выборка устойчивых словосочетаний фиксирует: *завистливые глаза, поповские глаза, испытывать зависть, завидки берут, чёрная зависть, белая зависть, лавры не дают спать, глотать слюнки от зависти, дурной глаз*.

В этимологическом словаре русского языка Макса Фасмера русское существительное «зависть» берет начало от латинского «*invidia*», родственного греческого «позор, стыд», латинского «ненависть», глагол завидовать происходит от глагола видеть и «основано, вероятно, на представлении о дурном глазе» [<https://lexicography.online/etymology/vasmer/>]

В Национальном корпусе русского языка [<https://ruscorpora.ru>] (объем всего корпуса: 1,5 слов) представлено 3809 вхождений лексемы «зависть» в 2385 документах. Обратим внимание на факт вариативности восприятия зависти всеми представителями русскоязычного лингвокультурного сообщества, независимо от принадлежности к определенному социальному классу, о чем свидетельствуют приведенные ниже примеры:

«Нет, какая-то здоровая зависть у меня порой прорезается.»

[Екатерина Иванова. Оперативник Гармаш дослужился до «Любовника» // «Финансовая Россия», 2002.09.19]

«Эти отрицательные отзывы о способностях, моральных качествах олигархов — не более чем классовые зависть и ненависть.» [Елена Костюк. Сверхбедные против свербогатых // «Время МН», 2003.07.30]

«От голода наша зависть была тупа и бессильна, как каждое из наших чувств.» [В. Т. Шаламов. Колымские рассказы (1954-1961)]

Дефиниционный анализ концепта «ревность» в русском языке показал следующие результаты: *ревность, ревности, мн. нет, ж.р. страстная*

недоверчивость, мучительное сомнение в чьей-либо верности, в любви, в полной преданности, боязнь чужого успеха, опасение, что другой сделает лучше, мучительное желание безраздельно владеть чем-нибудь [Ушаков, т.3., 1939:1310].

Деривационный ряд составляют: *ревность, ревнивец, ревнивица, ревнивый, ревнивая, ревнующий, ревнующая, ревновать, ревнующий, ревнивость, ревностный.*

Синонимический пласт представлен такими единицами, как: *вспыльчивость, недоверие, подозрение, зависть, сомнение, радение, старание, старательность, прилежание, усердие, рвение, ревностность, ретивость, рьяность, усердность, исполнительность, тщание, вспыльчивый, подозрительный, завистливый, заботливый, настороженный, усердный, целеустремлённый, старательный.*

Положительное значение концепта «ревность» фиксируется в словах: *заботливость, горячность, усердие, старательность, рвение, с усердием приняться за дело.*

К группе устойчивых словосочетаний относятся: *ревнивец - Отелло, чудовище с зелёными глазами, муки ревности.*

Согласно данным этимологического словаря Макса Фасмера «ревность» происходит от праслав. *гъвьнь, от кот. в числе прочего произошли: русск.-церк.-слав. рвьнь «усердие», ст.-слав. рвьннвь «ревнитель», сербск.-церк.-слав. рвение «соперничество», русск. ре́вность, ревновáть, укр. ревн́вий, болг. ревн́в и тд. Возм., связано с реветь, реву́.

В Национальном корпусе русского языка по лексеме «ревность» найдено 3341 вхождений в 1864 документах.

Некоторые примеры наглядно демонстрируют общепризнанный факт «ревнует значит любит», хотя отдельные контексты проецируют семантику зависти ставшей следствием ревности:

«Например, ученика может мучить ревность к младшим братьям и сёстрам.» [Алевтина Луговская. Если ребенок боится ходить в школу (2002)]

«В истории этой любви было всё — и безмятежно-счастливое начало, и яростная ревность, и уличения в неверности, и жестокие размолвки, и проклятия, и клятвы, и слёзы, и радостные примирения.» [Владислав Отрошенко. Эссе из книги «Тайная история творений» // «Октябрь», 2001]

«Ревность к удачливому сопернику тоже аргумент сомнительный.»
[Максим Соколов. Меня уже никто не любит. Колонка обозревателя // «Известия», 2002.09.25]

Анализ дефиниций концепта **«envy» в английском языке** показал относительную широту его трактовки: 1. *to wish that you had someone else's possessions, abilities etc.* 2. *the feeling of wanting something that someone else has.*

Деривационный блок состоит из лексем: *envious, envied, envying, envies, enviousness, envyingly, unenvious*

Синонимический ряд и частеречная характеристика концепта **«envy»** равно как и дефиниционный спектр отличаются объемностью:

Существительные (Noun): *covetousness, enviousness, invidiousness, jealousy, resentment, green-eyed monster, animosity, enmity, hatred, ill-will, malice, maliciousness, spite, spitefulness, bitterness, malignity, resentfulness, grudge, rivalry, suspicion, opposition, prejudice, malevolence, discontent, jaundice, backbite, cupidity, belittle, belittling, the evil eye, envy in one's heart, lack of Christian charity, deadly seven sins, bad sportsmanship, lusting after another's goods, coveting another wife*

Прилагательные (Adjective): *jealous, covetous, envious, invidious, longing, malicious, ill will*

Глаголы (Verb): *begrudge, resent, ache for, covet, crave, desire, die for, hanker after/for, hunger for, itch for, jones for, long for, lust for/after, pant after, thirst for, want/wish for, yearn for, yen for, salivate, aspire to.*

К группе устойчивых словосочетаний относятся: *to watch with envy; twinge/pang of envy; tinge of envy, touch of envy, stab of envy, to green with envy*

= *feeling a lot of envy; be the envy of somebody, stoke envy, to fell envy, to envy somebody for something, to sour grapes*= *to say this when someone's bad or angry behavior is caused by jealousy, to envy somebody something, out of envy, in envy of somebody, to excite envy, to be the envy of all, to be envied, extreme envy, to feel envy, to arouse envy, to be consumed with envy, to have envy, to fill somebody with envy, to inspire envy.*

Согласно словарной статье этимологического словаря под редакцией Дугласа Харпера, слово *envy* как и русское слово «зависть» происходит от латинского *invidia* «зависть, ревность», далее из *invidere* «смотреть с недоброжелательством; завидовать», далее из *in-* «в» + *vidēre* «видеть», из праиндоевр. *weid-* «знать, ведать; видеть». Англ. *envy* - с конца XIII века, заимств. через ст.-франц. *envie*.

Согласно Британскому национальному корпусу [<https://www.english-corpora.org/bnc/>], (объем - 100 млн словоупотребления) частность употребления «*envy*» составляет 719 вхождений.

Из многочисленных примеров явствует отрицательная коннотация зависти ввиду ее деструктивных последствий:

«One of those dinner parties which she loved and mocked almost equally, where people envy each other their success while feeling faintly guilty about their own.» [Three times table. Maitland, Sara. London: Chatto & Windus Ltd, 1990,]

«I declare she'll outshine every woman in London and make you the envy of every man who meets her.» [Topaz. Bennetts, Pamela. UK: Magna Print Books, 1988, pp. 9-206.]

«Aggression and violence can escalate when jealousy and envy grow in a competitive atmosphere.» [Behaviour problems in young children: assessment and management. Douglas, Jo. London: Routledge & Kegan Paul plc, 1992, pp. 16-131. 1985 s-units.]

Концепт «**jealousy**» в английском языке находит свое толкование посредством следующего дефиниционного ряда:

Деривационный пласт реализуют: *jealousy, jealously, jealousyness.*

Синонимический ряд и частеречная характеристика концепта «jealousy» объективируются посредством следующих единиц:

Существительные (Noun): *covetousness, enviousness, invidiousness, envy, enviousness, resentment, resentfulness, green-eyed monster, yellow-eyed monster, animosity, enmity, hatred, ill-will, malice, maliciousness, spite, spitefulness, suspicion, distrust, mistrust, possessiveness, questioning, fear, reservations, doubt, disbelief, skepticism, cynicism, apprehension, misgiving, qualm, wariness, dubiety, dubiousity, malignity, disquiet, incredulity, uncertainty, indecision, incertitude, heartburning, lack of faith.*

Прилагательные (Adjective): *controlling, demanding, domineering, grasping, covetous, envious, invidious, jaundiced, distrustful, mistrustful, suspicious, overprotective, protective, green-eyed, begrudging, grudging, avaricious, greedy, rapacious, malicious, petty, spiteful, possessive, monopolizing, watchful, skeptical, doubting, apprehensive, green-eyed, horn-mad.*

Глагольная форма образуется при помощи смыслового глагола в форме словосочетания, отличающегося структурным постоянством.

В группу устойчивых словосочетаний входят: *to be jealous, to keep a jealous eye on one's husband/wife, to be jealous of another's successes, blind jealousy, the torture/torments/pains of jealousy, be eaten up with/by jealousy, a pang/stab/twinge of jealousy = a sudden feeling of jealousy, in a fit of jealousy = because a sudden feeling of jealousy makes you do something, extreme/intense/pure jealousy, petty jealousy = jealousy about unimportant things, sexual jealousy = jealousy caused by sexual desire, professional jealousy = between people who do the same kind of work, insane/irrational/obsessive/pathological jealousy, to feel jealousy, cause jealousy, jealously guard or protect something, jealously watch over somebody, something, jealous nurse, a jealous God, to be jealous of one's name/rights; jealous glance, jealousy for somebody's well-being, extreme jealousy, to feel jealousy, to arouse jealousy, to provoke jealousy, to create jealousy.*

Впервые данная лексема была использована в 13 веке: *English jealous, from Anglo-French gelus, from Vulgar Latin zelosus, from Late Latin zelus, zeal.*

Частотность употребления лексемы «jealousy» в Британском национальном корпусе [<https://www.english-corpora.org/bnc/>] равняется 672 вхождениям. Анализ показал, что во всех трех языках лексема «jealousy-ревность-рашк» используется в гораздо меньшем количестве контекстов нежели «envy – зависть - ҳасад».

В качестве примера можно привести пьесу Шекспира «Отелло», в которой автор, по мнению экспертов, делает явный акцент на негативной маркированности «jealousy» и ее губительных последствиях:

«There seemed to be no jealousy, no discontent among them; and the gaiety of the scene was such that I for a moment doubted whether unhappiness had any place in Rasay.» [A walk to the western Isles. Delaney, F. London: Harper Collins, 1993]

«Thus we act on assumptions based on insufficient evidence – consider the action and outcome of jealousy that is portrayed in Shakespeare’s Othello. Yes, jealousy is futile, but so often we can not rid ourselves of its components and reason ourselves back to a state of equilibrium.» [Learn to live. Spindler, Stephanie. Shaftesbury, Dorset: Element Books Ltd, 1991, pp. 1-93]

Таким образом, в результате проведенного дефиниционного анализа концепта «ҳасад - зависть - envy» выявлено, что:

- в таджикском языке ядерным значением зависти является чувство глубокого неудовольствия по поводу развития, благополучия других; завидовать богатству, имуществу, авторитету, уважению; желать утрату авторитета и уважения, потерю имущества человеком-объектом зависти;

- в русском языке ядерное значение зависти представляет чувство досады, желание иметь благо, добро, имущество, принадлежащее другому; недоброжелательство и нерасположение к другому ввиду наличия у него определённых благ;

- в английском языке ядерная семантика зависти заключается в чувстве, возникшем как результат недовольства, неудовлетворённости и досады при виде чужих достижений, имущества, достоинства и уважения.

В структурном плане производные концепты «хасад - зависть - envy» формируются по традиционным для сопоставляемых языков словообразовательным моделям. Однако одним из продуктивных способов словообразования в данном случае является аффиксация и составные словосочетания, усиливающие эмотивность в семантике и интерпретации анализируемого концепта.

В лексико-семантическом аспекте наблюдается тождественность в пределах определённых значений в идейном содержании. Значения в синонимическом ряду конкретизируют пересечение смыслового объёма. Однако в функциональном срезе главную роль играет контекст, который регулирует семантическое пространство используемой концептуальной единицы. При дефиниционном анализе можно проследить определенную мобильность концепта, то есть его продвижение и фактический переход из одного эмотивного концептуального пространства в другое.

Например, в таджикском языке хасад - это:

1. бадхоҳӣ, нотавонбинӣ - недоброжелательство;
2. сук, чашмзахм, чашми бад - сглаз, порча;
3. кина - ненависть;
4. бухл, пурхоҳӣ - скупость, алчность;
5. бахилӣ, хасисӣ, чашмтангӣ, гурусначашмӣ, чашгуруснагӣ, чашмгушнагӣ, оз, озмандӣ, озпарастӣ, ҳарисӣ - жадность;
6. тамаъ, судпарастӣ, ҳирс, ҳирсбалад - корысть;
7. чизпарастӣ - накопительство, вещизм.

В русском языке зависть – это:

1. досада о чужом добре или благе;
2. нежеланье добра другому, а одному лишь себе;
3. недоброжелательство к кому-либо;

4. нерасположение к кому-либо;
5. старательный, ретивый, усердный, целеустремлённый, ревностный в работе;
6. завистливые глаза;
7. поповские глаза;
8. испытывать зависть;
9. завидки берут;
10. чёрная зависть;
11. белая зависть;
12. лавры не дают спать;
13. глотать слюнки от зависти;
14. дурной глаз.

В английском языке зависть – это:

1. covetousness – алчность, жадность;
2. enviousness, invidiousness - зависть;
3. jealousy – ревность;
4. resentment, resentfulness- негодование, злоба, обида;
5. green-eyed monster – зависть, ревность;
6. animosity – враждебность, злоба, вражда;
7. enmity, ill-will– враждебность, неприязнь, злоба, недоброжелательство;
8. hatred – ненависть, отвращение, омерзение;
9. malice, maliciousness, spite, spitefulness, malignity– злоба, злость, озлобленность, недоброжелательность, злонамеренность;
10. bitterness – горечь;
11. grudge – недовольство, недоброжелательность, зависть;
12. rivalry – вражда, соперничество;
13. suspicion – подозрение;
14. opposition – сопротивление, возражение, противодействие;
15. prejudice – пристрастное, предвзятое предубеждение;

16. malevolence – злорадство, недоброжелательность, злоба;
17. discontent – недовольство, неудовлетворенность, неудовольствие, досада;
18. jaundice – желчность, зависть, ревность, предубежденность;
19. backbite – злословие, клевета;
20. cupidity – алчность, жадность, вожделение;
21. belittle, belittling – принижение;
22. the evil eye – дурной глаз;
23. envy in one's heart – зависть в сердце;
24. lack of Christian charity – недостаток в христианской благотворительности, отзывчивости, милосердии, сострадании
25. deadly seven sins – семь смертных грехов;
26. bad sportsmanship – непорядочность;
27. lusting after another's goods – сильно, страстно желать что-либо или чье-либо имущество;
28. coveting another wife – вожделеть, жаждать чужую жену.

Дефиниционный анализ концепта «рашк – jealousy – ревность» дает основания полагать, что:

- в таджикском языке ядерным значением ревности является зависть превосходству других, неспособность адекватно воспринимать счастье и достижения других; ревновать к кому-либо; быть объектом ревности; культивировать чувство зависти; возвращать чувство зависти в ком-либо;

- в русском языке ядерное значение ревности проявляется в чувствах тотального недоверия и мучительного сомнения в чьей-либо верности; в любви, в полной преданности, боязни чужого успеха, опасении, что другой сделает лучше, мучительном желании безраздельно владеть чем-нибудь;

- в английском языке ядерное значение ревности реализуют чувства гнева и горечи; когда субъект старается найти любовника/любовницу, или вступить в связь на стороне; неприятие и гнев, причиной которых является убеждение в том, что тот, кого ты любишь, любит другого и/или любим еще

кем-либо, кроме тебя; враждебность к противнику в результате превосходства оппонента; нетерпимый к соперничеству, конкуренции или к вероломству, предательству; заподозрить в соперничестве и предательстве; бдительный в вопросах сохранения своей собственности; недоверие к правде, фактам, или существованию чего-либо; желать то, что есть у других.

Рассмотрение данного концепта в его широчайшем дефиниционном диапазоне также демонстрирует факт перехода концепта из одного эмотивного концептуального пространства в другое.

Например, в таджикском языке **рашк** – это:

1. ҳасад, ҳасуд – зависть;
2. бадхоҳӣ, бадандешӣ, бадниятӣ – недоброжелательство;
3. бадқасдӣ – злонамеренность;
4. бадниҳодӣ, бадсириштӣ – скверность, низость, подлость, злость, злобность;
5. кинадор – мститель(ный), недоброжелатель(ный), злопамятный;
6. душман – враг;
7. ғаюрӣ – энергичность, ревностность;
8. ҳамийят, ғайрат – чувство чести, благородство, пыл, рвение, энтузиазм, усердие;
9. орият – болезненное самолюбие;
10. нангу ор – стыд и позор;
11. сухтан – испытывать душевные муки, переживать, страдать.

В русском языке ревность – это:

1. недоверие/подозрение/сомнение /настороженность;
2. зависть;
3. вспыльчивость;
4. ревностность, радение, старание, старательность, прилежание, усердие, усердность, рвение, ретивость, рьяность, исполнительность, тщание, заботливый, целеустремлённый.

В английском языке jealousy – это:

1. covetousness – алчность/жадность;
2. enviousness, invidiousness – зависть,
3. resentment, resentfulness – негодование, злоба, обида;
4. green-eyed monster, yellow-eyed monster, heartburning – зависть, ревность; animosity – враждебность, злоба, вражда;
5. enmity, ill-will – враждебность, неприязнь, злоба, недоброжелательство;
6. hatred – ненависть, отвращение, омерзение;
7. malice, maliciousness, spite, spitefulness, malignity – злоба, злость, озлобленность, недоброжелательность, злонамеренность;
8. suspicion – подозрение;
9. distrust, mistrust – недоверие, сомнение;
10. possessiveness – чувство собственности, собственнический инстинкт; reservations, doubt, qualm, dubiety, dubiousity, – сомнение, колебание, неясность, двусмысленность;
11. questioning – возражение, допрос;
12. fear, apprehension, misgiving – страх, опасение, дурное предчувствие;
13. disbelief, lack of faith – недоверие;
14. skepticism, incredulity – скептицизм, недоверие, неверие;
15. cynicism – цинизм;
16. wariness – осмотрительность, осторожность;
17. disquiet – беспокойство, тревога, обеспокоенность;
18. uncertainty, indecision, incertitude – неуверенность, нерешительность.

Дефиниции, представленные выше, демонстрируют типичные признаки анализируемых концептов и подтверждают факт того, что в сопоставляемых языках данные эмоциональные концепты в основном транслируют отрицательную семантику. Концептуальные признаки выступают как «репрезентативные образы, которые отражают типичные критерии, закреплённые в виде устойчивых сочетаний» [Пименова 2002: 102].

Возможность перехода из одного концептуального пространства в другое (на уровне дефиниций в том числе) находит свое ярчайшее подтверждение на базе многочисленных примеров, объективирующих различную контекстуальную нагрузку рассматриваемых концептов. Зависть как негативная деструктивная эмоция, основывающаяся на сравнении, порождает чувство враждебности, злобы, неприязни, скупости, жадности и обиды. Зависть рассматривается как восхищение кем-либо или чем-либо. Ревность выступает своего рода регулятором межличностных отношений, основой которых являются любовь, страсть и привязанность. Однако данную эмоцию отличает потенциальная возможность перерождения в деструктивные поведенческие модели, триггером и следствием которых выступают страх неверности, недоверие, сомнение, ненависть, подозрение и прочие отрицательные аспекты межличностных отношений. При этом следует отметить, что проявление зависти носит, как правило, имплицитный характер, в то время как ревность имеет открытую природу проявления. Хотя подобная представленность зависти и ревности не является универсальной для представителей всех этносов без исключения, поскольку культурно-исторические вехи, будучи ключевым аспектом формирования картин мира конкретной этнической группы, предполагают свою специфику проявления таких базовых общечеловеческих эмоций, как зависть и ревность.

2.2. Концепты «ҳасад/зависть/envy» и «рашк/ревность/jealousy» в пословицах и поговорках таджикского, русского и английского языков

Язык сквозь призму концептуального анализа предстаёт в новой, антропоцентрической парадигме и рассматривается уже не просто как средство общения, а в качестве средства познания мира, ценностей и культуры народа. Язык – это главное сокровище нации, основной способ коммуникации, выражения намерения и мысли, в сокровищнице которой сохраняются знания об окружающем мире, о социальном положении, об

истории и культуре. Будучи основной единицей ментальности, концепт имеет языковую форму вербализации, национальную специфику и структуру, которая содержит концептуальные признаки, «функционально значимые для соответствующей культуры» [Пименова 2002:100]. Проникновение в концептуальное пространство анализируемых в рамках настоящей диссертации концептов позволит нам изучить специфику языковых средств, сохраняющих знания о мире, и методы их структурирования в языке в процессе познания мира.

В данном разделе исследования приводится анализ единиц паремиологических фондов русского, таджикского и английского языков, объединенных концептами «зависть» и «ревность». Изначально следует отметить, что из всех определений паремий в контексте заявленной темы нами была выбрана дефиниция, согласно которой паремиями являются пословицы и поговорки, несущие в себе моральные ценности [Савенкова, 2002:23], в которых закреплена память, история и этнический менталитет народа [Воркачев, 2004:64-65]. Предпримем попытку обосновать данный выбор. Интерес, проявляемый к устойчивым сочетаниям слов, имеющих форму предложения и словосочетания, в частности к паремиям, вполне объясним.

Паремиологический фонд любого языка позволяет реконструировать наиболее важные стереотипы массового национального сознания, то есть паремии, по своей сути, это вербальные «стереотипы народного сознания» [Маслова, 2001:43]. Их «народная» природа позволяет констатировать, что «фольклорный язык - это не просто система произвольных знаков. Это особая культура с достаточно жесткими нормами, складывающимися исторически» [Тарланов, 1984:64].

Современное научное знание наделяет паремии статусом одного из ключевых культурных «кодов» культуры; лингвисты отмечают, что пословицы и поговорки являются «языком веками формировавшейся обыденной культуры», передающимся от поколения к поколению и

отражающим жизненную философию народа - носителя языка со всеми ее категориями и установками [Телия, 1996:288].

Пословицы и поговорки неоднократно становились предметом или объектом анализа в работах таджикских ученых, таких как Б.Тилавов [1966], [1975], М.Фозилов [1976]), К.Хисомов [1978], Ф.Муродов [1979], Ф.Турсунов [2006], О. Игболов [2017], Ш. Каххоров [2021] и др.

Например, таджикский паремиолог Б. Тилавов выделяет четыре основных фактора возникновения пословиц и поговорок и причины их последующей трансформации: 1) жизненный опыт людей (*Сад рӯз дар бор / Як рӯз даркор*); 2) таджикско-персидский фольклор: сказки, предания, поэмы, анекдоты, загадки и рассказы (*Шайхро хунар нест, хонақо танг аст*); 3) крылатые выражения, представленные в литературных произведениях (*Дев бо одам наёмезад, матарс,— бал битарс аз одамони девсор*); 4) фольклор других народов (*Пул бошад дар ҷангал шурбо, Ҳама барои як кас, як кас барои ҳама*). [Тилавов, 1967].

В вопросе сохранения и развития жанра паремии особая роль отводится эпистолярному наследию классиков персидской и таджикской литературы – Абу Абдуллахи Рудаки, Абулкасима Фирдавси, Саади Шерози, Насира Хусрави Кубадияни, Низами Гянджеви, Камала Хучанди, Абдуррахмани Джами, Бадриддина Хилоли, Сайиди Насафи, Мирза Абдулкадира Бедила. Важное место занимают и произведения классиков советской литературы – Садриддина Айни, Абулкасима Лохути, Мирзо Турсунзаде, Лоика Шерали, Бозора Собира. Истинный талант этих мастеров слова не только возродил многие единицы паремиологического фонда, но и способствовал их дальнейшей популяризации как в рамках фольклора, так и в целом ряде других жанров. Более того, отдельные выдержки из произведений под авторством этой когорты известных писателей и поэтов стали крылатыми выражениями или со временем стали восприниматься как пословицы и поговорки. Так, например, по мнению Б. Тилавова, известная

таджикская поговорка «Сухан бисёр дону андаке гӯ» восходит корнями к творчеству Саади Шерози.

Классифицируя таджикские поговорки, Усмонзода Ш. отмечает, что некоторые пословицы и поговорки европейских народов ориентированы на капиталистический уклад общества. Практическое отсутствие (или несоизмеримо ограниченное количество) в таджикском языке поговорок такого плана исследователь объясняет историческим контекстом: Октябрьская революция 1917 года способствовала резкому переходу к социалистическому пути развития [Усмонзода, 2020].

Первые сборники пословиц и поговорок в таджикском языке, которые сегодня имеют высокую научную значимость, были составлены Х. Каримовым (1931), А. Мирзоевым (1940), Р. Амоновым (1956), В. Асрори (1956), Р. Абдуллозода (1958), Я. Калонтаровым (1965), М. Фозиловым (1975, 1977) и др.

Игболов О. предлагает включить в группу ценных паремиологических источников пятитомный «Свод таджикского фольклора». Это издание, опубликованное в 1986 году, содержит перевод пословиц и поговорок на русский, персидский, английский языки. По мнению ученого, Свод представляет собой уникальный ресурс для проведения паремиологических исследований и составления новых справочных материалов, которые позволят расширить знания не только о таджикской культуре, но и иранистике в целом [Игболов, 2017].

В России сборники мудрых изречений начали составлять в XVII веке. К этой категории трудов можно отнести «Собрание 4291 древних российских пословиц» (А.А. Барсова, 1770); «Русские пословицы, собранные Ипполитом Богдановичем» (1785); «Полное собрание русских пословиц и поговорок» (Д. Княжевич, 1822), «Сборник пословиц русского народа» (В.И. Даль, 1853) и др.

Особое место среди этих изданий занимает сборник, опубликованный в XX веке, – «Русские пословицы и поговорки» М.А. Рябниковой, вышедший

после смерти его автора, в 1961 г. Отличительной особенностью этого сборника являлись утверждение и популяризация в сознании советских людей новых социально-политических взглядов и постепенное искоренение пережитков прошлого (*Врагов бояться – пограничником не быть. Волков бояться – в лес не ходить*).

Современные английские пословицы и поговорки этимологически основаны на индивидуальных, близких к сентенциям и афоризмам, нравоучительных изречениях – гномах (индивидуальные конкретные утверждения назидательного характера) и максимах (изречения, определяющие правила поведения), а также шуточных бытовых высказываниях, появившихся в период среднеанглийского языка [З.Р. Алхастова].

Первыми полноценными сборниками паремий английского языка являются словари Ричарда Тавернера «*Proverbes or Adagies: with Newe Addicions Gathered out of the Chiliades of Erasmus*» (1539) и Джона Хэйвуда «*Dialogue conteinyng the nomber in effect of all the prouerbes in the englische tongue*» (1546). Авторы представляют подробные комментарии к входным единицам, семантизируют их, проводят исторические параллели, обращаются к политическим и этическим аспектам. В последующие годы коллекция английских пословиц расширяется благодаря изданиям: «*A collection of English Proverbs*» (1670) Джона Рея; «*Книга пословиц*» (1855) Бонна; «*Modern proverbs and proverbial sayings*» (1989) Бартлетта Жер Уайтинга и др.

Считаем целесообразным кратко остановиться на вопросе о том, что именно включается в понятие «паремия». Отметим, что он (вопрос) остается все еще открытым, поскольку помимо пословиц и поговорок некоторые исследователи относят к паремиям:

а) афоризмы (краткое выразительное изречение в сжатой и образной форме заключающее законченную мысль, поучение или обобщение, как результат долгих размышлений или наблюдения над явлениями жизни);

б) притчи (рассказ, в иносказательной форме содержащий нравоучение);

в) максиму (обобщённая, глубокая, лаконичная и отточенная мысль определённого автора, устанавливающая правило поведения, основной логический или этический принцип);

г) сентенции (краткое нравоучительное изречение);

д) девиз (краткое изречение, обычно выражающее руководящую идею в поведении или деятельности);

е) апофтегму (краткое остроумное нравоучительное изречение; краткий рассказ об остроумном, поучительном ответе или поступке великого человека – царя, полководца, философа);

ж) присказку (короткий смешной рассказ, прибаутка, обычно предисловие к сказке);

з) анекдоты, басни и даже сказки.

Анализируя паремиологию в сопоставительном лингвокультурологическом аспекте, отдельные ученые отмечают, что крылатые фразы из фильмов, многократно повторяемые благодаря рекламе и средствам массовой коммуникации только начинают изучаться как паремиологические единицы [Ильина, 2017:32].

В рамках настоящего исследования в качестве единиц паремиологического фонда будут выступать в основном пословицы и поговорки, однако в определенном контексте в фокусе внимания окажутся и афоризмы.

Важно обратить внимание на то, что все существующие на сегодняшний день классификации пословиц и поговорок были разработаны с учетом следующих ключевых принципов:

- 1) по принципу побуквенного (алфавитного) кодирования;
- 2) по принципу учета ключевых лексем;
- 3) по географическому принципу (учет включенных в паремии названий географических объектов);

4) по диахроническому принципу (учет времени создания паремий, анализ соответствующего исторического контекста);

5) по принципу отношения человека к окружающему миру (к природе, пище, быту, жизненным ценностям и т.п.);

6) по понятийному (концептуальному) принципу [Бабиян, 2017:49].

Особый интерес для нашего исследования представляют паттерны, имеющие концептуальную природу, поскольку именно они будут рассматриваться как особенности, отображающие «профиль» народного менталитета, который, в свою очередь, определяет границы поведения (как в языковом, так и в общепринятом плане), исторически закрепляющиеся в сознании представителей лингвокультурного сообщества.

Напомним, что паремиологический фонд любого языка является средоточием истории того или иного народа, его стереотипов национальной культуры, эталонов образного восприятия и интерпретации действительности, кладезю вековой мудрости. Пословицы и поговорки вербализуют нравственный и бытовой опыт народа, являются показателем речевой культуры как индивидуума, так и социума, в языке которого курсируют паремийные единицы (*красна речь пословицей - зарбулмасал дар гап асал; мақол зеби сухан - поговорка - украшение речи*). Паремии - это код моральных и духовных ценностей, это память и историко-этнографический символ народа, это модель, общепризнанная (в рамках конкретного этноса) норма поведения.

Сопоставительный анализ паремий разных языков позволяет выявить универсальные и специфические признаки национальных картин мира, понять особенности народного характера, расширить знания о культуре и ментальности народов – носителей сравниваемых языков [Телия, 1996].

Эмоции, как неотъемлемая часть человеческого бытия, составляют основу значительного количества паремий. Так, эмоциональные концепты «зависть» и «ревность», будучи вечно актуальными в системе человеческих отношений, являются базисом эмотивной и ценностной картин мира каждого

народа и, закрепляясь в языке и в сознании этноса, «диктуют» поведенческие нормы и прогнозируют возможные реакции в этих остро-эмоциональных жизненных ситуациях.

Зависть и ревность, несмотря на их деструктивный характер, занимают важные позиции не только в мировосприятии и мироощущении отдельного человека, их «отрицательный резонанс» может оказать на общество весьма негативное влияние. Эта тенденция манифестируется множеством паремиологических единиц, реализующими концепты «зависть» и «ревность», о чем свидетельствует фактический материал данной части исследования, который был получен методом сплошной выборки из целой серии лексикографических таджикских, российских и зарубежных источников (полный перечень представлен в конце работы в списке использованной литературы).

Анализ показал, что данный пласт пословиц и поговорок в сопоставляемых языках имеет достаточно широкий количественный и аспектный ряд. Так, целый паремейный блок отражает поведенческие реалии и отношение человека к выражаемым эмоциям (ревности и зависти), содержит оценочную парадигму чувств и характерных особенностей человека, испытывающего конкретную эмоцию. Отдельная группа паремий отличается дидактическим контентом, выраженным в форме рекомендаций и советов по сглаживанию конфликтных ситуаций, вызванных завистью/ревностью.

В паремиях зависть и ревность идентифицируются двояко – как конкретное проявление человеческой сущности и как абстрактное понятие. Паремии, как уже отмечалось выше, – это память, передающая из поколения в поколение информацию о моральных и духовных ценностях этноса, они репрезентируют национальный менталитет, который проявляется в бытовых, традиционных, исторических, культурных реалиях. Ключевым назначением единиц паремиологического фонда является актуализация народной оценки объективных явлений действительности, посредством которой

объективируется мировоззрение определённой этнической группы. И.М. Снегирёв полагает, что «нигде столь резко и ярко не высказывается внешняя и внутренняя жизнь народа со всеми её проявлениями, как в пословицах, в кои облекается народный дух, ум и характер» [Снегирёв, 1996].

По мнению большинства экспертов, наиболее ярко национальная специфика пословиц и поговорок выявляется именно при сопоставлении разных языков, что объясняет наше стремление рассмотреть способы реализации заявленных концептов в срезе трех языков. Ранее нами уже было отмечено, что концепты «зависть» и «ревность» входят в категорию эмоциональных, имеют сложную структуру и богатое концептуальное содержание, являясь при этом наиболее субъективными по своему характеру. Эта субъективность обусловлена тем, что о совокупности концептов (концептосфере) можно судить по ментальной модели действительности, отражаемой в языке и в языковом сознании конкретных носителей языка. Опираясь на первичное толкование паремии, мы отобрали для сопоставительного анализа пословицы и поговорки, фразеологические единицы, которые были классифицированы в соответствии с их идейным содержанием.

Так, фразеологические единицы и паремии с компонентом «**ҳасад**» (**зависть**) в таджикском языке были распределены на 16 смысловых групп.

1) Зависть - губительное чувство

- Ҳасуд – ҳаргиз наосуд;
- Гури ҳасуд танг;
- Чашми танги дунёдоро ё қаноат пур кунад ё хоки гур;
- Ҳаққи мардумхурӣ – хонавайрон шавӣ;

2) Зависть - потеря спокойствия, душевного баланса

- Роҳате набувад ҳасуди шумро, козиби бадбахтро набвад вафо;
- Чони ҳосид дар зери гам фарсуд;
- Ҳасуд – ҳаргиз наосуд;

3) Зависть - безперспективное чувство

- Одами бахил ба мақсад нарасидааст;
- Боги бахил гул намекунад.
- Сахй дар ҳарду олам сарбаланд аст, бахилро даст кутоҳ гур танг аст.

4) Бедные, бездарные не могут стать объектом зависти

- Беҳунар он ки дар офоқ касаш нест ҳасуд.

5) Зависть - греховное чувство

- Бо (ба) худододагон ситеза макун, (ки) ба худододагон (худододаро) худо додааст;

6) Дружба, преданность как антипод зависти

- бухлу дустӣ бо ҳам набошад;

7) Отсутствие зависти - утопия

- Агар ҳасуд набошад, ҷаҳон гулистон аст.

8) Зависть - аналог жадности

- Аз паи ину он шуд, дасти холӣ равон шуд;
- Кафтари дубома машав;
- Нафси бад - балои ҷон;
- Нимта нон роҳати ҷон - якта нон балои ҷон;
- Чашмгуруснагон аз баҳри фарзанд мегузаранд, вале аз баҳри пул не;
- Хуни шабушхур;
- Чирки дандонхур;
- Шабушро кушта хунашро лесидан;
- Аз нони мулло ситора наздиктар аст;
- Ҷаҳон хурдан; - ба моли дунё харис, тамаъкор будан, моли дунёро чамъ кардан;
- Гов бимирад ҳам, алои чашмаш намеравад;
- Ҷарис ҳаргиз аз чамъ гардидани пулу мол қонеъ намегардад.

9) Зависть - алчность

- Гадо, агар ҳама олам бад-у диҳанд, гадост.

10) Зависть - скупость

- Харчи мумсик ду чандон.

11) Зависть - мучение

- Сахй хайр кунад, бахилро дарди сар мегирад.

12) Демонстрация зависти в поведенческих моделях

- Бо чашми худ касеро хурдан;
- Тунду тез нигаристан;
- Ба касе ҳасадомезона нигоҳ кардан.

13) Отказ от зависти ввиду ее материальной несостоятельности

- Тамаъ – балои қон;
- Кам бошаду соз бошад.

14) Зависть - обязательный атрибут межличностных отношений индивидов в каждой из социальных страт

- Гадо гадоро чашми дидан надорад
- Гадо душмани гадо - бувад ҳампеша бо ҳампеша душман;
- Маҳак донад, ки зар чисту гадо донад, ки мумсик кист.

15) Зависть - месть, злость, вражда

- Ба чашми бад нигоҳ (назар) кардан;
- Ба касе теғ кашида нигоҳ кардан - 1. ба касе кинаомезона назар кардан, 2. ба касе бо дахшат нигоҳ кардан;
- Бо чашми адоват нигоҳ кардан - бо касе душманона, бадбинона, ғайри хайрхоҳона рафтор намудан, касеро бад дидан;
- Таги чашм карда гаштан - 1. касе, чизеро ҳамеша дар назар, дар диққати худ доштан, 2. бо ягон ният касе ё чизеро ба таҳти назорат гирифтани, 3. нисбат ба касе, чизе тамаъ доштан;
- Ба касе, чизе чашм ало кардан (намудан) - 1. ба касе, чизе бо тамаъ нигоҳ кардан, 2. ба касе, чизе бо назари бад, танкид нигоҳ, кардан;

- Ду чашм духтан - 1. ба касе, чизе бо диққат нигоҳ кардан, нигоҳ карда мондан, интизор шуда мондан, 2. ба касе, чизе бо нияти бад, бо чашми бад нигоҳ кардан, ба касе, чизе харисона нигаристан, тамаъ кардан;
- Чашми тамаъ духтан - ба касе, ба чизе бо чашми ҳарисона нигоҳ кардан.

16) Зависть - извечный враг и спутник человека

- Ҳасад душманест, ки ҳамеша бо туст. Ва аз вай чудо шуда наметавонӣ.

17) Мастерство, умение, талант как предмет зависти

- Бе хори ҳасад нест гули фазлу ҳунар

Фразеологические единицы и поговорки с компонентом «**рашк**» в таджикском языке представлены в рамках лишь одной группы:

1) Ревность сиречь любовь:

- Дил бе ишқу ишқ бе рашк нест.

Единицы паремиологического фонда (фразеологизмы, пословицы, поговорки) русского языка с компонентом «**зависть**» были сгруппированы следующим образом:

1) Зависть – вечный спутник человеческого бытия

- Зависть прежде нас родилась;
- Сытых глаз на свете нет;
- Он завистлив врать, не уступит;
- Зависть глядит даже из глаз маленьких детей;
- Зависть – это врождённое;
- Зависть всюду дома;
- Зависть и ревность бессмертны, а любовь и дружба ломаются;
- Без зависти никто не проживёт;
- Зависть с рождения якшается с висельником и виселицей.

2) Зависть отличает пагубное начало

- Железо ржавчину съедает, а завистливый от зависти сохнет;
- Железо ржа съедает, а завистливый от зависти погибает;

- Завистливый сохнет по чужому счастью;
- Душа завистливого от зависти чахнет;
- Зависть целится в других, а ранит себя;
- На что мир не зинет, то и гинет;
- Завистливый на что не взглянет, все завянет;
- Завистливому и в могиле тесно;
- Завистники умирают, зависть передаётся по наследству;
- Зависть никого не сделала богатым;
- Зависть сама себе горло перерезает;
- Зависть пожирает своего хозяина;
- Зависть своё собственное наказание;
- Зависть приносит страдания завистнику;
- Зависть сама себе завидует;
- Зависть оставляет за собой трупы;
- Зависть не смеётся до тех пор, пока, корабль не потонет со всей командой.

3) Зависть – источник беспокойства, душевного дисбаланса

- Зависть покоя ни дает;
- Сосед спать не дает - хорошо живет;
- Злосчастный завистник не знает покоя, как и несчастный лгун не знает верности.

4) Зависть – бесперспективное чувство

- Завистью ничего не возьмешь (сделаешь);
- Свое добро теряет, кто чужое желает;
- Искав (желаючи) чужого, свое потерял;
- Ищущий чужого, о своем возрыдает;
- За чужим погонишься, свое потеряешь;
- Кто чужого желает, скоро свое утерять;
- С доброго будет, а завистливому шиш!;

- Не зарься на чужое, свое береги;
- И мы видывали, да не завидовали;

5) Зависть не предполагает наличие материальной выгоды

- В зависти нет корысти;
- Не корыстна, а завистна;
- Зависть по корысти, а корысть от зависти;
- В зависти нет корысти – глазом не заворишь

6) Зависть - злость

- Злой плачет от зависти, добрый от жалости;
- Злой плачет от зависти, а добрый от радости;
- В лихости и зависти нет ни проку, ни радости;
- Лихоманка да зависть – Иродовы сестры;
- Любит кричать воробей, что соловьи замерли, а сам от зависти чирикать разучился;
- Сытый волк смирнее завистливого человека.

7) Зависть - клиническая патология

- От зависти пожелтел, от досады вспыхнул.

8) Зависть - мучение

- Лихоманка, да зависть – Иродовы сестры;
- Завидливому и свой хлеб не сладок;
- У жадного кадык перетянулся.

9) Демонстрация зависти в поведенческих моделях

- Смех завистников не худое дело;
- У зависти глаза рачьи;
- Завистливое око видит широко (далеко);
- Завидливы глазища колом тычут;
- Завидущи глаза не знают стыда;
- Завистливый своих двух глаз не пожалеет;
- Где глаза окинут, тут жаль покинуть;

- Завистлив, что поповские глаза;
- Глаза человеку враги. Глаз — первый враг;
- Глаза даны на пагубу человеку (что ни видят, все бы захватили);
- На чужой живот гляди да сохни;
- Не насытится око зренья, а сердце желания;
- Нет пропасти супротив завистливых глаз;
- У него поповские глаза;
- На поповские глаза не наудишься добра;
- Очи видят, да зуб неймет;
- Чем больше у людей на душе зависти, тем больше на языках гадости.

10) Зависть - угроза дружеским отношениям

- Зависть друга хуже, нежели ненависть врага;
- Самый опасный враг это завистливый друг.

11) Дружба, преданность - антипод зависти

- Не завидуй, а будь предан (готов пожертвовать собой).

12) Зависть как положительное чувство

- Тот, кто не знает зависти, не должен об этом рассказывать;
- Лучше быть у других в зависти, нежели самому в кручине;
- Лучше быть в зависти, чем в жалости;
- Завистливый поп два века живет;
- Зависть нужно заслужить, жалость раздают бесплатно;
- Зависть выражается в искреннем восхищении;
- Зависть это признание собственного поражения;
- Зависть это добровольное признание своего поражения.

13) Зависть как предмет порицания, осуждения

- У лицемера хвалы мешок, а у завистливого хулы горшок;
- Завистливый хуже худшего.

14) Счастье, удача как предмет зависти

- Где счастье, там и зависть;

- Чему позавидуешь, того сам берегись;
- Чужому счастью не завидуй.

15) Успешные дети, доброжелатели как предмет зависти

- Добрый сын всему свету завидище;
- На одного доброхота по семи завидчиков.

16) Высокое качество объекта как предмет зависти

- Завидны в поле горох, да репа; кто не пройдет, щипнет;
- На хороший цветок и пчела летит.

17) Чужие имущество, доля, удел, сбережения, изобилие, богатство как предмет зависти

- Заветный перстенок и поношенный хорош;
- Чужое добро в глазах рябит;
- На чужое добро и глаза разгораются;
- Чужие хлебы спать не дают;
- Охал дядя, на чужие деньги и достатки глядя.

18) Здоровье как предмет зависти

- Чужим здоровьем болен.

19) Порицание зависти

- На чужой кусок не разевай роток, а пораньше вставай да свой затевай;
- Не разводи усок на чужой кусок;
- Не коси глаз на чужой квас;
- По чужим карманам не ищи, свой стереги;
- На чужую кучу нечего глаз пучить.

20) Зависть - злорадство (чужая беда, проблемы, неудачи - предмет радости)

- Чужой бедой сыт не будешь;
- Чужая обида не разжива;
- Чужая беда не разжива;
- Чужая нагота не разжива;

- Лучше хлеб с водой, чем пирог с бедой;
- Портит людей не бедность или богатство, а зависть и жадность;
- За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь;
- Не будь голубем двух крыш;
- На чужой кусок не пяль роток, а свой припаси, да и в рот неси;
- Не радуйся чужому безвременью, сам под богом.

21) Зависть - жадность и ненасытность

- На чужой лошади не наездишься;
- Завидки берут, что нам не дают;
- У скупого и в мороз льду не выпросишь;
- Невоздержанный человек умирает подуши;
- Чужая клетушка пирогами пахнет;
- От чужого добра в глазах рябит;
- Соседская курица всегда выглядит гусыней;
- На чужой обед надейся, а свой припаси;
- Бездонной кадки водою не наполнишь;
- В провальную яму не напасешься хламу;
- Блин съешь, а два вымечешь;
- Дай кумушка щец, да и хлебец твой;
- Горе наше — гречневая каша, есть не хочется, а выкинуть жаль;
- Горько есть, да жаль покинуть;
- Добрался как волк до овчарни;
- Дорвался, что корова до барды;
- Привалил, что свинья к корыту;
- Друг у друга ломоть из рук выбивают;
- Есть много, а хочется больше;
- Захотел от кошки лепешки, от собаки блина;
- Звонки бубны за горами, а к нам придут — как лукошко;
- Кабы у меня брюхо из семи овчин, все один бы съел;

- Как беззобая курица, все голоден;
- Ложка узка таскает по два куска, развести пошире, вытащит четыре;
- Много, много, а еще бы столько; многому научишь, сам без хлеба будешь;
- На огонь дров не напасешься, печь — яма;
- На портного прикладу не напасешься;
- На рать сена не накосишься;
- На собаку мяса не напасешься;
- Надолго собаке блин (только раз глотнуть);
- Назар все один слизал;
- Назови его братом, а он и в большие (старшие) исходит;
- Натолок в мешок, что и с места не сволок;
- Не вылакает собака реки, так всю ночь стоит над рекой да лает;
- Не дал бог ста рублей, а пятьдесят не деньги;
- Не доставайся же никому (не доставайся ж ни мне, ни тебе);
- Не напахать на комара опары: и пьет и хлебает; не по две морошки в ложке;
- Не столько сможется, сколько хочется;
- Попу что сноп, что стог — все одно;
- Сколько сможется, столько и хочется. Много сложется, вдвое захочется;
- Пила бы пиявка еще, да залубенело брюшко;
- По сладостям и слюнки текут;
- Чур одному, не давать никому;
- Эту щебенку шиной да подковой не накормишь;
- Яства много, коли брюха не жаль;
- Чего хочется, того и просится;
- Чего нет, того и хочется;
- Хоть лопни брюшко, да не оставайся добро;

- Завидливые глазки все съесть хотят;
- Глаз не накормишь;
- Глаза разбежались;
- Душа не принимает, а глаза все больше просят;
- Дядя поглядывает, словно рыбку посаливает;
- Заглядывает как собачка в кувшин;
- Зоб полон, а глаза голодны (да глаза полны);
- Сам-то наелся, да глаза не сыты (сам сыт, глаза голодны).

22) Зависть - алчность

- Скупой удавится, а грамма не даст;
- Глаза завидуши, руки загребуши;
- Дай бог много, а захочется и побольше;
- Дай душе вволю, захочется и поболее;
- Наглому дай вволю, захочет и боле;
- Дай с ноготок, запросит с локоток;
- Денег вволю, а еще б поболее.

23) Зависть как результат сравнения

- В чужих руках краюха за ковригу;
- В чужих руках кус за ломоть;
- В чужих руках ноготок с локоток;
- Люди живут, как цвет цветут, а наша голова вянет, как трава;
- Людской Семён, как лук зелен, а наш Семён в грязи завален;
- Не столько смущает свой убыток, сколько чужой прибыток;
- На чужой спине бремя легче;
- Не указывай на чужой кладь хлеба вилами;
- На чужом блюде рыба лучше, хороша рыба на чужом блюде;
- В чужих руках ломоть велик, а как нам достанется, мал покажется;
- Зависть превращает травинку в пальмовое дерево;
- Завистливый глаз и в метёлке видит пальмовую рощу;

- Зависть глядит на поганку, видит пальмовое дерево;
- Зависть видит корабль, а течь в нем не замечает;
- Зависть видит корабль, а не скалы;
- Зависть видит только мост, а не болото, через которое он проложен;
- Зависть смотрит на болото, а видит море;
- Завидушим глазам кажется, что из утиных яиц вылупятся лебеди;
- Завидушим глазам и щука в пруду – золотая рыбка;
- Завистник видит ушами;
- Завидущие глаза делают из мухи слона.

24) Реакция на проявление зависти со стороны кого-либо

- Привет за привет, любовь за любовь, а завистливому хрену - перцу и то не с нашего стола!

24) Зависть - социальная ненависть

- Хороша жена, да завистлива;
- Позавидовал бобыль безпахотному;
- Позавидовал плешивый лысому (шелудивому);
- Господи! Господи! Убей того до смерти, кто лучше нашего живет.

Фразеологические единицы и поговорки с компонентом «ревность» в русском языке были сгруппированы в соответствии со следующими тематическими блоками:

1) Пагубная природа ревности

- Ревность - отравка жизни;
- Старый — ревнивый; молодой — сам стороной.

2) Ревность - чудовище (отрицательный мистический персонаж)

- Чудовище с зелеными глазами;
- Ревность превращает человека в зверя.

3) Ревность - толчок к саморазвитию

- Ревновать — не надобно много спать.

Фразеологизмы, пословицы и поговорки с компонентом «envy» в английском языке также подвергнуты тематическому распределению:

1) Зависть - клиническая патология

- If envy were a fever, all mankind would be ill;
- If envy were a rash, the whole town would be ill;
- Love and envy make a man pine;
- Envy is blind;
- An envious man is a squint-eyed fool.

2) Зависть - губительное чувство

- Envy shoots at others, and wounds herself;
- Covertous man is good to none and worst to himself;
- An envious man waxes lean with the neighbor's fatness;
- Envy eats nothing but its own heart;
- Covertous man is good to none and worst to himself;
- Envy envies itself.

3) Зависть - бесконечное чувство

- Envy never dies;
- The envious die, but envy never.

4) Зависть - завсегдатый спутник человека

- Envy has no holiday;
- Envy never has a holiday;
- Envy and covetousness are never satisfied.

5) Зависть - печаль, горе

- The envious man shall never want woe.

6) Зависть - результат безделья, лени, любопытства

- Envy and idleness married together begot curiosity;

6) Зависть порождает чувство неполноценности

- He who envies admits his inferiority.

7) Зависть бесперспективна и бесполезна

- It is no use bursting with envy;
- Envy never enriches any man;
- Grasp all, lose all.

8) Обездоленные не могут стать объектом зависти

- Envy does not enter an empty house.

9) Зависть - естественное для человека состояние

- Envy feeds on the living; it ceases when they are dead.

10) Зависть - вражда

- Envy is the basest of all enemies.

11) Зависть порождает наговоры, сплетни

- Envy is what inclines up to speak evil of the virtuous rather than of the wicked.

12) Зависть и ее «родственники»

- Four good mothers beget four bad daughters: great and contempt; truth and hatred; virtue and envy; riches and ignorance.

13) Зависть - ненависть

- Hatred blasts the crop on the land, envy the fish in the sea.

14) Завидуют лучшим

- No good thing unguided at envy (calumny) shoots at the fairest mark (flowers, virtue).

15) Зависть - благородство, счастье

- Envy is the companion of honor;
- Honour is always attended on by envy;
- Envy the companion of felicity;
- Envy never dwells in noble soul.

16) Знаменитости как объект зависти

- The dog of envy bark sat celebrity.

17) Превосходство как предмет зависти

- Envy can abide poexcellency;

- Things most excellent are ever most envied.

18) Зависть - угроза дружеским отношениям

- Friend's envy is worse than an enemy's hatred;
- Nothing sharpens sight like envy.

19) Дружба, преданность как «антидот» зависти

- Envy is destroyed by true friendship;

20) Быть объектом зависти - не есть худший вариант

- Better be envied than pitted;
- It is better be spited than pitied.

21) Похвала, лесть как имплицитное проявление зависти

- Envy is a kind of praise;
- Envy is a left-handed praise;
- Envy is the sincerest form of flattering.

22) Зависть как результат необоснованного преувеличения качеств объекта/предмета

- Grass is always greener on the other side of the fence (hill);
- The camel going to seek horns lost his ears;
- It is good fish if it were but caught.

23) Зависть - жадность

- He is not poor that has little, but he that desires much;
- He goes long barefoot that waits for dead man's shoes;
- Cast greedy eye at another man's pie;
- Greedy folk have long arms;
- No envy like a monk's.

24) Зависть между представителями одной профессиональной страты:

- One potter envies another;
- The potter envies the potter, the smith the smith;
- Two of a trade seldom agree;
- One beggar is woe (bides woe) that another by the door should go.

- Beggar is jealous of beggar;

25) Поведенческие и эмоциональные модели проявления зависти

- Envy has smarting eyes;
- Envy catches your eye, but you can't catch it.

Фразеологические единицы и поговорки с компонентом «*jealousy*» (ревность) в английском языке классифицированы по следующим смысловым группам:

1) Ревность сиречь любовь и/или эгоизм

- Without jealousy, there is no love;
- Love is never without jealousy;
- A loving man is always jealous;
- Jealousy is a proof of a self-love.

2) Ревность как пагубное чувство

- Jealousy leads to folly and injustice;
- Jealousy is a green-eyed monster (that feeds on itself).

3) Несовместимость любви и ревности

- Love knows no jealousy;

4) Ревность как результат тотального недоверия, подозрительности

- Love being jealous, make a good eye asquint;
- He that is conscious of a stink in his breeches is jealous of every wrinkle in another's nose.

5) Противопоставление любви и ревности

- Better to have a husband without love than with jealousy.

6) Ревность - клиническая патология

- Frenzy, heresy, and jealousy seldom cured.

В ходе рассмотрения мы пришли к выводу о том, что корпус пословиц и поговорок, репрезентирующих данные концепты, достаточно объемен и относительно стабилен. Концепты «зависть» и «ревность» в сопоставляемых языках содержат не только абстрактные семемы, но и поведенческий аспект

личности, подверженной, что вполне естественно, переживанию деструктивных эмоций под влиянием внешних факторов. Практический материал репрезентируют зависть и ревность как негативно влияющие на психическое, психологическое, физическое, душевное состояния человека факторы. Элемент сравнения характеризует зависть как реально действенную форму социального взаимодействия. Зависть порождает недоброжелательство и ненависть, что претит религиозным канонам любых конфессий, ибо она (зависть) считается одним из семи смертных грехов. Семантически значимым компонентом анализируемых концептов в сопоставляемых языках является жадность, ненасытность и алчность, поскольку именно материальная составляющая транслирует социальную форму бытия сегодняшнего времени - в условиях пропаганды идеи всеобщего потребления и потребительства, накопительства и вещизма, или консьюмеризма (транслитерация англ. consumerism), берущих начало от жадности и ненасытности.

Более того, и зависть, и ревность, согласно суевериям, способны оказать вредоносное магическое влияние (сглаз, порча) на жизнь того, кому завидуют/ревнуют, и этот негатив, имея сакральную силу, может передаваться из поколения в поколение.

Положительную коннотацию исследуемым эмоциональным концептам придает метафорическое понятие «белая зависть», что предполагает не разрушительное воздействие на завистника, а появление у него рвения, усердия, энтузиазма, старания и старательности, чтобы достичь интеллектуального, материального, качественного уровня, которым обладает объект, вызвавший зависть.

Обратим внимание на то, что дефиниционная структура пословиц и поговорок репрезентирует контекстуальное толкование и представление рассматриваемых концептов, а прагматическая составляющая описывает стандарты поведения в обществе и формы нормативной репрезентации эмоции.

Концепты «зависть» и «ревность» являются центральными социально-психологическими компонентами сопоставляемых концептосфер, которые объективируются в трёх языках весьма обширным и четко структурированным паремиологическим полем. Многочисленные паремии свидетельствуют не только об эмотивной релевантности этого поля, но и коммуникативной значимости для таджикского, русского и английского языкового сознания.

Сравнительно-сопоставительный анализ единиц таджикского, русского и английского паремиологических фондов подтверждает наличие между ними сходства в фундаментальных ценностях как морального, так и эмотивного порядка. Незначительное количество паремий, объективирующих исследуемые концепты, отличаются планом выражения концептуального смысла.

Для представителей сопоставляемых языков зависть является весьма актуальным чувством, получившем широкое выражение и конкретизацию в огромном пласте практических примеров, отражающих интенсивную степень использования концепта «зависть» и детально описывающих поведение субъектов в рамках социального взаимодействия.

Представление зависти и ревности в таджикской паремиологии отличается и отрицательными, и положительными коннотациями; в русской – практически всегда отрицательной семантикой, прослеживается также контекстуальное расхождение с объективной действительностью; основу английских пословиц и поговорок составляет, как правило, конкретный прецедент.

Паремиологические единицы манифестируют эмотивно-поведенческий аспект концептов «зависть» и «ревность». Внутреннее содержание – это своеобразный посыл в форме назидательных высказываний, сентенций общего характера, призывающих стабилизировать межличностные отношения.

Ядро концептов «зависть» и «ревность» представлено лексемами, семантизирующими досаду по поводу чужого благополучия, добродетели. В приядерную зону входит нежелание добра, недоброжелательство. Близкую периферию заполняют злость, ненависть, жадность, алчность и ненасытность, а дальнюю – сглаз, порча, накопительство, вещизм.

Поскольку периферия концепта содержит различные определения, толкования, нередко содержание поговорок относится не к ядру, а к несколько удаленной от центра части концепта, состоящей из самых разнообразных когнитивных признаков.

Когнитивная интерпретация паремий также позволяет раскрыть национальную специфику и особенности строения периферийной доли концепта. Можно констатировать и определенную идентичность паремиологических представлений.

В английском языке прослеживается концептуальная связь «envy-jealousy», однако в лингвокультурологическом плане данное единство не проявляется столь явно: «jealousy is often an as tier feeling than envy and can cause people to behave in unkind and stupid way. People will admit to being envious but will rarely admit to being jealous. People sometimes enjoy inspiring or arousing envy in other people, but they do not generally like to cause or provoke jealousy» [OLTDS, 2020:413].

Следовательно, для носителя английской лингвокультуры ревность - это эмоция, противоречащая чисто национальным традициям, для англичанина вполне закономерным чувством является зависть, нежели ревность, поскольку последнюю принято рассматривать как отправную точку, толчок к саморазвитию и самосовершенствованию.

Из всего вышесказанного можно заключить, что зависть в трех рассматриваемых языках трактуется как чувство неудовольствия по поводу чужого благополучия, желание обладать чужими благами (материальными и интеллектуальными), одержимость идеей о потере этих благ их обладателем.

Расхождения в средствах объективации концептуального пространства зависти и ревности проявляются в семантических особенностях национального языка. Дефиниции концепта «ревность» в сопоставляемых языках актуализируют не только разновидность деструктивного чувства, но и выделяют его как своего рода источник мотивации. Ревность выступает и ключевым регулятором, и конструктивным триггером.

Смысловое содержание концепта передается посредством множества словарных статей, в которых отражены как основные, так и дополнительные значения. Наличие в смысловом потенциале концептов «зависть» и «ревность» таких признаков, как *суқ, чаимзахм, чаими бад, сухтан, шарму хаё, нангу ор, белая, черная зависть, дурной глаз, green-eyedmonster, yellow, green, blackenvy, theevileye, jaundice, ill-will* позволяет говорить о понимании зависти и ревности как об «энергии, которая находится в центре жизни человека» и в основе которой лежит сравнение. Важно также отметить, что данные концепты принадлежат к наивно-языковому сознанию представителей таджикской, русской и английской культур.

В эмоциональном срезе эти признаки конкретизируются в диспозиции поведенческих принципов; в наивно-языковом сознании они выражаются в абстрактных морально-эмоциональных нормах, отраженных в семантике слов, выражающих индивидуально-эмоциональные взгляды и оценки, свойственные социально-типичным поведенческим установкам рассматриваемых культур.

Таким образом, следует констатировать высокую степень значимости концептов «зависть» и «ревность» в социальном и культурологическом аспектах в русской, таджикской и английской картинах мира. Более того, данные концепты носят весьма негативную коннотацию, что обуславливает отрицательное отношение к ним в трех исследуемых культурах.

2.3. Метафорическая актуализация эмоциональных концептов

«хасад/зависть/envy» и «рашк/ревность/jealousy»

2.3.1. Метафора как средство актуализации концепта:

теоретический аспект

Изначально обратимся к генерализированному рассмотрению понятия метафоры и ее универсальных характеристик, что позволит наиболее полно представить изучаемое явление.

Ученые (В.А. Пищальникова, М.Н. Кожина, А.А. Потенбя) наделяют метафору достаточно высоким статусом, поскольку она (метафора) выполняет несколько важных функций: является средством передачи информации, решает ряд эстетических задач, представляет собой источник информации о культуре.

Г.Д. Ахметова, например, уверена, что образность, иносказательность, фигуральность речи достигаются за счет использования в ней метафор. Более того, прибегая к непрямому номинированию и имплицитному выражению оценок и мнений, она успешно справляется с эстетической задачей [Ахметова, 2010:7].

В таджикском языкознании исследованием метафоры занимались такие учёные, как Б. Камолиддинов, Х. Маджидов, А. Муминов, М. Мухаммадиев, С. Шералиев, Р. Султанова, М. Саломов, и другие.

Метафора, на таджикский язык переводится как «мачоз, истиора» [Арзуманов, 1985; 478]. Согласно «Таджикско-русскому словарю» мачоз как литературный и лингвистический термин – это «метафора; аллегория; иносказание» [Мирбобоев, 2006].

А. Муминов о метафоре пишет следующее: «Метафора – это распространенная форма языка. В метафоре два объекта или события, которые в некотором роде похожи, называются одним и тем же словом» [Муминов, 1972].

Российская теория метафоры основана на определении, предложенном Н.Д. Арутюновой: «Метафора (от греч. *metaphora*) — троп или механизм речи, состоящий в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений и т.п., для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс, либо наименования другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении» [Арутюнова, 1990:17].

Несколько иную трактовку метафора получила в когнитивной лингвистике. Так, когнитивисты воспринимают ее не только как троп, традиционное средство создания образности текста; метафора, по их мнению, это «ментальная операция, участвующая в концептуализации и категоризации опыта человека и устанавливающая соотношение между языком и мыслительными процессами» [Богданова, 2016].

Метафоры, с одной стороны, являются орудием мышления и познания, а с другой – основаны на национально-культурном мировидении, отражающем как фундаментальные культурные ценности, так и согласованные с ними в пределах определенной субкультуры индивидуальные системы ценностей [Шералиев, 2022].

Безусловно, актуализация концептов в виде метафор в разных языках происходит по-разному, что связано с системой национальных ценностей. То есть метафора как бы транслирует культурные коды, культурно-национальные эталоны, а также концептуализирует общечеловеческие ценности.

Роль метафоры заключается в следующем:

1. метафора выражает то, что не поддается описанию в виде прямых номинаций (состояние души, глубина чувств);
2. метафоры отличаются неожиданным употреблением языковых единиц и их комбинацией;
3. метафоры формируют и развивают ассоциативное мышление;
4. свидетельствуют об авторском восприятии описываемых событий.

Резюмируя, подчеркнем, что функции метафоры отличаются достаточным разнообразием: номинативная, или функция фиксации значения (метафора: дает новое наименование объекту); функция воздействия (влияет на воображение слушателя/читателя/зрителя); изобразительная функция (делает образ более ярким); инструментальная функция (формирует образное представление о мире); моделирующая функция (представляет индивидуально-авторскую модель мира); гипотетическая функция (помогает осознать, создать предположение о сущности объекта) [<https://www.textologia.ru>].

Проводя параллель между метафорами и концептами, важно отметить их очевидную корреляцию. Поскольку метафора, выступая в качестве инструмента создания/трансляции языковой картины мира, употребляется достаточно широко, соответственно, она (метафора) может считаться и полноценным инструментом актуализации различного рода концептов.

Мы выражаем солидарность с мнением исследователей Дж. Лакоффа и М. Джонсона о том, что языковые средства выражения эмоций в большинстве случаев метафоричны [Лакофф, Джонсон, 1990]. особенно ярко это проявляется, на наш взгляд, в процессе актуализации эмоциональных концептов «зависть» и «ревность», поскольку именно эти эмоции «чаще всего не выражаются прямо, а осмысляются по образу некоторой другой системы, уподобляясь чему-либо» [Лакофф, Джонсон, 1990].

В рамках настоящего анализа в качестве базовой нами была выбрана классификация метафор, разработанная В.П. Москвиным. Ученый предлагает рассматривать метафоры по пяти основным параметрам:

1. Тематический (включает в себя несколько типов метафор: антропоморфную, зооморфную, флористическую, пространственную и другие);
2. Семантический (цвет, количество, звук);
3. Функциональный (номинация, образ, оценка);
4. Структурный (простота, развернутость);

5. Контекстуальный (названы объект и субъект, назван только объект сравнения) [Москвин, 1997].

Особый исследовательский интерес представляет типология метафор (тематический параметр по В.П.Москвину), ввиду чего целесообразным считаем более подробно рассмотреть именно этот аспект и представить соответствующие примеры.

2.3.2. Способы метафорической репрезентации концептов

«хасад/зависть/envy» и «рашк/ревность/jealousy»

Если представить язык как айсберг, то лексико-грамматическая система – это лишь небольшая часть, лежащая на поверхности. Для полноценной пенетрации в язык нужно полное погружение, т.е. необходимо «уйти под воду» для глубинного изучения невидимой части айсберга, скрытой под толщей льда и воды, но таящей в себе богатейшие залежи неизведанного доселе материала. Это означает, что при изучении языка наряду с чисто языковыми явлениями (лексика, грамматика) необходимо учитывать экстралингвистические факторы (история, культура, географические, социально-психические/психологические условия и т. д.).

Метафора является одной из форм актуализации концептов «зависть» и «ревность» как одних из базовых эмоций, всегда присутствующих в жизни любого человека практически на всех этапах формирования и развития его личностных характеристик. Отметим, что в эпоху глобализации и беспрецедентного уровня развития средств массовой коммуникации даже малейшие нюансы (преднамеренного/спонтанного) проявления этих эмоций становятся достоянием общественности и транслируются через множество платформ, одной из которых являются социальные сети. Телевидение, радио, газеты, журналы также становятся площадкой манифестации и обсуждения всевозможных форм проявления ревности и зависти. В рамках настоящего исследования анализ метафорической объективации концептов

«зависть» и «ревность» в таджикском, русском и английском языках был проведен на основе практического материала, полученного методом сплошной выборки из газет и журналов («Оила» (семья), «Фируза», «Домашний очаг», «Моя семья», «Откровения звезд» и пр.), различных форумов (русско-, таджико-, англоязычных), где обсуждаются межличностные и семейные отношения, фильмы и сериалы с «закрученной» сюжетной линией, литературных сайтов (со свободной публикацией), семейных ток-шоу («Мужское/Женское», «Пусть говорят», «На самом деле», «Судьба человека» и др.). Важно отметить, что в центре научного внимания находятся не источники (хотя при выборе мы, безусловно, руководствовались их тематическим диапазоном), а достаточно объемный пласт лексических единиц, объективирующих концепты «зависть» и «ревность», что позволит в полной степени реализовать цели и задачи данного этапа исследования

В структуре анализируемых эмоциональных концептов содержатся знания о выражении и восприятии эмоций. Дж. Лакофф и М. Джонсон, например, говорят о существовании особых ментальных сущностей в виде метафорических концептов в самых глубинных основах понятийной системы человека, в связи с чем в структуре концептов нами выделены метафоры которые актуализируют этимоны и являются языковыми средствами объективации концептов «зависть» и «ревность» [Лакофф, Джонсон 1990: 388].

Проанализировав лексические значения и внутренние формы слова, актуализирующих концепты, нами был выявлен синонимический ряд лексем-репрезентантов концептов «зависть» и «ревность» и описаны способы категоризации концептов в языковой картине мира. С целью определения способов концептуализации как вторичного переосмысления соответствующих лексем целесообразным считаем приступить к исследованию метафор, объективирующих концепты «зависть» и «ревность»,

представленных достаточно обширным лексико-семантическим полем слов, содержащих семы.

В таджикском языке зависть и ревность выражены следующим блоком лексических единиц: *ноосудагӣ* – беспокойство, трудности, лишения; *гури танг, холигӣ* – пустота, теснота (в могиле); *чаимтангӣ, чаимгуруснагӣ* – ненасытность, жадность, скупость; *ҳаққи кас/мардум* – чужая доля; *хонавайронӣ* – обнищание, разорение; *мурдан* – смерть от печали, тревоги, переживаний на почве зависти; *бевафогӣ* – вероломство; *нороҳати* – беспокойство; *гам* – печаль, горе; *ба максад нарасидан* – невозможность достичь цели и процветания; *хор* – шип, колючка, заноза; *ситеза* – вражда, раздор, гнев, злоба; *рашк* – зависть; *толеъи паст* – невезение, несчастливая судьба; *дасти холи* – бедность; *даст кутох* – жадный, скупой; *кафтари дубома* – слуга двух господ; *нафси бад* – алчность; *балои ҷон* – обуза; *шабуш* – вошь, тля, вша, кровосос; *чирки дандонхур* – кариес; *ҳиммат паст* – скупость; *шири мурғ* – птичье молоко; *пой мор* – змеиные ноги; *нони мулло* – хлеб муллы; *дандони мулло* – зубы муллы; *шиками мулло* – живот муллы; *минқори ҳумо* – клюв жар-птицы; *чахон хурдан* – быть чрезвычайно ненасытным, алчным и жадным; *алои чаим* – пучеглазый, лупоглазый; *мол* – имущество; *гадо* – бедный, нищий; *дарди сар* – головная боль; *харч, сарфа, зиён* – трата, ущерб; *молпараст* – алчность, жадность; *бо чаим хурдан* – пожирать глазами; *тунду тез нигаристан* – гневно, раздражённо смотреть; *ҳасадомезона нигоҳ кардан* – завистливо смотреть; *тамаъ* – корыстолюбие; *чаими дидан надоштан* – ненавидеть; *душман* – враг, неприятель; *тег кашида нигоҳ кардан* – пронизывать взглядом; *ба чаими бад нигоҳ кардан* – сглазить; *бо чаими адоват нигоҳ кардан* – смотреть с ненавистью; *чаими тамаъ духтан* – смотреть с жадностью; *сухтан* – гореть от зависти.

Проанализированный пласт лексем, реализующих семантику зависти и ревности в таджикском языке, получил следующую метафорическую классификацию:

- Концептуальная метафора – *наосудагӣ, хонавайронӣ, бевафогӣ, гам, ситеза, рашик, толеъи наст, ҳиммати наст, тамаъ;*
- Антропоморфная метафора – *нафси бад, тунду тез нигаристан, ҳасадомезона нигоҳ кардан, тег кашида нигоҳ кардан, балои ҷон, гадо, душман;*
- Зооморфная метафора – *кафтар, шабуи, шири мург, пои мор, минқори ҳумо, гов;*
- Биоморфная метафора – *хор, шамол;*
- Пространственная метафора - *чахон, гури танг, холигӣ, боғ, дунё, олам;*
- Медицинская метафора - *балои ҷон, чирки дандонхур, дарди сар, сухтани дил;*
- Гастрономическая метафора – *нони мумсик;*
- Астрономическая метафора – *офоқ, ситора, осмон;*
- Соматическая метафора – *чаимтангӣ, чаимгуруснагӣ, алои чаим, бо чаим хурдан, чаими дидан надоиштан, чаими бад, бо чаими адоват нигоҳ кардан, чаими тамаъ духтан, дасти холӣ, даст кутох,;*
- Материальная метафора – *ҳаққи кас/мардум, пул, пулу мол, харч, сарфа, зиён, молпараст.*

В русском языке семантику зависти и ревности реализуют такие единицы, как – *природное чувство; ненасытные глаза; ложь; смерть (сохнуть, погибать, сгинуть); болезнь (чахнуть, ранить, завянуть, пожелтеть); теснота; беспокойство; потеря; утеря; недостаток; рыдания; плач; корысть; беда; ущерб; неудовлетворённость; гипертонус (кадыка, нервов), истерия; лупоглазие; пучеглазие; рачьи глаза; колом тыкать; бесстыдство; поповские глаза; враг; ненасытное око зрения и сердце желания; чужой живот; очи; зубы; худшее чувство; предательство; кручина; жалость; долголетие; жадность; ненасытность; чревоугодие; рябь в глазах; сравнение по размеру, количеству, качеству и объёму;*

запасливость; алчность; голод; расточительство; зависть к чужому добру, имуществу; преувеличение; пожелание смерти.

Метафорически эти лексемы были разделены по следующим группам:

- Концептуальная метафора – *ложь, смерть, несчастье, жалость, беда;*
- Антропоморфная метафора – *беспокойство, плач, рыдания, корысть, злость, гибель, неудовлетворённость, досада, бесстыдство, враг, худшее чувство, чужое счастье, предательство, кручина, жалость, долголетие, наглость, ненасытность, обида, радость чужим бедам, безвременью;*
- Зооморфная метафора – *рачьи глаза, пчела, голубь двух крыш, чужая лошадь, соседская курица, беззобая курица, зверь;*
- Биоморфная метафора – *завянуть, хороший цветок, цвести как цветок, вянуть как трава;*
- Пространственная метафора – *теснота в могиле, чужая клетушка;*
- Медицинская метафора – *болезнь (сохнуть, увядать, чахнуть, ранить, сгинуть), бессонница, нервоз, гипертонус внутренних органов, желтуха, пучеглазие, лупоглазие, истерия, чревоугодие, рябь в глазах, здоровье;*
- Гастрономическая метафора – *чужой обед, пирог, блин, щи, гречневая каша, ломоть хлеба, лепёшка, чужие хлеба, чужой квас;*
- Соматическая метафора – *ненасытные глаза; завистливое око; глаза колом тычут; поповские глаза; око зренья, сердце желания; очи; зубы; брюхо из семи овчин; голодные глаза; загребущие руки; пучить глаза;*
- Материальная метафора – *потеря, ущерб, недостаток, деньги, чужое добро, чужой карман, чужой достаток, заветный перстенёк, прибыль;*
- Фантастическая метафора - *чудовище с зелеными глазами.*

Выборка лексем, объективирующих значение зависти и ревности в англоязычных источниках, показала следующую картину: *fever– жар,*

лихорадка; *illness* – болезнь; *rash* – высыпание, сыпь; *pine* – иссыхать, увядать, чахнуть, изнемогать, *blind* – слепота; *squint-eyed* – косоглазие; *fool* – глупец, дурак; *wound* – ранение, душевная боль, обида; *to be worst to yourself* – приносить вред себе, делать себе хуже; *to eat one's own heart* – пожирать себя; *immortality* – бессмертие; *tirelessness* – неустанность; *dissatisfaction* – неудовлетворённость; *woe* – горе; *curiosity* – любопытство; *inferiority* – чувство неполноценности; *to burst with envy* – сгореть от зависти; *lose* – потерять; *death* – смерть; *enmity* – вражда; *evil* – зло; *wick* – злоба; *immorality* – безнравственность; *great and contempt* – величие и презрение; *truth and hatred* – правда и ненависть; *virtue and envy* – добродетель и зависть; *riches and ignorance* – богатство и невежество; *hatred* – ненависть; *honor* – благородство; *felicity* – счастье; *dog* – собака; *the fish in the sea* – рыба в море; *the most excellent things* – самое лучшее; *the worse filling* – худшее чувство; *sharpens sight* – дурной глаз; *destruction* – разрушение; *pity* – жалость; *praise* – лесть; *a left-handed praise* – лицемерие; *sincerest form of flattering* – искренняя форма лести; *wax* – гнев; *greener grass* – зелёная трава; *good fish* – хорошая рыба; *to desire much* – хотеть, желать больше; *greedy eyes* – жадные глаза; *smarting eyes* – резкий взгляд; *folly and injustice* – глупость и несправедливость; *green-eyed monster* – чудовище с зелёными глазами; *to have a husband without love* – пусть не любит муж; *frenzy* – безумие, бешенство; *heresy* – ересь.

Метафорическая классификация «английских» зависти и ревности и ее лексическая наполняемость позволили нам сформировать следующую модель:

- Концептуальная метафора – *immortality, tirelessness, dissatisfaction, death, evil, immorality, great and contempt, truth and hatred, virtue and envy, honor, felicity, pity, praise, wax, folly and injustice, frenzy* – безумие, бешенство; *heresy* – ересь;
- Антропоморфная метафора – *fool, to be worst to praise ourselves, to eat one's own heart, woe, curiosity, inferiority, to burst with envy, enmity, wick,*

the worse filling, sharpens sight, destruction, a left-handed praise, sincerest form of flattering, to desire much;

- Зооморфная метафора – *dog, the fish in the sea, good fish;*
- Биоморфная метафора – *greener grass;*
- Медицинская метафора – *fever, illness (to pine), rash, blind, squint-eyed, wound;*
- Соматическая метафора – *greedy eyes, smarting eyes;*
- Материальная метафора – *lose, the most excellent things;*
- Фантастическая метафора – *green-eyed monster;*

В представленных примерах отражен процесс концептуализации не только как описание способов категоризации, но и как процесс вторичного переосмысления лексем. В сопоставляемых языках актуализируется свойство эмотивного переживания, восприятия и мышления в рамках концептов «зависть» и «ревность». Когнитивные признаки представлены как метафорические классификаторы, формирующие информационное содержание и интерпретационное поле концептов. Необходимо подчеркнуть, что границы, очерчивающие концептосферу, достаточно размыты и предполагают переход из одной концептосферы в другую в зависимости от социально-психологической специфики каждого конкретного случая. Анализируемые концепты в ходе соединения лексем по принципу развертывания событий репрезентируют сценарий, предполагающий конкретные причины и условия возникновения и проявления в объективной действительности.

Например, сценарий зависти в сопоставляемых языках может быть представлен в такой эпизодической последовательности:

- бадхоҳӣ - нотавонбинӣ – кина;
- суқ - чашмзахм - чашми бад;
- бухл – пурхоҳӣ - бахилӣ, хасисӣ, мумсикӣ, чашмтангӣ, гурусначашмӣ, чашгуруснагӣ, чашмгушнагӣ, харисӣ;

- судпарастӣ, хирс, хирсбаланд.
- досада о чужом добре или благе - нежеланье добра другому, а одному лишь себе - недоброжелательство к кому-либо - нерасположение к кому-либо - дурной глаз;
- старательный, ретивый, усердный, целеустремлённый, ревностный в работе;
- enviousness, invidiousness - covetousness – grudge – jaundice;
- jealousy – suspicion – opposition – prejudice – discontent – backbite – cupidity;
- resentment - animosity – enmity, ill-will – hatred – malice – spite - malignity – rivalry – malevolence;
- deadly seven sins - the evil eye – green-eyed monster - envy in one' s heart - lusting after another's goods - coveting another wife.

Ревность в сопоставляемых языках репрезентирует такую фабульную линию сценария:

- рашк = ҳасад, ҳасуд - бадхоҳӣ, бадандешӣ, баднияти - бадқасдӣ – суктан;
- бадниходӣ, бадсириштӣ – кинадор – душман;
- бадтабиат – бадзамир;
- ғаяурӣ – ҳамийят – ғайрат;
- чурьат, часорат, далерӣ, шуҷоат;
- орият - нангу ор - ору номус - шарму ҳаё;
- недоверие/подозрение/сомнение /настороженность/вспыльчивость;
- ревностность, радение, старание, старательность, прилежание, усердие, усердность, рвение, ретивость, рьяность, исполнительность, тщание, заботливый, целеустремлённый.
- jealousy = enviousness, invidiousness – green-eyed monster - yellow-eyed monster, heartburning;
- resentment - animosity – enmity - ill-will– malice - spite - malignity - hatred

- suspicion –distrust- mistrust – reservations - doubt - qualm - dubiety – dubiosity - questioning – disbelief - lack of faith – skepticism - incredulity - wariness;
- fear -apprehension - misgiving - disquiet;
- uncertainty - indecision–incertitude;
- possessiveness –cynicism;
- covetousness - алчность/жадность.

В концептуальном пространстве зависти проявляется и отрицательная, и положительная стороны концептов. Специфика объективации концепта «ҳасад» в таджикской лингвокультуре сводится к актуализации связи между причиной, на почве которой зарождается зависть, и результатом появления других негативных чувств. Например, *бухл, пурхоҳӣ, бахилӣ, хасисӣ, мумсикӣ, чаимтангӣ, гурусначашмӣ, чашгуруснагӣ, чаимгушинагӣ, ҳарисӣ, суднарастӣ, ҳирс, ҳирсбаланд* – следует рассматривать как причину, результатом же считаются *бадхоҳӣ, нотавонбинӣ и кина*.

Так, жадность, скупость, алчность и корысть трансформируются в недоброжелательство и ненависть. Зависть к чужому благополучию *суқ, чаимзахм, чаими бад – сглаз, порча* порождают *бадхоҳӣ, нотавонбинӣ и кина*. Наличие позитивной коннотации в концепте «зависть», передающей семантику восхищения, стимулирует такие же положительные мотивы - *гайрат, гаюрӣ – усердие и рвение для достижения целей и реализации планов*.

Специфика объективации концептов в русской лингвокультуре сводится к актуализации причинно-следственных связей между отрицательными эмоциями и чужим благополучием; так, индивид испытывает *досаду, нежеланье добра другому, недоброжелательство*, если видит у других *благосостояние, имущество, богатство*.

Концепт «зависть» приобретает положительный смысл, благодаря коллокации *белая зависть*, суть которой заключается в том, что вид чужого благополучия не вызывает разрушительные чувства, а, наоборот, заставляет

стать старательным, усердным, целеустремлённым, ревностным в учебе/работе.

Отличительный принцип объективизации концептов в английской лингвокультуре представлен в реализации своеобразной связи: отрицательные эмоции (*enviousness – invidiousness – jealousy – green-eyed monster – grudge – jaundice*) приводят к таким же негативным последствиям (*resentfulness – animosity – enmity – ill – will – hatred – spitefulness – malignity – rivalry – malevolence; suspicion – opposition – prejudice – discontent – backbite*).

Таким образом, концепт «зависть» в таджикской лингвокультуре проявляется на почве жадности, скупости и алчности, в русской лингвокультуре – по причине досады и недоброжелательства, в английской – зависть актуализируется ввиду недоброжелательности, неудовлетворенности, злости, вражды, ненависти и соперничества.

Обращаясь к вопросу о своеобразии способов объективизации концепта «ревность», важно отметить, что в рассматриваемых лингвокультурах концептуальное пространство ревности заполняют и положительные, и негативные смыслы.

В таджикской лингвокультуре специфика актуализации концепта «рашк» (ревность) сводится к демонстрации связи между причиной ревности и отрицательными чертами (врожденными/приобретенными) характера ревнивца: *бадтабиат – кинадор – бадсиришит – бадниҳод*. Здесь следует упомянуть и положительные признаки ревности: *гаюрй – хамийят – гайрат – шуҷоат*.

Своеобразие способов реализации концепта «ревность» в русской лингвокультуре основано на культивировании отрицательных эмоций *недоверие/подозрение/сомнение/настороженность*, возникших из-за ревности. Идея рациональности этой казалась бы деструктивной эмоции заложена в таких единицах, как *ревность, радение, старание*,

старательность, прилежание, усердие, усердность, рвение, ревность, рьяность, исполнительность, тщание, заботливый, целеустремлённый.

В английской лингвокультуре актуализация концепта «jealousy» происходит за счет корреляции между отрицательными эмоциями, вызванными ревностью: *suspicion – distrust – mistrust; reservations – doubt – qualm – dubiety – disbelief, lackoffaith; resentfulness – green-eyed monster – yellow-eyed monster, heartburning – animosity– enmity – ill – will.*

В ходе изучения единиц паремиологических фондов рассматриваемых языков была выявлена достаточно высокая степень порицания и осуждения зависти и ревности ввиду их деструктивного начала, способного привести к тяжелейшим депрессивным состояниям и криминогенным ситуациям.

Однако принимая во внимание положительные дефиниции концептов «зависть» и «ревность», можно утверждать, что данные чувства в некоторых поведенческих практиках выступают мотивационным фактором к принятию конструктивных решений. Так, в сопоставляемых лингвокультурах завидующий/ревнующий человек способен быть усердным, целеустремленным и старательным. Данный факт значительно расширяет концептуальные поля этих понятий, комбинируя позитивные и негативные факторы – причины, способы проявления зависти и ревности, а также возможные реакции и последствия их актуализации.

Хронологические рамки формирования исследуемых концептов достаточно широки, о чем свидетельствуют сценарии из теологических источников раннего периода. При этом важно обратить внимание на факт статичности негативного восприятия зависти и ревности, наблюдаемом на постоянном пересечении отрицательных эмотивов в интерпретационном поле. Зависть в сопоставляемых языках транслирует чувства враждебности, злобы, неприязни, обиды, жадности и скупости, вызванные успехом и благополучием других. Ревность также провоцирует подозрение, тотальное недоверие, ненависть, страх потери любимого человека (поскольку ревнивец считает его своей собственностью), а также психические патологии.

Подчеркнем, что зависть и ревность представляют собой фундаментально дифференцирующие социальные ситуации, где зависть представляет собой скрытое чувство, то есть имеет имплицитную природу, а ревность считается открытой эмоцией, носящей эксплицитный характер.

Таким образом, зависть и ревность в подавляющем большинстве случаев следует интерпретировать как негативные явления, имеющие антисоциальные, деструктивные и дисфункциональные качества.

Выводы по II главе

Содержание концептов «зависть» и «ревность» по объему поверхностной языковой сущности в сопоставляемых языках, бесспорно, может отличаться. В то время как средства объективации концепта и его фрагментов, а также восприятие возможных способов невербального декодирования анализируемого когнитивного действия и осмысление концепта носителями обыденного таджикоязычного, русскоязычного и англоязычного менталитетов в целом могут иметь целую серию точек пересечения и ряд принципиальных расхождений. Следовательно, проведение дефиниционного анализа концептов позволит смоделировать структурно-семантические поля эмоциональных концептов «зависть» и «ревность» посредством выделения деривационного ряда, синонимического пласта и линейки устойчивых сочетаний

Рассмотрение данных концептов в их многообразном дефиниционном срезе демонстрирует факт перехода концепта из одного эмотивного концептуального пространства в другое.

Следует отметить, что проявление зависти носит, как правило, имплицитный характер, в то время как ревность имеет открытую природу проявления. Хотя подобная представленность зависти и ревности не является универсальной для представителей всех этносов без исключения, поскольку культурно-исторические вехи, будучи ключевым аспектом формирования

картин мира конкретной этнической группы, предполагают свою специфику проявления таких базовых общечеловеческих эмоций, как зависть и ревность.

Паремиологический фонд любого языка является средоточием истории того или иного народа, его стереотипов национальной культуры, эталонов образного восприятия и интерпретации действительности, кладезю вековой мудрости. Пословицы и поговорки вербализуют нравственный и бытовой опыт народа, являются показателем речевой культуры как индивидуума, так и социума, в языке которого курсируют паремийные единицы.

Анализ показал, что пословицы и поговорки, реализующие концепты «зависть» и «ревность» в сопоставляемых языках, имеют достаточно широкие количественный и аспектный ряды. Так, целый паремийный блок отражает поведенческие реалии и отношение человека к выражаемым эмоциям (ревности и зависти), содержит оценочную парадигму чувств и характерных особенностей человека, испытывающего конкретную эмоцию. Отдельная группа паремий отличается дидактическим контентом, выраженным в форме рекомендаций и советов по сглаживанию конфликтных ситуаций, вызванных завистью/ревностью.

В ходе рассмотрения мы пришли к выводу о том, что корпус пословиц и поговорок, репрезентирующих данные концепты достаточно объемен и относительно стабилен.

Семантически значимым компонентом анализируемых концептов в сопоставляемых языках является жадность, ненасытность и алчность, поскольку именно материальная составляющая транслирует социальную форму бытия сегодняшнего времени - в условиях пропаганды идеи всеобщего потребления и потребительства, накопительства и вещизма, или консьюмеризма (транслитерация англ. consumerism), берущих начало от жадности и ненасытности.

Сравнительно-сопоставительный анализ единиц таджикского, русского и английского паремиологических фондов подтверждает наличие между

ними сходства в фундаментальных ценностях как морального, так и эмотивного порядка. Незначительное количество паремий, объективирующих исследуемые концепты, отличаются планом выражения концептуального смысла.

Зависть и ревность имеют весьма неоднозначные и многогранные трактовки, которые отличаются вариативностью в психологическом и теологическом срезам. Например, в религиозном дискурсе, а именно в христианстве основной акцент делается на греховной природе зависти и ревности. Ислам также осуждает эти чувства, причисляя их к греховным явлениям ввиду их деструктивного характера. При этом в исламе ревность носит и положительную коннотацию и считается благородным качеством, если трактовать ее как усилие, направленное на оберегание своей супруги, достоинства и чести семьи. Ревность свидетельствует о небезразличном к конкретному человеку отношении.

Актуализация концептов в виде метафор в разных языках происходит по-разному, что связано с системой национальных ценностей. То есть метафора как бы транслирует культурные коды, культурно-национальные эталоны, а также концептуализирует общечеловеческие ценности.

Проводя параллель между метафорами и концептами, важно отметить их очевидную корреляцию. Поскольку метафора, выступая в качестве инструмента создания/трансляции языковой картины мира, употребляется достаточно широко, соответственно, она (метафора) может считаться и полноценным инструментом актуализации различного рода концептов.

Рассмотрев лексические значения и внутренние формы слов, репрезентирующих концепт, нами был выявлен синонимический ряд лексем-репрезентантов концептов «зависть» и «ревность», описаны способы категоризации концептов в языковой картине мира. Исследование показало, что концепты «зависть» и «ревность» представлены достаточно обширным лексико-семантическим полем слов, содержащих семы.

Проанализированный пласт лексем, реализующих семантику зависти и ревности во всех трех языках получил метафорическую классификацию.

В представленных примерах отражен процесс концептуализации не только как описание способов категоризации, но и как процесс вторичного переосмысления лексем.

Границы, очерчивающие концептосферу, достаточно размыты и предполагают переход из одной концептосферы в другую в зависимости от социально-психологической специфики каждого конкретного случая. Анализируемые концепты в ходе соединения лексем по принципу развертывания событий репрезентируют сценарий, предполагающий конкретные причины и условия возникновения и проявления в объективной действительности.

ГЛАВА III.

АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ КОНЦЕПТОВ «ҲАСАД/ЗАВИСТЬ/ENVY» И «РАШК/РЕВНОСТЬ/JEALOUSY» В ТАДЖИКСКОМ, РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

3.1. Ассоциативный эксперимент как способ исследования национально-культурной специфики языкового сознания

Исследования по вопросам языкового сознания через национально-культурную призму не представляются возможным без специально разработанной техники психолингвистического анализа, позволяющего определить семантические связи слов и языковые стереотипы, заложенные в представителях конкретного этноса, красноречиво говорящие об уникальности их менталитета. Данный протокол получил название «ассоциативный эксперимент». Ученые представляют достаточно широкий диапазон толкований этого междисциплинарного феномена, в основу которых заложено определение слова «ассоциация».

Отметим, что данным понятием апеллировал еще древнегреческий философ Аристотель; он воспринимал ассоциации как «сцепления», остов которых составляют сходства, временная последовательность и контраст. Первая модель ассоциаций была создана намного позже, в 17 веке, а сам термин «ассоциация» был предложен Дж.Локом в 1960г. Проблема ассоциаций в рамках научного поиска считается достаточно мобильной - она оказывается то на периферии, то в центре внимания ученых.

Ассоциации теснейшим образом переплетены с феноменом человеческого восприятия мира. Для М.В. Ломоносова ассоциации являлись «законом совоображения», который консолидирует все «запасы памяти», распределяя их по сходству, временной близости и пространству. Ученый называл ассоциацию «душевым дарованием», позволяющим «воображать вещи, сопряженные» с одной ранее уже представленной; например, «когда,

представив в уме корабль, с ним воображаем купно и море, по которому он плавает, с морем – бурю, с бурей – волны, с волнами – шум в берегах, с берегами камни и так далее».

В середине 50-х гг. прошлого века великий русский физиолог И.П.Павлов заявляет о том, что основой ассоциации является условный рефлекс. С психофизиологической точки зрения ученый полагает, что отсутствие соответствующей биологической или социальной опоры приводит к торможению и угасанию любых ассоциаций [Павлов, 1951:352].

В современной трактовке ассоциации представлены как связи, возникающие, когда «воспринимаемое слово (стимул, раздражитель) порождает в нашем сознании систему отношений, отражающих образы предметов, явлений, понятий, действий и слов, наше эмоциональное состояние в данный момент, а также все то, что отложилось в житейской памяти индивида» [Ульянов, 1988:12]. То есть любые зафиксированные в сознании образы объекта действительности и любое понятие, имеют свой ассоциативный аналог.

Сегодня вопросы ассоциативного сознания и его особенностей в таджикской лингвистике становятся частым объектом исследования отечественных авторов. Но начало данной тенденции положили работы Искандаровой, М.Б. Давлатмировой, Н.И. Каримовой, и З.А. Гуловой. На основе ассоциативного эксперимента также проводили исследования Н.Б Рахмонова, Ш.К. Фаилова Х.Х. Курбонова, Х.Ё. Худоёров и др.

Повышенный интерес лингвистов к ассоциациям обусловлен возможностью определить субъективную картину мира человека на основе смысла, связанного со словом. Более того, смыслы эти могут быть идентичны у разных людей в случае наличия у последних схожего опыта и похожей мозговой организации. В нашем случае в особый фокус попадает именно опыт, под которым мы имеем в виду этнический фактор и языковой опыт индивида.

Обратимся к краткому теоретическому обзору понятия «эксперимент». Отметим, что его применение относительно недавно ограничивалось естественными науками, сегодня эксперимент вышел за область естественнонаучного знания и вошел в круг социальных и гуманитарных наук. В частности лингвисты, как правило, апеллируют к эксперименту в случаях, когда речь идет о наблюдении прежде всего над устными и письменными текстами, созданными носителями конкретного языка.

Вопрос об обязательном наличии эксперимента в лингвистическом знании впервые был поставлен в 1938 г. Л. В. Щербой в статье «О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании»: «Исследователь тоже должен исходить из так или иначе понятого языкового материала. Но построив из фактов этого материала некоторую отвлеченную систему, необходимо проверять ее на новых фактах, т. е. смотреть, отвечают ли выводимые из нее факты действительности... Возвращаясь к эксперименту в языкознании, скажу еще, что его боязнь является пережитком натуралистического понимания языка. При социологическом воззрении на него эта боязнь должна отпасть: в сфере социальной эксперименты всегда производились, производятся и будут производиться.... Принцип эксперимента - важный момент, который позволяет глубже проникнуть в понимание речевой деятельности человека» [Щерба, 1974:26].

Применение экспериментальных методов в последние годы особую важность приобрели в изучении концептов, так как они (экспериментальные методы) «позволяют получить информацию эмоционального и оценочного характера, а также выявить наиболее значимые элементы концепта» [Давлатмирова, 2019].

Таким образом, в лингвистике эксперимент признан одним из ключевых способов получения данных о живом языке, включая не только морфологию, синтаксис, семантику, что считается вполне естественным, но и проблемы языковой нормы, языкового общения и даже патологий речевого развития.

Эксперимент базируется на общей задаче и выдвигаемой гипотезе, а его цель состоит в проверке выдвинутой гипотезы. Принципиальным требованием эксперимента является сокрытие целевой установки экспериментатора от испытуемых.

Исследователи, выделяя индивидуальные, групповые, многоуровневые эксперименты, детерминируют три основных их типа:

1. моделирующие (используются в социалингвистике, выдвигается ряд гипотез, отбираются социальные параметры, которые варьируются);
2. имитационные (лабораторные, имитация усеченной действительности);
3. натурные (включают условия, позволяющие продемонстрировать поведение, максимально похожее на реакцию в аналогичной естественной ситуации) [Черноусова].

Антропоцентрическая направленность современного лингвистического научного знания обусловила высокую степень актуальности именно ассоциативных экспериментов (АЭ). Данная тенденция вполне оправданна, поскольку именно АЭ способен определить, как проявляются индивидуальные и групповые характеристики личности - пол (гендер), возраст, физическое и психическое состояние (в норме и патологии), социальный и профессиональный статусы, этнокультурная принадлежность. Важно также отметить, что исследования на основе ассоциаций, как правило, носят контрастивный характер.

Авторами психолингвистического АЭ принято считать Дж. ДIZE и Ч.Осгуда. Данная методика была усовершенствована и успешно апробирована А.Р.Лурией и О.С.Виноградовой. Хотя существуют и абсолютно контрарные точки зрения по поводу использования ассоциативных экспериментов в языкознании. В частности, В. А. Звегинцев настаивает на том, что каждой науке следует использовать собственные методы. Так, слово и его значение – это чисто языковые явления, слово в речи – психологический феномен, а проблема слова и понятия – отличается

философским контекстом, следовательно, каждой области свойственен свой, особый, научно-исследовательский аппарат, разграничивающий одну область знания от другой.

С определенной долей критики к ассоциативным экспериментам относится и В.А.Пищальникова, настаивая на том, что процесс их проведения и интерпретацию результатов «нельзя назвать совершенными» [Пищальникова, 2007:113].

Другим поводом недоверия к ассоциативному эксперименту является идея о том, что в его рамках создаются заведомо искусственные ситуации, не характерные для естественного функционирования языка и речи, а верификация экспериментальных данных отличается высокой степенью субъективности [Архипова, 2011:8].

Однако большинство ученых не столь категоричны в этом вопросе. Так, Л.В.Сахарный, будучи уверенным в невозможности разграничения типичных и нетипичных, естественных и неестественных ситуаций, безусловно признает, что «иначе, чем через речь, на язык выйти нельзя. Но при этом исследователь задается вопросом: «Если изучать язык через спонтанные тексты, почему нельзя изучать его через тексты, полученные в экспериментах?» [Сахарный, 1989:88].

Мы полностью солидарны с С.В.Архиповой в том, что искусственные тексты-выражения (реакции-словоформы и реакции-словосочетания), получаемые в ассоциативном эксперименте, являются достаточно надежным и ценным материалом, позволяющим выяснить как устроены фрагменты языкового сознания у носителей конкретного языка. Ведь речь рождается в сознании и формирует сознание [Архипова, 2011:8]

В исследованиях последних лет учеными предпринимаются попытки выявить когнитивные основы концептуализации эмоций и способы их выражения лексическими средствами [Погожая, 2011]. Основой данной тенденции стало то, что «язык начали изучать не как замкнутую систему, а как систему, в которой задействован человек, а человеческий фактор в языке

включает и его эмоции» [Шаховский, 1988:36]. В фокус внимания экспертов попадают не только психологические и физиологические проявления эмоций, но и их языковое выражение, что может быть выявлено посредством ассоциативных экспериментов.

Н.В. Уфимцева видит в ассоциативном эксперименте один из множества способов «овнешнения языкового сознания» [Уфимцева, 2003] носителей языка. Данная категория экспериментов для Е.И. Горошко является дифференцирующим параметром возраста, гендера, уровня и направленности образования, условий жизни и даже стресс-факторов [Горошко, 2003:3-9].

Одной из актуальнейших проблем для экспериментаторов была разработка параметров, по которым следует отличать реакции испытуемых. А.А. Залевская, в частности, отмечает определенную степень смешения логических, лингвистических и психологических классификационных оснований [Залевская, 1978]. Алферова Ю.И. ставит в приоритет время реакции, считая его «одним из контрольных экспериментальных параметров». Другим важным критерием является связь между ассоциативным поведением испытуемого, его индивидуальными психофизиологическими характеристиками и принадлежностью к определенной социальной группе. Выяснилось, что на ассоциации могут влиять как условия эксперимента, так и слова-стимулы, вызывающие определенные «грамматические реакции» [Алферова, 2005].

Ученые выделяют несколько типов ассоциативного эксперимента:

1. свободный, в рамках которого участники при представлении реакции на слово-стимул «не ограничены ни во времени, ни в количестве реакций, ни в лексикограмматической отнесенности слова к той или иной части речи» [Каримова, 2019:80];

2. направленный / контролируемый [Леонтьев, 1977], когда респондентам предлагаются реакции определенного грамматического или семантического порядка;

3. цепочечный [Горошко, 2001:18] /цепной [Белянин, 2004:130] / с продолжающейся реакцией [Алферова, 2005] подразумевает реакцию на стимул несколькими ассоциациями.

Протокол проведения ассоциативных экспериментов, безусловно, определяется их типом, хотя не исключаются и инновационные подходы, такие, например, как использование интернет-площадки.

Ученые также отмечают факт наличия недостатков в каждом типе ассоциативных экспериментов. В частности, отсутствие свободы и субъективность в направленном; или частота однотипных реакций в свободном; или конфузность цепного - когда респондент не понимает, что словом-стимулом должна становиться каждая единица, представленная в качестве реакции; участников эксперимента могут сбить с толку и временные ограничения.

В качестве базового нами был выбран свободный (ненаправленный) ассоциативный эксперимент, поскольку, несмотря на некоторые отрицательные аспекты, именно «данный тип позволит выявить не только структурные компоненты, но и создаст соответствующие условия для идентификации парадигматических составляющих мышления конкретного этноса» [Фазилова, 2019].

В настоящем исследовании фактом, демонстрирующим принципиальную новизну в казалось бы традиционных форматах исследования, является средоточие на локальном компоненте. Так, помимо гендерных и количественных показателей, в особый фокус попадает этническая принадлежность респондентов, проживающих на одной географической территории. То есть участниками нашего эксперимента могут стать только таджики и этнические русские, живущие в Республике Таджикистан. Данный принцип обусловлен потенциальной возможностью определить насколько географическая локация со свойственными ей культурно-исторической predisпозицией и национализацией массового сознания способна генерировать/усыплять эмоциональные паттерны

представителей разных этнических групп (здесь таджиков и русских). Решение о локализации респондентов было принято ввиду наличия огромного количества работ, направленных на рассмотрение сугубо национальных характеристик этноса, в то время как вопрос лингвокультурной интеграции представителей разных этнических групп в отрыве от территориального размежевания еще не исследовался.

Касаемо носителей английского языка применение данного принципа является нереальным, ввиду чего опрос данной группы респондентов будет осуществлен исключительно в он-лайн режиме. Таджики и этнические русские таджикистанцы смогут ответить на вопросы в таджикском сегменте известнейшей социальной сети Фэйсбук, а также при непосредственном заполнении анкеты.

Обобщая поставленные в данной главе работы цели и задачи, отметим, что основной целью на данном этапе является лингвокультурологический анализ лексических единиц, репрезентирующих концепты «зависть» и «ревность» на материале свободного ассоциативного эксперимента, где одним из наиболее распространённых, доступных и в определенной степени объективных методов считается анкетирование.

Цель анкетирования состояла в попытке выявления способов лексической реализации эмоциональных концептов «зависть» и «ревность» представителями разных лингвокультур в условиях современности, и на ее основе дать базовую характеристику каждой этнической группе. Реализация заявленных целей предполагает участие неограниченного количества респондентов и абсолютную спонтанность их ответов.

Разработанная анкета изначально была условно разделена на две базовые секции:

1. социальная – включала данные о национальности и половой принадлежности респондента;

2. собственно ответ на главный вопрос исследования, то есть их реакция на конкретные, практически однозначные существительные-стимулы «зависть» и «ревность».

Основными критериями при выборе рецензентов стали, как было отмечено ранее, этнический признак и пол, что позволило наиболее полно и точно идентифицировать уникальные особенности восприятия концептов «зависть» и «ревность» представителями каждой лингвокультуры (здесь: русской, таджикской, английской).

Анкетирование проводилось согласно традиционного протокола: респонденты заполняли в он- и оф-лайн режиме свои анкетные листы.

В ассоциативном эксперименте участвовали 156 человека, количество англоязычных респондентов составило 54 человека, своими реакциями поделились 38 русскоязычных и 64 таджикоязычных участников. Опрос был проведен методом случайной выборки, т.е. без установления заранее строгого числа и социальных параметров опрашиваемых, которые собирались участвовать в опросе. Объем собранного материала считается достаточным для проведения репрезентативного анализа, поскольку по Вахтину и Головки [Вахтин, 2005:66], минимальное число респондентов в одной группе при социолингвистическом исследовании равняется пяти. В нашем случае количество опрошенных на порядок превысило заявленную учеными норму.

Таким образом, свободный ассоциативный эксперимент и выбранный алгоритм и параметры его проведения предоставляют реальную возможность определить способы актуализации эмоциональных концептов «зависть» и «ревность», в основу которых заложена сама природа реакций на слова-стимулы. То есть, являясь одновременно универсальными и индивидуально-конкретными, эти реакции помогут наиболее полно и объективно отследить представленность интересующих нас стимулов в языковом сознании трех исследуемых этнических групп.

3.2. Результаты ассоциативного эксперимента среди носителей таджикского языка

В материальном мире что-то невидимое и необозримое может быть представлено именно словами и только словами. Эмоциональные концепты являются репрезентантами сложнейших психических состояний, и неподдельный интерес к ним со стороны ученых-языковедов объясняется несколькими факторами: лингвистической природой этих концептов; влиянием бытовых норм на их содержание; их способностью идентифицировать определенные паттерны внутреннего мира самого человека.

Однако самым значимым аспектом следует считать субъективный индивидуально-интуитивный характер лексической актуализации эмоциональных концептов. Более того, особая роль отводится не только лингвистическому, но и в немалой степени экстралингвистическому анализу: философскому, психологическому, социально-теологическому [Григоренко, Камышанченко, 2016:11].

В контексте настоящего раздела будет предпринята попытка структурировать концепты «зависть» и «ревность» на основе семантической, морфологической и функциональной неоднородности лексем-репрезентантов, полученных в ходе свободного ассоциативного эксперимента в качестве реакций на слова-стимулы - зависть и ревность.

Так, в соответствии с логикой настоящего исследования, обратимся к анализу данных, полученных от таджикоязычных участников нашего эксперимента.

Концепт «зависть» был актуализирован целым рядом лексических единиц, имеющих, что вполне ожидаемо, негативную коннотацию.

Реакции на слово-стимул «ҳасад» (зависть): *бахилӣ* (27), *бадбинӣ* (18), *бадӣ* (15), *рашк* (8), *алам* (7), *бойгарӣ* (7), *ҳамсоя* (7), *дугона* (6), *молу мулк* (6), *хона* (6), *нодорӣ* (6), *мошин* (5), *он чизе/моле, ки ба дигар кас таалуқ дорад* (5), *дард* (4), *асабонӣ* (4), *ношукрӣ/носипосӣ* (4), *ҳиссиёт* (4),

мансаб/вазифа (4), ҳасуд (3), чаими ҳасад (3), нотавонбинӣ (3), бадхоҳӣ (3), ғам/ғаму андуҳ (3), Ҳасадчӣ мурдааст, таасубчӣ бурдааст (3), инсон (3), нооромӣ (3), сураи «Фалақ» (2), таассуб (2), пул (2), хушбахтӣ (2), куштор (2), рафтори бад (2), хоҳиши ба даст овардани чизе, ки дигар шахс дорост (2), дили нопок (1), дилсиёҳӣ (1), ҷангу ҷанҷол (1), худкушӣ (1), дузах (1), муқоиса кардан (1), ҳавас (1), туи бодабдаба (1), Марғи судхур (2), торикӣ (1), кибр (1), ҳамкасб (1), ҳамкурс (1), Қори Ишқамба (1), зан (1), зебогӣ (1), зани ҳомила (1), қасд (1), меҳру муҳаббати заиф (1), бесаводӣ (1), кутӯҳназарӣ (1), беҳбудии касеро нахостан (1), Саҳӣ дар ҳарду олам сарбаланд аст / Бахилро даст кутӯҳ, гур танг аст (1), Хафсухта меҳоҳад, ки хафи ҳама сӯзад (1), Ҳасад чӣ мебарӣ эй сустаназм бар Ҳофиз / Қабули хотиру лутфи сухан Худодод аст (1).

В ходе анализа полученных данных был выявлен целый ряд важных для настоящего исследования положений.

Рассмотрение гендерного аспекта проявления зависти позволяет нам сделать вывод о том, таджички являются более завистливыми, чем таджики (мужчины). Об этом свидетельствует манера заполнения опросников - многие представители мужского пола представили лишь одну реакцию на слово-стимул «зависть», в то время как женщины в этом вопросе проявили удивительную активность.

Весьма интересным представляется и предмет зависти. Женщины в силу своей природы испытывают зависть, как правило, к подругам, соседям, родственникам, которые обладают определенными материальными ценностями - украшениями, дорогой одеждой, роскошной квартирой/домом. Предметом зависти могут стать *и богатый, и хороший муж* (для таджичек это два абсолютно разных понятия), *свадьба, сватовство, богатое приданое, семейное благополучие другого человека, молодость, наличие подруг/детей, беременность* и пр.

Мужчины – таджики, как оказалось, завидуют по поводу наличия у другого человека (как правило, тоже у мужчины) *автомобиля,*

стремительного карьерного роста, материального достатка, преданных друзей, жилья.

Мужская и женская выборки показывают, что в обеих группах присутствуют как завистники, так и респонденты, не испытывающие чувства зависти, или же осознающие его разрушительную, «разъедающую» природу. Данный вывод обоснован наличием в анкетах таких лексических единиц, как: *боль, беспокойство, сумасшествие, ненависть, темнота/чернота, убийство, самоубийство, тяжелые раздумья, печаль, отчужденность, дикость, наихудший человеческий порок*

Исходя из теологической составляющей полученных реакций, можно с легкостью проследить высокую степень религиозности в обеих гендерных группах. Несмотря на относительно ограниченное число «теологических» реакций - *ад, неблагодарность* (высшим силам за то, что имеешь), *сура «Аль-Фалак»* (в тексте этой 113 суры Корана указывается, что Всевышний способен защитить человека от злых козней нечестивцев и завистников, которые лелеют свои мечты о том, чтобы люди, которым они завидуют, лишились своих благ) - респонденты использовали их довольно активно.

Следует отметить и случаи обращения респондентов к прецедентным текстам: паремиям и произведениям таджикской художественной литературы. Несколько участников эксперимента упомянули персонаж известного романа основоположника современной таджикской литературы С.Айни «Смерть Ростовщика» - Кори Ишкамба. Писателем был создан колоритный образ ростовщика ханжи, завистника, лицемера. Имя Кори Ишкамба в таджикской лингвокультуре стало таким же нарицательным, как, например, Плюшкин, Иудушка Головлев в русскоязычном социуме. В качестве реакций были даже представлены строки из творчества великого таджикского поэта Хофиза Шерози.

Обратимся к рассмотрению способов актуализации концепта «рашк» (ревность) таджикоязычным респондентам по результатам анкетирования: *ишк (15), дард (9), тарс (8), худкушӣ (7), муноқишаҳои оилавӣ/ҷанҷол/ҷанг*

(7), хонавайроншавии оилаҳо (6), сухтан/даруни одам месузад (6), ашк (5), пушаймонӣ (4), ҳиссиёт (4), нобоварӣ (4), гам (3), шавҳар (3), рашки зан (2), байни зану шавҳар (2), рашку ҳасад/ҳасад (2), маъшуқа (2), нофаҳмӣ (2), хиёнат (2), худкушӣ (3), куштор (2), рақобат (2), норасоии/нокифоя будани меҳру муҳаббат (2), асабӣ (2), зан (2), апа/хоҳар (2), модар (2), бародар (1), мард (1), хислати мардонагист (1), бахилӣ (1), ҳангоми хурдсолӣ (1), зарар (1), бегона (1), нокомӣ (1), газаб (1), бесабрӣ (1), худписандӣ (1), ошиқ (1), гамхорӣ (1), рашки хушдоман ба келин (1), рашк нисбати шахс ё ашӯҳое, ки гуё ба ту таалуқ доранд (1), вақте, ки шахси наздикат нисбати шахси дигар зиёд меҳру муҳаббат изҳор менамояд (1), рашк хуб аст ва гайрати марди мусалмон аст, аммо бояд инсон эҳсосотӣ нашавад (1), оҳ рашк, оҳ рашк, боиси дардкашӣ аст (1), Шамоли рашк хезонданд / Гули умед резонданд / Маро аз ту ҷудо карданд / Туро аз ман гурезонданд (1), Худро бидуш, эй булбул, аз ин рашк, ки гулро / Бо боди сабо вақти саҳар ҷилвагарӣ буд (1), Ҷони ширин ин қадар қангам макун / Ин қадар беҳуда дилтангам макун / Гашта-гашта дар сафар боз омадам / Боз дар наздаш ба парвоз омадам (1).

Опираясь на полученные результаты анализа реакций на слово-стимул «ревность», можно с определенной долей уверенности говорить о том, что вне зависимости от половой принадлежности и иерархии мотивов, ревности подвержены все представители таджикского этноса. Для многих ревность и любовь составляют неразрывный тандем – *любовь, влюбленный, забота*; часть респондентов воспринимают ревность как прототип зависти – *зависть, зависть и ревность*.

Однако наиболее неординарной «реактивной композицией», на наш субъективный взгляд, следует считать триаду «ревность - мужчина - религия». Так, в ходе эксперимента было установлено, что большинство таджиков уверены в том, что именно ревность представляет мужскую сущность/природу, то есть не ревнующий мужчина не может считаться полноценным мужчиной. Более того, согласно религиозным канонам, у не ревнующего свою женщину мужчины шансы попасть в рай равняются нулю.

Ведь таджикское общество, отличаясь особым традиционализмом в сфере семейных отношений и личной жизни, воспринимает религиозный фактор как инструмент их регулирования; а тот факт, что мужчина - таджик, как правило, занимает главенствующие позиции в системе семейных и межличностных отношений, объясняет популярность этой триады среди участников нашего эксперимента.

Этому пороку (ревности) подвержены и женщины, и мужчины, они воспринимают его как негативную, разрушающую эмоцию - *боль, скандал, неуверенность, непонимание, переживания, страх, болезнь, предательство, развод, одиночество, отчуждение, слезы, бессонные ночи, убийство, самоубийство, угрозы и пр.*

Объектами ревности для таджиков традиционно являются муж/жена, парень/девушка, мать часто ревнует взрослого женатого сына к супруге, равно как жены ревнуют мужей к их матерям и сестрам.

Некоторые представленные респондентами ассоциации обращены к их детским воспоминаниям, в частности чувству ревности, которое они испытывали преимущественно по отношению к *матери*.

Некоторые респонденты в качестве реакции представили выдержки из произведений таджикских классиков (Х. Шерози), современников (М. Турсун-заде, М. Миршакар) и даже отечественных исполнителей поп-музыки.

Относительно грамматической категоризации концептов в национальном языковом сознании отметим, что носитель языка при репрезентации концепта в конкретном речевом акте выбирает и его грамматическую форму. Как правило, чаще всего концепт объективируется посредством существительного, реже - с помощью прилагательного или глагола. Так, анализ частеречной номинации исследуемых концептов показал, что в языковом сознании таджикского этноса исследуемые концепты представлены именами существительными, о чем свидетельствуют наибольшее количество реакций на оба слова-стимула -

зависть и ревность. Данная тенденция обусловлена не только собственно лингвистическими причинами, но и совокупностью ряда экстралингвистических факторов [Чарыкова, 2006:30]

Обратимся к вопросу структуризации концептов «зависть» и «ревность». Лексикографическое представление большинства слов-репрезентантов не дает возможности идентифицировать их гендерную и возрастную специфику, однако позволяют «выявить и описать содержание языковых знаков и структур в том виде, в каком они реально присутствуют в сознании носителей языка» [Стернин, 2003:12]. Хотя в соответствии с первой частью анкетных листов (о социальных параметрах участников эксперимента) будет предпринята попытка интерпретации результатов эксперимента при распределении реакций по зонам ядра, приядерной зоны и периферий с учетом частотности полученных реакций. Представим полученный материал в виде таблицы.

Таблица 1. Интерпретация реакций на слово-стимул «зависть», полученных от таджикоязычных респондентов

женщины	мужчины
ЯДРО «ЗАВИСТЬ»	
ПРИЯДЕРНАЯ ЗОНА	
<ul style="list-style-type: none"> – Характеризуется интенсивными отрицательными эмоциями (26%) – Проявляется к определенному объекту (23%) – Проявляется к определенному предмету (15%) 	<ul style="list-style-type: none"> – Характеризуется умеренными отрицательными эмоциями (30%) – Проявляется к определенному предмету (28%)
БЛИЖНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ	
<ul style="list-style-type: none"> – Предполагает событие, происшествие, позорящее его 	<ul style="list-style-type: none"> – Оценивается как недостойное чувство (21%)

участников, ставящее их в неловкое положение (12%)	
ДАЛЬНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ	
<ul style="list-style-type: none"> – Не контролируется разумом (8%) – Связано с определенными неудачами (6%) – Сопровождается разрывом отношений (4%) – Теологическое описание (3%) – Паремиологическое описание (2%) 	<ul style="list-style-type: none"> – Не всегда контролируется разумом (11%) – Сопровождается частичным/фрагментарным прекращением общения (5%) – Теологическое описание (3%) – Имеет краткую протяженность времени (2%) – Поэтическое (фрагментарное) описание (1%)

Распределение полученных реакций на слово-стимул «ревность» показывает следующую картину:

Таблица 2. Интерпретация реакций на слово-стимул «ревность», полученных от таджикоязычных респондентов

женщины	мужчины
ЯДРО «РЕВНОСТЬ»	
ПРИЯДЕРНАЯ ЗОНА	
<ul style="list-style-type: none"> – Характеризуется интенсивными отрицательными эмоциями (23%) – Проявляется к определенному объекту (17%) 	<ul style="list-style-type: none"> – Характеризуется обостренными отрицательными эмоциями (21%) – Проявляется к определенному объекту (20%)

БЛИЖНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ	
<ul style="list-style-type: none"> – Предполагает событие, происшествие, позорящее его участников, ставящее их в неловкое положение (15%) – Оценивается как низкое чувство (12%) – возможны волнующие отношения (как положительные, так и отрицательные) (8%) 	<ul style="list-style-type: none"> – Оценивается как высокое, праведное чувство (15%) – Является основой семейных отношений (13%) – возможны волнующие отношения (как положительные, так и отрицательные) (9%)
ДАЛЬНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ	
<ul style="list-style-type: none"> – Не контролируется разумом (9%) – Связано с определенными неудачами (5%) – Сопровождается сохранением отношений (4%) – Имеет долгую протяженность времени (4%) – рекомендательный характер (3%) – Паремиологическое описание (2%) – Поэтическое описание (1%) 	<ul style="list-style-type: none"> – Не контролируется разумом (6%) – Сопровождается разрывом отношений (6%) – Имеет долгую протяженность времени (4%) – Паремиологическое описание(3%) – Поэтическое описание (3%)

Таким образом, результаты свободного ассоциативного эксперимента, проведенного среди таджикоязычных респондентов, позволили увидеть не только гендерные различия в содержании и структуре концептов «зависть» и «ревность», но и предельно генерализированные способы лексической актуализации этих концептов в языковом сознании таджиков.

3.3. Результаты ассоциативного эксперимента среди носителей русского языка

Многообразие языкового выражения эмоционально-оценочных смыслов в процессе общения говорящих на русском языке обосновано тем, что эмоции являются неотъемлемой, если не сказать основополагающей частью ценностной картины ментального мира. В русском языковом сознании эмоции отражают многовековой опыт народа посредством универсальных и культурно специфических представлений об эмоциональных переживаниях [Коростова, 2015]. Концепты таких эмоций, как радость, горе, страдание, ревность, страх, зависть занимают одно из центральных позиций в составе исходных эмотивно-оценочных смыслов, формируя основу психического склада личности.

Несмотря на универсальность эмоций зависти и ревности, их семантическое наполнение и языковое выражение национально специфично, поскольку концепты любых эмоций формируются в сознании параллельно с ценностными ориентирами.

Напомним, что в контексте настоящего исследования, анализируя реакции на слова-стимулы «зависть» и «ревность» со стороны русскоязычных участников эксперимента, мы опирались на географическую локацию респондентов - они должны были быть таджикстанцами. Этот основополагающий принцип поможет подтвердить или опровергнуть гипотезу о том, что национальная специфика реализации отдельных фрагментов концептосферы может быть связана не только с различием климатических условий существования этноса, но и среды его обитания, бытовых и социальных условий.

Реакции на слово-стимул «зависть»: ненависть (14), ненавидеть (2), злость (7), зло (3), злоба (1), злорадство (1), гнев (4) болезнь (8), боль (3), порок (5), конкуренция (3), соперничество (2), конкурент (1), успех (8), удача (1), любовь (3), любящий муж (1), нехватка любви (1), нехватка ресурсов

(1), нехватки чего либо, что есть у другого (2), зариться на чужое (1), шизофрения (1), предынфарктное состояние (1), деньги (2), богатство (2), роскошная квартира (1), собственный автомобиль (1), работа (3), карьера (2), карьерный взлет (1), статус (2), талант (4), эрудированность (1), желание подражать (1), хотеть (1), хочу (1), похоть (1), семья (4), большая семья (1), успешные дети (1), заботливые дети (1), друзья (1), подруга (3), друг (1), родственники (1), обида (7), алчность (3), жадность (5), негатив (3), недовольство (1), месть (5), жаба (5), змея подколодная (1), гадюка (1), чувства неполноценности (6), комплексы (2), недоразвитость (1), несостоятельность (1), стыд (2), смертный грех (3), грех (1), самое ужасное явление (1), нельзя завидовать, ведь успеха не просто добиться (1), меня бесит, когда меня завидуют (1), скверная привычка сравнивать себя с другими, человек должен сравнивать себя самим собой (1), невольное сравнение (1), проявляется неосознанно (1), человеческая природа (2), завидуют все (1), люди (1), эмоция (2), это нормально, но нужно знать пределы и границы (1), утешение (1), белая зависть (6), черная зависть (5), розовая зависть (1), чисто женское чувство (1), одежда (2), платье (1), женщина в красном платье (1), красота (2), молодость (4), сказки (1), Свет мой, зеркальце! скажи / Да всю правду доложи / Я ль на свете всех милее / Всех румяней и белее? (1), здоровье (3), прививка от коронавируса (1), россияне (3), ревность (2), путь к самосовершенствованию (1), стремление к справедливости (1), мотивация к успеху (1), сплетни (1), завидуй молча (1),

Анализ полученных от русскоязычных респондентов данных позволяет проявить солидарность с мнением К. Муздыбаева о том, что мужчины и женщины завидуют примерно одинаково [Муздыбаев, 1997].

Мужская и женская выборки показали, что особых отличий в предмете зависти не было выявлено. Хотя для мужчин *карьерный рост, уверенность, материальный достаток, независимость, твердость выбранной позиции* расположены в начале иерархии приоритетов.

Русские женщины первые позиции отдают *материальному достатку, эффектной внешности, семейному благополучию (брак, дети, заботливый, любящий супруг), здоровью и интеллектуальным способностям*. Особым пунктом следует выделить факт, что русскоязычные представительницы прекрасного пола, проживающие в Республике Таджикистан, завидуют чисто восточной традиции иметь большую семью, где крепкие родственные связи не просто поддерживаются на всех уровнях, но и повсеместно культивируются. Это можно объяснить именно территориальным фактором, поскольку россияне достаточно ответственно подходят к вопросу планирования семьи, выстраиванию отношений с родственниками, что подразумевает вполне рациональные ограничения и предпочтения. Для подавляющего же большинства таджиков каждый рожденный ребенок (независимо от их количества) приходит в этот мир со своим «уделом» (насиба) и независимо от обстоятельств станет-таки его (удела) обладателем.

Кульм гостеприимства свойственен таджикскому народу, и к гостю в каждом таджикском доме относятся с явным уважением, почитанием, поскольку «гость - это посланник Бога» (Мехмон - атои Худо).

Мы полагаем, что в скором времени для немногочисленной группы молодых русскоязычных таджикстанцев данный фактор уже не будет входить в спектр предметов зависти ввиду неизбежной культурной интеграции с традициями таджикоязычного этноса.

К весьма неординарным, хотя вполне конструктивным, предметам зависти можно отнести прививку от COVID-19 и материнский капитал, выплачиваемый российскими властями в целях борьбы с демографическим кризисом в стране.

Инвариантным практически для всех опрошенных нами респондентов обоих полов являются отрицательные аффективные состояния человека, испытывающего чувство зависти (*боль, страдание, злость, негатив, ненависть, гнев, стыд, жадность*).

Природа ассоциаций «грех» и «смертный грех» отличается их теологической общностью. Так, смертный грех в христианстве — тяжёлый грех, влекущий за собою потерю спасения души в случае отсутствия покаяния.

Известно, что зооморфизм – это использование названий животных для обозначения других объектов, в том числе и характеристик человека. В определенном смысле зооморфизм и антропоморфизм можно считать родственными понятиями, поскольку обозначая человека зоонимом, мы тем самым оцениваем это животное, приписывая ему те или иные человеческие качества. К числу реакций данной категории можно отнести такие, как *жаба*, *змея подколотная*, *гадюка*.

В русском языке *сказок*, где встречается зависть, очень много. Одна из них «Сказка о мёртвой царевне и о семи богатырях» русского поэта Пушкина Александра Сергеевича. В сказке злая и завистливая Царица обращается к своему волшебному зеркальцу словами «*Свет мой, зеркальце! скажи / Да всю правду доложи / Я ль на свете всех милее / Всех румяней и белее?*», чтобы услышать подтверждение, что она самая красивая женщина на свете. Как и во всех сказках, в итоге добро побеждает зло.

Отдельная (малочисленная) группа русскоязычных участников эксперимента наделяют зависть положительными характеристиками - *путь к самосовершенствованию, стремление к справедливости, мотивация к успеху*.

Некоторые респонденты усматривают в завистниках медицинские отклонения - *шизофрения, предынфарктное состояние, недоразвитость*.

Осуществление грамматической категоризации для русской языковой общности происходит в основном за счет существительных, прилагательных, наречий, глаголов. Зафиксированы коллокации - прилагательное+существительное, глагол+существительное, наречие+местоимение и другие словосочетания - *врожденное качество*,

всегда со мной, змея подколотная. Как следствие, можно говорить о наличии образного мышления и о богатстве ассоциаций.

Обратимся к лексическим способам актуализации концепта «Ревность».

Результаты анкетирования: *любовь (13), забота (3), проявляется при потребностях во внимании, забота и любовь (1), не ревнует – не любит (2), ревнует – значит любить (1), парень и девушка (2), муж и жена (5), уязвленное самолюбие (1), боль (4), ненависть (2), разочарование (2), неуверенность в себе (6), недоверие (5), патология (1), зависимость (1), социальные сети (1), убийство (2), чувство собственности (8), комплексы (1), приступ ревности (1), эгоизм (7) портит все (1), терзает (1), колит (2), ранит (2), жалит (1), кусает (1), грызет (1), заноза (2), где шипы, там и розы (1), страх/страх потерять (9), странное чувство (1), разрушительное чувство (1), черная сестра любви (2), черная ревность (3), черная кровь в жилах (1), ссора (5), измена (6), развод (4), Анна Каренина (1), Отелло (5), узник замка Иф (1), ревнуют ленивые (1). мужчины ревнуют от природы (1), мужчины ревнуют когда любят (1), огонь, поддерживающий отношения (1), интрига (4), рвение (4), глупо/глупость (2), держит в тонусе (1), во всем виновато феминизм (1), вызвать ревность - это искусство (1).*

Статистически значимых различий в способах выражения эмоций, вызванных ревностью, между мужской и женской выборками выявлено не было. Так, подавляющее большинство реакций отличается интенсивной негативной коннотацией. Очевидна разрушающая природа ревности (*уязвленное самолюбие, боль, разочарование, неуверенность в себе, патология, приступ ревности, портит все*).

Особый интерес вызвала метафоричность (*ревность терзает, колит, ранит, жалит, кусает, грызет*) и метонимичность (*заноза, где шипы, там и розы, черная сестра любви*) некоторых реакций.

Несмотря на отсутствие в русском языке строгой системы цветообозначения при вербализации концепта «ревность», респонденты

использовали традиционно отрицательные цветовые ассоциации - *черная ревность, черная сестра любви, черная кровь в жилах*.

Среди ассоциаций имеют место и имена героев прецедентных текстов - *Анна Каренина, Отелло, узник замка Иф* (Эдмон Дантес). Нескольких респондентов слово-стимул «ревность» навело на мысли об *А.С.Пушкине*, возможно, в контексте его дуэли с Жоржем Шарлем Дантесом, главной причиной которой стали ухаживания со стороны француза за женой поэта. Данный факт (обращение к прецедентным текстам), кстати, может свидетельствовать о том, что знакомство с произведениями классической литературы и фактами биографии их авторов продолжает оставаться важнейшим показателем эрудированности как для русскоязычных таджикистанцев, так и для этнических таджиков.

Независимо от гендерной роли, и женщин, и мужчин чувство ревности стимулирует к здоровому соперничеству и самореализации (*ревнуют ленивые*). Кто-то считает ревность показателем романтичности отношений и проявлением мужского начала (*мужчины ревнуют от природы, мужчины ревнуют когда любят*), *огнем, поддерживающим отношения*. Некоторые уверены, что *вызвать ревность - это искусство*.

Следует обратить внимание на количественное превосходство реакций на слово-стимул «зависть» при анализе таджикоязычной и русскоязычной выборки. Причина этого дисбаланса видится нам в том, что ревность причиняет гораздо больше страданий, нежели зависть; следовательно, проявляется факт нежелательности этого чувства для человека и ограниченности ситуаций, позволяющих выразить ревность публично.

Однако относительно грамматической категоризации полученных реакций, важно указать на достаточно широкий спектр их частеречной актуализации: существительные, прилагательные, глаголы, наречия, служебные части речи используются не только отдельно, но и во всевозможных комбинаторных словосочетаниях (*во всем виноват феминизм, не ревнует - не любит, нож в сердце, портит все*)

Анализ данных, полученных от русскоязычных участников ассоциативного эксперимента, позволил структурировать концепты «зависть» и «ревность» следующим образом.

Таблица 3. Интерпретация реакций на слово-стимул «зависть», полученных от русских таджикистанцев

женщины	мужчины
ЯДРО «ЗАВИСТЬ»	
ПРИЯДЕРНАЯ ЗОНА	
<ul style="list-style-type: none"> – Характеризуется интенсивными отрицательными эмоциями (19%) – Проявляется к определенному объекту (17%) 	<ul style="list-style-type: none"> – Характеризуется интенсивными отрицательными эмоциями (23%) – Проявляется к определенному объекту (19%)
БЛИЖНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ	
<ul style="list-style-type: none"> – Оценивается как низкое чувство (14%) – Оценивается как медицинская патология (13%) – Оценивается как нечто, имеющее мистическую природу (12%) 	<ul style="list-style-type: none"> – Оценивается как низкое чувство (17%) – Оценивается как чисто женское чувство (12%)
ДАЛЬНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ	
<ul style="list-style-type: none"> – Не контролируется разумом (9%) – Связано с определенными неудачами (5%) – метафорическое описание (5%) – Имеет долгую протяженность времени (3%) – рекомендательный характер (3%) 	<ul style="list-style-type: none"> – Не контролируется разумом (11%) – Связано с определенными ограничениями (8%) – Имеет краткую протяженность времени (4%) – Оценивается как мотивирующий к успеху фактор (4%) – рекомендательный характер (2%)

**Таблица 4. Интерпретация реакций на слово-стимул «ревность»,
полученных от русских таджикистанцев**

женщины	мужчины
ЯДРО «РЕВНОСТЬ»	
ПРИЯДЕРНАЯ ЗОНА	
<ul style="list-style-type: none"> – Характеризуется интенсивными отрицательными эмоциями (22%) – Проявляется к определенному объекту (19%) 	<ul style="list-style-type: none"> – Характеризуется обостренными отрицательными эмоциями (21%) – Проявляется к определенному объекту (18%)
БЛИЖНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ	
<ul style="list-style-type: none"> – Предполагает событие, происшествие, позорящее его участников, ставящее их в неловкое положение (13%) – Оценивается как низкое чувство (11%) – возможны волнующие отношения (как положительные, так и отрицательные) (8%) – Оценивается как мотивирующий к успеху фактор (6%) 	<ul style="list-style-type: none"> – Является основой семейных отношений (16%) – возможны волнующие отношения (как положительные, так и отрицательные) (14%) – Оценивается как мотивирующий к успеху фактор (11%)
ДАЛЬНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ	
<ul style="list-style-type: none"> – Не контролируется разумом (5%) – метафорическое описание (5%) – Сопровождается частичным сохранением отношений (4%). Обращение к прецедентным текстам (4%) – Имеет долгую протяженность времени (3%) 	<ul style="list-style-type: none"> – Не контролируется разумом (7%) – Связано с определенными ограничениями (5%) – Сопровождается сохранением отношений (3%) – Имеет недолгую протяженность времени (3%) – метафорическое описание (2%)

Итак, лексическая объективизация концептов «зависть» и «ревность» свидетельствует о значимости их эмотивной составляющей для русского языкового сознания, независимо от гендерного фактора. Дальняя

периферия в обоих случаях отличается обширностью. В периферийных зонах преобладают отрицательные оценочные признаки, что позволяет сделать вывод о негативной акцентуации концептов «зависть» и «ревность» в когнитивном сознании русскоязычных таджикстанцев. Анализ также показал определенную схожесть восприятия зависти и ревности между таджикоязычными и русскоязычными участниками эксперимента, что дает право говорить о частичной интеграции языкового сознания людей, проживающих вне своей этнической территории, с языковым сознанием местных этнических групп. Хотя эмоциональные концепты настолько универсальны, что единственным сдерживающим фактором их проявления можно считать лишь определенные социальные ограничения.

3.4. Результаты ассоциативного эксперимента среди носителей английского языка

Природа человека немислима без эмоций. На каком бы языке люди не говорили, к какой бы национальности не принадлежали, они всегда испытывали и будут испытывать эмоции. Однако вопрос проявления этих эмоций, их семантика жестко регламентируется культурной спецификой, которая при определенных обстоятельствах может стать единственным сдерживающим фактором при их манифестации и речевой актуализации. Культурно обусловленные проявления эмоций накладывают определенный отпечаток на различия в степени их экспрессивности и семантики. Так, например, эмоциональная сдержанность и самоконтроль считаются своеобразной «визитной карточкой» представителя английской лингвокультуры, в которой эти качества являются важнейшими поведенческими маркерами.

А.В. Павловская в своей книге «Англия и англичане» [Павловская, 2004] знаменитую английскую сдержанность, стремление скрыть эмоции, сохранить лицо относит к неотъемлемым чертам национального характера.

М.М. Филиппова отмечает другую чисто национальную традицию - «раздражение и другие отрицательные эмоции находят выход в иронии и сарказме» [Филиппова? 2006]. Исследования Т.В. Лариной показывают, что англичанам свойственно осуждать, прежде всего, вспыльчивость, несдержанность [Ларина, 2009]. А.Вежбицкая указывает на «взаимосвязь ограничений на свободное выражение эмоций» [Вежбицкая, 2001], то есть, несмотря на эмоциональный накал, внешне англичане всегда сохраняют спокойствие.

В эпицентре настоящего параграфа будет предпринята попытка выявить насколько выделенные учеными национальные черты англичан относительно проявления ими эмоций зависти и ревности проявятся при анонимном анкетировании, которое, понятно, предполагает снятие ограничительных факторов, весьма актуальных в реальных ситуациях общения.

Лексическая реализация концепта «зависть» англоязычными участниками АЭ представлена следующими лексемами: *jealousy (21), jealous (8), green (18), green with envy (3), greed (8), the evil eye (1), black envy (1), longing (1), rivalry (4), envy never has a holiday (1), want/wanting (4), to want something madly (1), desire (5), yearn (2), need (3), lack of Christian charity (1), spite (3), deadly seven sins (2), sin (6) zeal and energy (1), lusting after another's goods (3), comparison (2), bitter (1), anger (6), hate (3), ill-will (2) evil (4), jaundice (2), resentment (2), admiration (5), emotion (2), suspicion (1), malicious/malicioius envy (2) envious (1), bad sportsmanship (1), Brexit (1), covetous (2), covet (5), UK's COVID vaccine (1), Covid vaccine (1), envy in heart (1), marring a rich man (1), coveting nother wife (1) lousy bastard (1), benign envy (1).*

Здесь, также как в русской и таджикской лингвокультурах, следует отметить двойственную природу зависти. Семантика зависти как «чувства досады, раздражения, вызванного превосходством, успехом, благополучием другого» [Ушаков, 1935-1940] может быть ограничена конкретными

коммуникативными условиями, каких, как правило, подавляющее большинство. Однако бывают и ситуации, когда «envy» приобретает смысл, абсолютно противоположный словарной дефиниции зависти. Так, для представителей английской лингвокультуры зависть иногда сродни одобрению и радости по поводу успехов и благополучия собеседника, желание говорящего быть на месте косвенного объекта - *desire, sportsmanship, zeal and energy*. Хотя эта положительная тенденция свойственна только мужской половине респондентов. Помимо этого, англичане (мужчины) апеллируют к чувству зависти в политическом аспекте – *Brexit, UK's COVID vaccine*. Мы полагаем, что данные реакции следует рассматривать, как интенцию англичан вызвать зависть или констатировать ее наличие со стороны теперь уже бывших государств - партнеров по Европейскому союзу.

В целом же, «английская» зависть представляет отрицательную семантику (*anger, malice, greed, hate, ill-will*) для представителей обеих гендерных групп. В зависти видят клиническую патологию (*jaundice*) и религиозно-негативную трактовку (*deadly seven sins, lack of Christian charity*).

Английская зависть дублирует цветообозначение своей «русской коллеги» - *green with envy, black envy*, что свидетельствует об универсальности этой эмоции и способах ее вербальной объективации во всех рассматриваемых лингвокультурах.

Весьма интересным является следующая лингвокультурологическая особенность: английская выборка, в отличие от таджикской и русской, не показала широты предметов зависти; было выявлено всего три единицы - *coveting another wife, marrying a rich man, lusting after another's goods*. Возможно, это связано с тем, что чувство зависти, как одно из сильнейших эмоциональных состояний, идет вразрез с основополагающими принципами национального характера, который предполагает жесткий самоконтроль и так называемую декультивацию частной жизни. Зафиксирована и табуированная лексическая единица - *lousy bastard*, называющая, по всей

видимости, объект зависти, что позволяет говорить об «активной» [Волкова, 2014:156] зависти, граничащей с ненавистью.

Грамматическая категоризация полученных реакций отличается относительным разнообразием - представлены и существительные, и прилагательные, и глаголы: *arrogant, covet, rivalry, longing*. Однако следует констатировать некую ограниченность использования такой синтаксической единицы, как словосочетание - *malicious envy, the evil eye, bad sportsmanship*.

Важно обратить внимание на чисто английскую языковую традицию: достаточное количество реакций англоязычных участников эксперимента представлено идиомами или содержат идиоматический компонент.

Эмоциональный концепт «зависть», представленный набором реакций на одноименное слово-стимул со стороны представителей англоязычной лингвокультуры, демонстрирует теснейшее переплетение с концептом «ревность» (*jealousy, jealous*). Зависть и ревность имеют для англичан близкую концептуальную основу, отраженную в языковых средствах их концептуализации. Обратимся к рассмотрению эмоционального концепта ревности и после предпримем попытку интерпретировать эти два эмоциональных концепта.

Объективизация концепта «ревность» англоязычными участниками АЭ происходит посредством следующих лексем: *envy (28), anger (10), love (9), emotion (4), green (7), green eyed monster (3), devil (1), hell (1), suspicion/suspicious (5), lover (2), doubt (2), bitch (4), mean (2), cold (1), disgust (1), cheat/cheating (3), mad/horn-mad (3) whore (1), insecurity (2), hurt (1), hate (2), Othello (1), Othello syndrome (1), possess/possesiveness (2), control (2), fear/fear of loss (3), concern (1), rivalry (2), yellow-eyed (1), red (4), delusion (1), sexual jealousy (1), find sex (1), jealous (3), covet/covetous (3), Carman (1), fool (1), sexual partner (1), husband (2), wife (1), girlfriend (2), girl (1), friend (1), plenty of fans there drooling over smb (1), puppy love (1), de Clerambault syndrome (1), All happy families are alike; each unhappy family is unhappy in its own way (1).*

Ревность представляет собой сложный эмоционально-когнитивный комплекс. Первый (когнитивный) компонент подразумевает не прекращающийся ни на минуту процесс сравнения и нежелание оказаться хуже другого, а второй, эмоциональный, актуализирует любые эмоции враждебности. Однако проведенный анализ показал, что представители англоязычной лингвокультуры проявляют высокую степень эмоциональной сдержанности касаясь ревности только в жизни, в эпистолярном представлении мы видим кардинально иную ситуацию.

В ходе исследования было выявлено наличие вспомогательных средств-интенсификаторов, в частности лексические единицы так называемого сниженного тона - сленг, жаргон, вульгаризмы и просторечия: *cold, bitch, fool, plenty of fans there drooling over smb*. Мы полагаем, что такое сочетание существительных и прилагательных, свойственное неформальному стилю речи, вполне объяснимо - это единственный формат общения для англичан, позволяющий объективировать чувство ревности, ввиду полнейшего табуирования демонстрации всякого рода эмоций в «официальном» режиме коммуникации.

Анализ и мужской, и женской выборки показал неоднократное использование бранных слов: *bitch, whores*.

Некоторые респонденты объективировали эмоцию ревности, используя лексические единицы семантики нечистой силы: *hell, devil*.

Присутствует также цветное обозначение (*yellow-eyed, green-eyed monster*) и зооморфное (*puppy love*) определение ревности. Зафиксировано и обращение к прецедентным текстам. Так, участники эксперимента ассоциируют ревность с Кармен (героиней одноименной новеллы о страстной и одновременно трагичной истории любви дона Хосе Наварро и свободолобивой цыганки Кармен), Редом Батлером и Скарлет Охара (героями романа американской писательницы Маргарет Митчелл «Унесённые ветром» и одноименного художественного фильма), Отелло («Отелло, венецианский мавр» трагедийная пьеса В.Шекспира).

Кстати, идиому *green-eyed monster* также можно отнести к выдержке из прецедентных текстов, поскольку она используется в акте 3, сцене 3 пьесы В.Шекспира «Отелло».

Весьма неожиданной стала реакция «*All happy families are alike; each unhappy family is unhappy in its own way*» («Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему») - первое предложение романа Л.Н.Толстого «Анна Каренина»), поскольку она выдает или ярого поклонника русской классической литературы или славянские корни респондента. Ведь первая ассоциация у англичанина, по законам логики, должна коррелировать с чем-то, отличающимся национальной спецификой, а не передающим этнические характеристики (литературные традиции в частности) другого народа. Хотя, возможно, это великое произведение оказало на респондента настолько сильное эмоциональное воздействие, что, в результате, проявилось в качестве первой ассоциации на слово-стимул «ревность».

Полагаем, что несколько респондентов имеют медицинское образование, о чем свидетельствуют весьма специфические, узкопрофильные реакции «*de Clerambault syndrome*» (Синдром Кандинского-Клерамбо) и «*Othello syndrome*» (Синдром Отелло). Первый ответ идентифицирует психическое расстройство, суть которого заключается в уверенности больного, что некто говорит его ртом, ходит его ногами, делает что-либо его руками. Вторая реакция также определяет клиническую патологию - припадки беспричинной ревности, бред ревности. Здесь можно предположить, что участники эксперимента сталкивались в своей медицинской практике (или в жизни) с тем, что ревнивцы в состоянии аффекта не отвечают (не хотят отвечать) за свое деструктивное поведение и его последствия.

Для англичан основными маркерами выражения ревности являются прилагательные, поскольку именно они в подавляющем большинстве включают оценочный элемент, что расширяет возможности для выражения

эмоционального состояния (*suspicious, covetous, jealous*). Более того, в случае комбинирования прилагательных с другими языковыми средствами экспрессивность на порядок усиливается (*puppy love, yellow-eyed, horn-mad*).

Ранее уже была отмечена корреляция концептов «зависть» и «ревность» для представителей английской лингвокультуры. Сегодня связь прослеживается в параллельном их использовании практически во всех контекстах, в том числе научных. Однако независимо от контекста использования, их негативная коннотация обусловлена «санкционированными культурой стратегиями выживания» [Нурка, 1981]. Так, ревность и зависть изначально трактуются англичанами как эмоции, которые испытывают люди неуверенные в себе, в своих силах и возможностях, что априори чуждо английской национальной традиции. Мы уверены, что данный факт объясняет и количественное «отставание» реакций на слова-стимулы «зависть» и «ревность», полученных от англоязычных респондентов по сравнению с представителями таджикской и русской лингвокультур.

Таким образом, концепты «зависть» и «ревность» получили в рамках нашего исследования следующую интерпретацию:

Таблица 5. Интерпретация реакций на слово-стимул «зависть», полученных от англоязычных респондентов

женщины	мужчины
ЯДРО «ЗАВИСТЬ»	
ПРИЯДЕРНАЯ ЗОНА	
– Характеризуется интенсивными отрицательными эмоциями (21%)	– Характеризуется интенсивными отрицательными эмоциями (28%)
– метафорическое описание (18%)	– метафорическое описание (24%)
БЛИЖНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ	
– Оценивается как стимул к развитию (14%)	– Оценивается как стимул к развитию (19%)

<ul style="list-style-type: none"> – Проявляется к определенному предмету (13%) – Теологически осуждается (12%) – мифическое представление (11%) – Воспринимается как причина опорочить, очернить, оклеветать, опозорить объект зависти (7%) 	<ul style="list-style-type: none"> – мифическое представление (15%) – Теологически осуждается (10%)
ДАЛЬНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ	
<ul style="list-style-type: none"> – Проявляется к определенному объекту (4%) 	<ul style="list-style-type: none"> – Имеет политический контекст (2%) – Проявляется к определенному объекту (2%)

Зависть англоязычных респондентов отличается достаточно скупой манифестацией (всего 52 позиции; для сравнения: русс. - 102 реакции, тадж. - 86 реакций, хотя количество англоязычных участников АЭ явно уступает русскоязычному и таджикоязычному контингенту), что вовсе не означает, мы уверены, такой же ограниченный эмоциональный спектр.

Интересно, что интерпретация реакций не показала широкой структурной «наполняемости» ни в мужской, ни в женской выборках. Возможно, следует отнести к национальной специфике, которая, напомним, жестко контролирует любое проявление эмоций на людях.

Таблица 6. Интерпретация реакций на слово-стимул «ревность», полученных от англоязычных респондентов

женщины	мужчины
ЯДРО «РЕВНОСТЬ»	
ПРИЯДЕРНАЯ ЗОНА	
<ul style="list-style-type: none"> – Характеризуется интенсивными отрицательными эмоциями (28%) – Проявляется к определенному объекту (25%) 	<ul style="list-style-type: none"> – Характеризуется обостренными отрицательными эмоциями (27%) – Проявляется к определенному объекту (22%)

БЛИЖНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ	
<ul style="list-style-type: none"> – Оценивается как отрицательный фактор (18%) – Обращение к прецедентным текстам (15%) 	<ul style="list-style-type: none"> – Оценивается как отрицательный фактор (16%) – Обращение к прецедентным текстам (12%) – Страх потерять партнера (10%)
ДАЛЬНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ	
<ul style="list-style-type: none"> – метафорическое описание (9%) – сексуальные отношения (5%) 	<ul style="list-style-type: none"> – метафорическое описание (8%) – клиническое описание (5%)

Попытка интерпретировать полученные реакции на слово-стимул «ревность» позволила сделать вывод о том, что англичане-мужчины эмоционально более «закрыты» нежели англичанки. Возможно, эту тенденцию объясняют исконно английские поведенческие традиции, которые жестко регламентируют проявление даже базовых эмоциональных паттернов - неотъемлемых спутников личной жизни. Хотя негативная трактовка ревности очевидна для представителей обоих полов.

Англоязычные реакции отличает использование слова «sex» (секс) (*sexual partner, sexual jealousy, find sex*), что можно трактовать как некий показатель свободы. Поскольку ни в таджикоязычной, ни русскоязычной выборках лексема «секс» и ее производные не встречались, что красноречиво говорит о табуированности данной темы в этих двух этносах; тем более в условиях восточной инкультурации.

Выводы по III главе

Подводя итоги заключительной части работы, следует сфокусировать внимание на принципиальных для данной главы выводах.

В лингвистике эксперимент признан одним из ключевых способов получения данных о живом языке, включая не только морфологию,

синтаксис, семантику, что считается вполне естественным, но и проблемы языковой нормы, языкового общения и даже патологий речевого развития.

Антропоцентрическая направленность современного лингвистического научного знания обусловила высокую степень актуальности именно ассоциативных экспериментов

В качестве базового нами был выбран свободный (ненаправленный) ассоциативный эксперимент, поскольку, несмотря на некоторые отрицательные аспекты, именно данный тип позволит выявить не только структурные компоненты, но и создаст соответствующие условия для идентификации парадигматических составляющих мышления конкретного этноса.

Рассмотрение гендерного аспекта проявления зависти позволяет нам сделать вывод о том, таджички являются более завистливыми, чем таджики (мужчины). Об этом свидетельствует манера заполнения опросников - многие представители мужского пола не представили ни одной реакции на слово-стимул «зависть», в то время как женщины в этом вопросе проявили удивительную активность.

Опираясь на полученные результаты анализа реакций на слово-стимул «ревность», можно с определенной долей уверенности говорить о том, что вне зависимости от половой принадлежности и иерархии мотивов, ревности подвержены представители всех этносов. Для многих ревность и любовь составляют неразрывный тандем; часть респондентов воспринимают ревность как прототип зависти.

Следует обратить внимание на количественное превосходство реакций на слово-стимул «зависть» при анализе таджикоязычной и русскоязычной выборки. Причина этого дисбаланса видится нам в том, что ревность причиняет гораздо больше страданий, нежели зависть; следовательно, проявляется факт нежелательности этого чувства для человека и ограниченности ситуаций, позволяющих выразить ревность публично.

Лексическая объективизация концептов «зависть» и «ревность» свидетельствует о значимости их эмотивной составляющей для русского языкового сознания, независимо от гендерного фактора. Дальняя периферия в обоих случаях отличается обширностью. В периферийных зонах преобладают отрицательные оценочные признаки, что позволяет сделать вывод о негативной акцентуации концептов «зависть» и «ревность» в когнитивном сознании русскоязычных таджикистанцев. Анализ также показал определенную схожесть восприятия зависти и ревности между таджикоязычными и русскоязычными участниками эксперимента, что дает право говорить о частичной интеграции языкового сознания людей, проживающих вне своей этнической территории, с языковым сознанием местных этнических групп.

Весьма интересным является следующая лингвокультурологическая особенность: английская выборка, в отличие от таджикской и русской, не показала широты предметов зависти. Возможно, это связано с тем, что чувство зависти, как одно из сильнейших эмоциональных состояний, идет вразрез с основополагающими принципами национального характера, который предполагает жесткий самоконтроль и так называемую декультивацию частной жизни.

Проведенный анализ показал, что представители англоязычной лингвокультуры проявляют высокую степень эмоциональной сдержанности касаясь ревности только в жизни, в эпистолярном представлении мы видим кардинально иную ситуацию.

Зависть англоязычных респондентов отличается достаточно скупой манифестацией, что вовсе не означает, мы уверены, такой же ограниченный эмоциональный спектр.

Интересно, что интерпретация «английских» реакций не показала широкой структурной «наполняемости» ни в мужской, ни в женской выборках.

Попытка интерпретировать полученные реакции на слово-стимул «ревность» позволила сделать вывод о том, что англичане-мужчины эмоционально более «закрыты» нежели англичанки. Возможно, эту тенденцию объясняют исконно английские поведенческие традиции, которые жестко регламентируют проявление даже базовых эмоциональных паттернов - неотъемлемых спутников личной жизни. Хотя негативная трактовка ревности очевидна для представителей обоих полов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящем диссертационном исследовании предпринята попытка рассмотрения вопроса актуализации эмоциональных концептов «хасад/зависть/envy» и «рашк/ревность/jealousy» на различных языковых уровнях и в контексте отдельных речевых тропов.

Проведенный комплексный анализ теоретической и практической базы, а также выбранная в качестве основной методология изыскания позволили реализовать цели и решить задачи, сформулированные автором работы во введении, где отмечалось, что теоретические основы исследования концепта в эмотиологии обнаруживают самый широкий дискуссионный диапазон.

Так, в ходе анализа было выявлено, что эмоциональная сфера языка и речи с начала ее изучения в разных науках и на их стыке оценивалась как наиболее сложная, неопределенная, требующая выхода за привычные научные рамки и дисциплинарные пределы.

Эмоциональные концепты (ЭК) логично следует отнести к разряду универсальных, поскольку именно делают представителей разных этносов более или менее похожими друг на друга (по Шаховскому), при этом, однако, эмоциональным концептам свойственна этноспецифичность, суть которой составляют индивидуальный эмоциональный тренд и национальный индекс данной культуры.

Изучение типов и методов представления эмоциональных концептов дает основания утверждать, что описание типов эмоций более привлекательно, чем описание отдельных эмоций, поскольку первое предоставляет больше возможностей для создания общей картины широкого круга эмоций. Современное научное сообщество когнитивистов и культурологов представляет целую серию различных классификаций и типологий концептов, зависящих от всевозможных факторов, что свидетельствует об отсутствии единства относительно общего понимания

самого концепта и классификаций концептов, хотя имеет смысл говорить о трехуровневом построении эмоциональных концептов: 1. понятие о чувстве/эмоции; 2. проявление чувства/эмоции; 3. выражение чувства/эмоции.

Языковая репрезентация эмоциональных концептов представителями конкретного этноса зависит от культурно-специфической информации, морально-нравственных норма и культурно-исторического наследия этого этноса.

По отношению к миру действительности и языку, различаются две картины мира: концептуальная (ККМ) и языковая (ЯКМ). Первая отличается богатым содержанием ввиду участия в ее создании различных типов мышления. Языковая картина мира, будучи центральным компонентом языкового сознания, регулярно подвергается коррекции со стороны языковой личности, прежде всего, в эмоционально-оценочном плане, что обусловлено повсеместным влиянием действующих в языковом обществе социально-психологических факторов.

Мы можем с уверенностью заявлять о нестатичном характере эмоциональной картины мира, ведь находясь в постоянной динамике, она «дышит» вместе с духом народа, обновляется и может быть представлена в определенном отрезке времени лишь фрагментарно, а может и навсегда стать неотъемлемой частью языковой картины мира конкретного этноса.

Репрезентация эмоциональной языковой картины мира осуществляется на всех уровнях языковой организации – лексическом, синтаксическом, лексикографическом, фразеологическом, паремическом, метафорическом, афористическом и других, и хотя носители разных языков и представители разных культур испытывают универсальные эмоции, качество и интенсивность их проявления у разных культурно-языковых этносов отличаются специфичностью.

Исследовав лексические средства языковой актуализации эмоций, мы пришли к выводу о том, что единство эмоций и человека нерасторжимо, хотя и не всегда соблюдается.

Немаловажным аспектом является соотношение категорий «эмоциональность» и «экспрессивность». Было установлено, что экспрессивность рассматривается как более широкая категория ввиду постоянного использования экспрессивных средств говорящим/пишущим. Однако экспрессивность не всегда бывает эмоциональной, хотя эмоциональность является неотъемлемой частью экспрессивности. По принципу «психологическое/лингвистическое» были также дифференцированы понятия «эмоциональность» и «эмотивность», которые достаточно длительное время одинаково активно употреблялись в исследованиях по психологии и по лингвистике.

Лексические средства не всегда напрямую передают эмоциональное состояние, но они помогают реализовать эмотивный фон сообщения, передать образность и экспрессивность высказывания, показать чувства по отношению к происходящему, помогают передать колорит эпохи, какой-либо местности или социальной группы; при этом одни и те же лексические средства могут передавать различные, иногда прямо противоположные, эмоции и эмоциональные состояния.

Экстралингвистический обзор концептов «зависть» и «ревность» в системе нравственных отношений показал, что интерпретация нравственности и всевозможных ее парадигм, проявляющихся в том числе и в эмоциональных концептах, находится в органической связи с национальными традициями любого народа и его (народа) религиозными убеждениями.

В процессе исследования мы пришли к выводу о том, что на современном этапе развития на второй план уходят такие нравственные чувства, как добродетель, сострадание, милосердие, патриотизм, стыд, утрачивается способность дифференцировать правду и ложь, добро и зло, что

формирует в сознании негативные эмоции: злобу, зависть, ненависть, аномальные проявления ревности, месть. Данную ситуацию можно рассматривать как «отказ общества от позитивных ценностей и как фальсификацию ценностной системы».

На современном этапе социального развития потребность в духовном обновлении общества ощущается особенно остро на всех уровнях социальной структуры общества. Мы условно обозначили это «духовным обнищанием», в рамках которого происходит размывание моральных, правовых, нравственных норм; отсутствуют или бездействуют какие бы то ни было регулирующие механизмы. Этот кризис обусловлен отказом от традиционной системы духовно-нравственных ценностей, а новая система нравственных ориентиров принижает статус традиционных ценностей, делают их менее устойчивыми.

Многие эксперты уверены в том, что ревность представляет собой разновидность зависти со свойственной ей спецификой. Мы полагаем, что данная позиция вполне оправдана, поскольку в основе обоих чувств лежит конкуренция.

Ряд исследователей отмечают факт «социальной полезности» зависти и ревности, поскольку, несмотря на их деструктивную, негативную маркированность, они все же порождают одну из важнейших добродетелей, наиболее приоритетную составляющую нравственных отношений – скромность.

Дефиниционный анализ концептов «зависть» и «ревность» в таджикском, русском и английском языках показал, что содержание концептов «зависть» и «ревность» по объему поверхностной языковой сущности в сопоставляемых языках, бесспорно, может отличаться. В то время как средства объективации концептов и его фрагментов, а также восприятие возможных способов невербального декодирования анализируемого когнитивного действия и осмысление концептов носителями обыденного таджикоязычного, русскоязычного и англоязычного

менталитетов в целом могут иметь некоторые точки пересечения и ряд принципиальных расхождений.

Дефиниционный анализ концептов позволил смоделировать структурно-семантические поля эмоциональных концептов «зависть» и «ревность», выявив все варианты их толкований, деривационные ряды, синонимические пласты и группы устойчивых сочетаний.

Судя по дефинициям, в сопоставляемых языках данные эмоциональные концепты в основном транслируют отрицательную семантику, отражая типичные критерии, закреплённые в виде устойчивых сочетаний, позволяющих переходить из одного концептуального пространства в другое (на уровне дефиниций в том числе)

Рассматривая паремиологический фонд как первичный пласт актуализации эмоциональных концептов «зависть» и «ревность», отметим, что пословицы и поговорки с компонентами «зависть» и «ревность» ввиду специфической структурно-семантической композиционной структуры и своеобразного стилистического оформления являются символическими единствами языковой формы и выражаемого в ней морально-эмоционального контента.

Анализ показал, что пословицы и поговорки, реализующие концепты «зависть» и «ревность» в сопоставляемых языках, имеют достаточно широкие количественный и аспектный ряды. Так, целый паремиологический блок отражает поведенческие реалии и отношение человека к выражаемым эмоциям (ревности и зависти), содержит оценочную парадигму чувств и характерных особенностей человека, испытывающего конкретную эмоцию. Отдельная группа паремий отличается дидактическим контентом, выраженным в форме рекомендаций и советов по сглаживанию конфликтных ситуаций, вызванных завистью/ревностью.

В ходе рассмотрения мы пришли к выводу о том, что корпус пословиц и поговорок, репрезентирующих данные концепты достаточно объёмен и относительно стабилен. Концепты «зависть» и «ревность» в сопоставляемых

языках содержат не только абстрактные семемы, но и поведенческий аспект личности, подверженной, что вполне естественно, переживанию деструктивных эмоций под влиянием внешних факторов. Практический материал репрезентируют зависть и ревность как негативно влияющие на психическое, психологическое, физическое, душевное состояния человека факторы.

Сравнительно-сопоставительный анализ единиц таджикского, русского и английского паремиологических фондов подтверждает наличие между ними сходства в фундаментальных ценностях как морального, так и эмотивного порядка. Незначительное количество паремий, объективирующих исследуемые концепты, отличаются планом выражения концептуального смысла.

Когнитивная интерпретация паремий также позволяет раскрыть национальную специфику и особенности строения периферийной доли концепта. Можно также констатировать определенную идентичность паремиологических представлений.

Таким образом, следует констатировать высокую степень значимости концептов «зависть» и «ревность» в социальном и культурологическом аспектах в русской, таджикской и английской картинах мира. Более того, данные концепты носят весьма негативную коннотацию, что обуславливает отрицательное отношение к ним в трех исследуемых культурах.

Зависть и ревность имеет весьма неоднозначную и многогранную трактовку, которая отличается своей вариативностью в психологическом и теологическом срезам. Например, в религиозном дискурсе, а именно в христианстве основной акцент делается на греховной природе зависти и ревности. Ислам также осуждает эти чувства, причисляя их к греховным явлениям ввиду их деструктивного характера. При этом в исламе ревность носит и положительную коннотацию и считается благородным качеством, если трактовать ее как усилие, направленное на оберегание своей супруги,

достоинства и чести семьи. Ревность свидетельствует о небезразличном к конкретному человеку отношении.

Метафора и концепт имеют различные точки пересечения, что позволяет говорить о них в рамках одного контекста. Так, актуализация концептов в виде метафор в разных языках происходит по-разному, что напрямую связано с системой национальных ценностей. То есть метафора как бы транслирует культурные коды, культурно-национальные эталоны, а также концептуализирует общечеловеческие ценности.

Метафора, выступая в качестве инструмента создания/трансляции языковой картины мира, употребляется достаточно широко, соответственно, она (метафора) может считаться и полноценным инструментом актуализации различного рода концептов.

Касаемо способов метафорической репрезентации концептов «зависть» и «ревность» важно обратить на то, что в рассмотренных примерах отражен процесс концептуализации не только как описание способов категоризации, но и как процесс вторичного переосмысления лексем. В сопоставляемых языках актуализируется свойство эмотивного переживания, восприятия и мышления в рамках концептов «зависть» и «ревность». Когнитивные признаки представлены как метафорические классификаторы, формирующие информационное содержание и интерпретационное поле концептов.

Анализируемые концепты в ходе соединения лексем по принципу развертывания событий репрезентируют сценарий, предполагающий конкретные причины и условия возникновения и проявления в объективной действительности.

Попытки исследовать ассоциативные поля концептов «зависть» и «ревность» в таджикском, русском и английском языках подвигли нас на формулировку следующих заключительных положений.

В лингвистике эксперимент признан одним из ключевых способов получения данных о живом языке, включая не только морфологию,

синтаксис, семантику, что считается вполне естественным, но и проблемы языковой нормы, языкового общения и даже патологий речевого развития. Антропоцентрическая направленность современного лингвистического научного знания обусловила высокую степень актуальности именно ассоциативных экспериментов.

Свободный ассоциативный эксперимент и выбранный алгоритм и параметры его проведения предоставили реальную возможность определить способы актуализации эмоциональных концептов «зависть» и «ревность», в основу которой заложена сама природа реакций на слова-стимулы. То есть, являясь одновременно универсальными и индивидуально-конкретными, эти реакции помогли наиболее полно и объективно отследить представленность интересующих нас стимулов в языковом сознании трех исследуемых этнических групп.

Результаты свободного ассоциативного эксперимента, проведенного среди таджикоязычных респондентов, позволили увидеть не только гендерные различия в содержании и структуре концептов «зависть» и «ревность», но и определить генерализированные способы лексической актуализации этих концептов в языковом сознании таджиков. Исходя из теологической составляющей полученных реакций, можно с легкостью проследить высокую степень религиозности в обеих гендерных группах.

Опираясь на полученные результаты анализа реакций на слово-стимул «ревность», можно с определенной долей уверенности говорить о том, что вне зависимости от половой принадлежности и иерархии мотивов, ревности подвержены все представители всех этносов. Для многих ревность и любовь составляют неразрывный тандем; часть респондентов воспринимают ревность как прототип зависти.

Лексическая объективизация концептов «зависть» и «ревность» свидетельствуют о значимости их эмотивной составляющей для русского языкового сознания, независимо от гендерного фактора. Дальняя периферия в обоих случаях отличается обширностью. В периферийных зонах

преобладают отрицательные оценочные признаки, что позволяет сделать вывод о негативной акцентуации концептов «зависть» и «ревность» в когнитивном сознании русскоязычных таджикстанцев. Анализ также показал определенную схожесть восприятия зависти и ревности между таджикоязычными и русскоязычными участниками эксперимента, что дает право говорить о частичной интеграции языкового сознания людей, проживающих вне своей этнической территории, с языковым сознанием местных этнических групп.

Весьма интересным является следующая лингвокультурологическая особенность: английская выборка, в отличие от таджикской и русской, не показала широты предметов зависти. Возможно, это связано с тем, что чувство зависти, как одно из сильнейших эмоциональных состояний, идет вразрез с основополагающими принципами национального характера, который предполагает жесткий самоконтроль и так называемую декультивацию частной жизни.

Интерпретация реакций не показала широкой структурной «наполняемости» ни в мужской, ни в женской выборках. Возможно, следует отнести к национальной специфике, которая жестко контролирует любое проявление эмоций на людях. Англичане-мужчины эмоционально более «закрыты» нежели англичанки. Возможно, эту тенденцию объясняют исконно английские поведенческие традиции, которые регламентируют даже проявление эмоциональных паттернов - неотъемлемых спутников личной жизни. Хотя негативная трактовка ревности очевидна для представителей обоих полов.

Подводя итоги, следует констатировать, что изучение проблематики концептов в сопоставительном плане являются основополагающими в аспекте динамического развития междисциплинарных исследований. Данная работа, возможно, внесет вклад в развитие научной парадигмы отечественного языкознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абраменкова, В.В. Социальная психология детства в контексте развития отношений ребенка в мире / В.В.Абраменкова // Вопросы психологии. – 2002. – № 1. – С. 3 –15.
2. Адамчук, Т. В. Тематизация эмоций в тексте (на материале современного английского языка): Дис... канд. филол. наук. Саранск, 1996. С. 22.
3. Алефиренко, Н. Ф. Фразеологические логоэпистемы: архетипы и символы. Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. 2014. № 13 (184). Выпуск 22. -С. 7-13. -С.7.
4. Алим К. Аппоев, Асхат К. Аппоев. Паремии как когнитивный базис национальной языковой картины мира. Известия вузов. Северо-кавказский регион. общественные науки. 2010. № 2. –С. 127-130 _С. 129.
5. Алферова, Ю.И. Профессионально-маркированные компоненты языкового сознания: дис. ...канд. филол. наук / Ю.И. Алферова. – Омск, 2005. – 182 с.
6. Ананина, Т.С. Эмоции и языковая картина мира. Вестник КАСУ №2 - 2006. Издательство: Казахстанско - Американский свободный университет. -С. 92-100.
7. Аникин, В.П. Долгий век пословицы / В.П. Аникин // Русские пословицы и поговорки / под ред. В.П. Аникин. – М.: Художественная литература, 1988. – С. 3-12.
8. Апресян, В.Ю. Эмоции: современные американские исследования // Семиотика и информатика. Вып. 34. М.: Всероссийский институт научной и технической информации РАН, 1994. С. 82-97.
9. Апресян, Ю.Д. Лексикографическая концепция нового большого англорусского словаря / Ю.Д. Апресян // НБАРС / под ред. Ю.Д. Апресяна и Э.М. Медниковой. В 3 т. Т. 1: А-Ф. – М.: Русский язык, 1993.

– С. 6-17.

10. Арутюнова Н. Д. Введение // Логический анализ языка: Ментальные действия: сб. статей / Под ред. Н. К. Рябцевой. М.: Наука, 1993. 176 с.- С. 3-6.
11. Арутюнова, Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990. С. 17.
12. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М., 1999. – 896 с.
13. Архипова, С.В. Ассоциативный эксперимент в психолингвистике // Вестник Бурятского университета №11, 2011. -С. 7-9. -С.8. [Электронный ресурс] Режим доступа: [assotsiativnyu-eksperiment-v-psiholingvistike.pdf](#) Дата обращения: 22.04.2021
14. Аскольдов, С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: антология. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 267-279. - С. 269
15. Афанасьева-Медведева, Г.В. Образ медведя в русской народной прозе Восточной Сибири (по материалам фольклорных экспедиций 1980-2010 гг.) / Г.В. Афанасьева-Медведева // МНКО. – 2010. – №6-2. – С.65-68.
16. Ахметова, Г.Д. Языковое пространство художественного текста (на материале современной русской прозы). СПб.: Реноме, 2010. 244 с. С. 7.
17. Бабиян, Т.В. Пословицы и поговорки как средства репрезентации лингвокультурных реалий. Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2017. № 10(76): в 3-х ч. Ч. 2. С. 48-50.
18. Бабкин, А.М. Русская фразеология: ее развитие и источники / А.М. Бабкин. – Л.: Наука, 1970. – 264 с.
19. Бабушкин, А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка .Дис. доктора филол. наук. - Воронеж, 1997. - 330 с.
20. Баранникова, Г.И. Антропоцентрическая парадигма гуманитарного знания и её лингводидактическая интерпретация / Г.И. Баранникова //

- Гуманитарный вестник. – 2013. – Вып. 2 (4). – С. 12-28.
21. Баранов, А.Н. Введение в прикладную лингвистику : Учебное пособие/ А.Н. Баранов. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 360 с.
 22. Бастриков, А.В. Лингвокультурные концепты как основа языкового менталитета / А.В. Бастриков, Е.М. Бастрикова // Вестник ТГПУ. – 2012. – №3. – С.15-19.
 23. Бахревский, В. Смута / В. Бахревский. – М.: Изд-во АСТ, Астрель, Харвест, 2011. – 576 с.
 24. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / Бахтин М.М. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
 25. Белянин, В. П. Психолингвистика. Учебник. 2-е изд. – М: Флинта: Московский психолого-социальный институт, 2004. -252 с.-С.130.
 26. Бирр-Цуркан, Л.Ф. Отражение эмоциональной картины мира в средневерхненемецком рыцарском романе. XLV Международная филологическая научная конференция, Санкт-Петербург, 14–21 марта 2016 г.: Тезисы докладов. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2016. — 720 с.-с. 304-305
 27. Богданова, Е.С. Метафора в художественном тексте: функции, восприятие, интерпретация. [Электронный ресурс] ежим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/metafora-v-hudozhestvennom-tekste-funktsii-vozpriyatie-interpretatsiya/viewer> (дата обращения: 08.04.2021).
 28. Бодуэн де Куртэне, И.А. Избранные труды по общему языкознанию / И.А. Бодуэн де Куртэне. В 2 т. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963, – 391 с.
 29. Болдырев, Н.Н. Концептуально-тематические области языковой картины мира и их интерпретирующая функция / Н.Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. – Вып. XVII: Актуальные проблемы взаимодействия мыслительных и языковых структур. – М.: Институт языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина,

2014. – С. 33-39.
30. Болдырев, Н.Н. Язык как интерпретирующий фактор познания / Н.Н. Болдырев // Интерпретация мира в языке: коллективная монография / науч. ред. Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. – С. 19-78.
 31. Брагинский И.С. Иранское литературное наследие / И.С. Брагинский. - М.: Наука, 1984.-296с
 32. Брутян, Г.А. Язык и картина мира / Г.А. Брутян // Научные доклады высшей школы. Серия: Философские науки. – М., 1973. – № 1. – С. 84-112.
 33. Булыгина, Т.В., Шмелев, А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев. – М., 1997. – 545 с.
 34. Буренкова, С.В. Зооморфные образы немецкой и русской фразеологии / С.В. Буренкова // Вестник ЧелГУ. – Челябинский, 2008. – №30. – С.29-40.
 35. Валюкевич, Т.В. Семантико-этимологический анализ лингвокультурного концепта ВНЕШНОСТЬ / Т.В. Валюкевич // Вестник Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина. Серия: Романогерманская филология. Методика преподавания иностранных языков. – Вып.68. – Харьков, 2011. – С. 155-159.
 36. Вандриес, Ж. Язык: Лингвистическое введение в историю / Ж. Вандриес. – М.: Соцэкгиз, 1937. – 410 с.
 37. Вахтин, Н. Б., Головкин Е.В. Социолингвистика и социология языка. 2005. -С. 41-66.
 38. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999. 780 с.-С.23.
 39. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание. - М., 1996. 416 с.
 40. Вежбицкая, А. Сопоставление культур через посредство лексики и

- прагматики ... Пер. с англ. и предисловие А.Д. Шмелева. — Москва: Языки славянской культуры, 2001. — 272 с.
41. Веллер, М. Табу и его разрушение // Все о жизни. – СПб.: Пароль, 2005. – Ч. 2, гл. 2. – С. 310–319 -С.305
 42. Виноградов, В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / В.В. Виноградов // Современный русский язык: Лексикология. Фразеология. Лексикография: Хрестоматия и учебные задания. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та., 1996. – С. 181-191.
 43. Волек, Б. Типология эмотивных знаков // Язык и эмоции: Сб. науч. трудов. -Волгоград: Перемена, 1995. -С.16
 44. Волкова, Я.А. Деструктивное общение в когнитивно-дискурсивном аспекте. Дис.... докторафилолог. наук. -Волгоград, 2014. 430с. -С.156
 45. Волостных, И.А. Эмоциональные концепты «страх» и «печаль» в русской и французской языковых картинах мира: автореф. дисс. ... канд. филол. наук [Текст]/ И.А. Волостных. – Краснодар., 2007. - 18 с.- С.7
 46. Вольперт, Л. И. Пушкин в роли Пушкина: Творческая игра по моделям французской литературы: Пушкин и Стендаль. М.: Языки русской культуры, 1998. 327 с. -С.242
 47. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки = *Semantica funcional da valorizacao* / Е. М. Вольф; отв. ред. Г. В. Степанов. - М.: Наука, 1985. - 228 с. -С.29
 48. Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2004. 192 с. -С.51
 49. Воркачев, С.Г. «Куда ж нам плыть?» – лингвокультурная концептология: современное состояние, проблемы, вектор развития [в:] «Язык, коммуникация и социальная среда», вып. 8., Воронеж, с. 5 – 27.
 50. Воркачев, С.Г. Российская лингвокультурная концептология: современное состояние, проблемы, вектор развития [в:] „Известия РАН.

- Серия литературы и языка”, т. 70, № 5, 2011. - С. 64-74
51. Воркачев, С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт / С.Г. Воркачев.- М.:ИТДК «ГНОЗИС», 2004.– 192 с. -С.64-65
 52. Вундт, В. Проблемы типологии народов / Пер. с нем. ... М.: Смысл, 2001. –572 с.-С.2.
 53. Гак. В. Г. Эмоции и оценки в структуре высказывания // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. - 1997. - № 3. - С. 87 - 93.
 54. Гак, В.Г. Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.
 55. Гачев, Г.Д. Национальные образы мира / Г.Д. Гачев. – М.: Советский писатель, 1988. – С. 45–46.
 56. Горошко, Е.И. Языковое сознание – опыт ассоциативного анализа / Е.И. Горошко // Языковое сознание: устоявшееся и спорное: тез. XIV межд. симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 29–31 мая 2003 г. – М., 2003. – С. 3–9.
 57. Горошко, Е.И. Языковое сознание (ассоциативная парадигма): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Е.И. Горошко. – М., 2001. – 608 с.-С.18
 58. Григоренко, Н.В., Камышанченко, Е.А. Исследование механизма формирования абстрактного концепта (на примере концепта «envy») // Сетевой журнал «Научный результат». Серия «Вопросы теоретической и прикладной лингвистики». – Т.2, №1(7), 2016. -С. 10-14 -С.11
 59. Гридин, В.Н. Экспрессивность // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.
 60. Гумбольдт, В.О различии организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода. – СПб., 1994. 366 с.
 61. Гумбольдт, В. Язык и философия культуры / В. Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1985. – 450 с.

62. Гумилев, Л.Н. Этносфера: История людей и история природы / Л.Н. Гумилев. – М.: Экопрос, 1993. – 544 с.
63. Давлатмирова, М.Б. Универсальное и этноспецифичное в языковой репрезентации макроконцепта «Судьба» (на материале таджикского, арабского и шугнано-рушанской группы языков): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / Далатмирова Манижа Бораковна. - Душанбе, 2019. - 388с.
64. Даль, В.И. Напутное слово / В.И. Даль // Пословицы и поговорки русского народа. – М.: в университетской типографии, 1862. – С.5-34.
65. Де ла Мора Г. Ф. Уравнивающая зависть. М., 1987. - С.108-129
66. Дмитриева, Н.М. Языковые особенности этических категорий русского менталитета / Н.М. Дмитриева // Вестник ОГУ. – 2011. –№11 (130). – С.57-61.
67. Додонов, Б. И. Эмоции как ценность. - М.: Политиздат, 1978. – 272 с.
68. Дорошевский, В. Элементы лексикологии и семиотики / В. Дорошевский. – Москва: Прогресс, 1973. – 285 с.
69. Дроздова, С.А. Изучение эмотивности в аспекте РКИ. Функционально-коммуникативное описание языковых картин мира. Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. Том 6 (72). № 4. С. 125–137. - С.127
70. Ежова, Н.Ф. Способы языковой репрезентации эмоциональных концептов в романе л. н. толстого“ анна каренина // Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки. 2003. № 2 -С.10-21 -С.18
71. Есмурзаева, Ж.Б. Понятия «языковая картина мира» и «концептуальная картина мира» в современных исследованиях / Ж.Б. Есмурзаева // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2012. – № 2 (9): в 3-х ч. Ч. III. – С. 56-58.
72. Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-

- словообразовательный [Электронный ресурс]. URL: <http://www.efremova.info> (дата обращения 15.12.2020).
73. Залевская, А.А. Вопросы организации лексикона человека в лингвистических и психологических исследованиях: учебное пособие / А.А. Залевская. – Калинин: КГУ, 1978. – 216 с.
74. Заримбетов, А. А. Сравнительно-типологический анализ некоторых языковых единиц эмоционального концепта в разносистемных языках / А. А. Заримбетов. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2013. — № 6 (53). — С. 494-497. — URL: <https://moluch.ru/archive/53/7236/> (дата обращения: 14.02.2021).
75. Зотова, А.Б. К вопросу о соотношении категорий «эмоциональность», «эмотивность», «экспрессивность» // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Том 50. 2010. № 6. С. 14–17. -С. 14
76. Иванова, Е. В. Мир в английских и русских пословицах: учеб.пособие. СПб.:Изд-воСПбГУ, 2006. 280 с. –С.49
77. Игболов, О. Лексико-семантический анализ особенностей пословиц и поговорок в таджикском и английском языках (на материале "Маснави ма'нави" Джалолуддина Руми): дис. ... кнф: 10.02.20 / Игболов Олимшох Шукурович. - Душанбе, 2017. – 166 с.
78. Изард, К. Э. Эмоции человека Текст.: [пер. с англ.] / К. Э. Изард. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980. - 440 с.
79. Ильин, Е.П. Психология зависти, враждебности, тщеславия. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://maxima-library.org/component/maxlib/b/383525?format=read> (дата обращения: 30.03.21)
80. Ильина, Л.Е. Паремии в русском и французском языках: сопоставительный анализ. Вестник Оренбургского государственного университета 2017 № 1 (201) –С. 25-33 –С. 32

81. Исаченко, Н.Н. Проблемы морали через осмысление феномена рессентимента : Монография. / Н.Н. Исаченко – Тюмень: Тюм ГНГУ, 2015. – 174 с.–С.16
82. Искандарова, Д.М. Исследование толерантности в молодежной среде Таджикистана (лингвистические аспекты): монография / Д.М. Искандарова, З.А. Гулова, М.Б. Давлатмирова, Н.И. Каримова, З.М. Мухторов, А.Ю. Фомин. – М.: РАЕ, 2015. - 130с.
83. Калимуллина, Л.А. Современные трактовки категории эмотивности // Филологические науки. 2006. № 5. С. 70–80
84. Карасик, В.И. Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Т. 1. – Волгоград: Парадигма, 2005. – 352 с.
85. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепт, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
86. Каримова, Н.И. Пространство как категория концептуализации языковой картины мира (на материале русского, польского и таджикского языков): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / Каримова Наргис Ильхамбековна. - Душанбе, 2019. – 451 с.
87. Касьянова, К. О русском национальном характере. - М.: Институт национальной модели экономики, 1994 - 267с.-С. 26
88. Козько, Н.А. К вопросу о средствах языковой репрезентации концепта / Н.А. Козько // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 2 (13). – С. 78-81.
89. Колесов, В.В. Язык и ментальность / В.В. Колесов. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. – 240 с.
90. Колшанский, Г.В. Объективная картина мира в познании и языке / Отв. ред. А.М. Шахнарович; Предисл. С.И. Мельник и А.М. Шахнаровича. – Изд. 2-е, доп. – М: Едиториал УРСС, 2005. – 128 с.
91. Копнина, Г.А., Щербаков, А.В. Эмоциональность речи // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю.

- Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М.: Флинта: Наука, 2003. 840 с.
92. Коростова, С. Концепты эмоций в русской лингвокультуре. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://czasopisma.bg.ug.edu.pl> › article › download (дата обращения: 03.05.2021)
93. Красавский, Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах : Монография. – Волгоград : Перемена, 2001. – 495 с.- С.74
94. Красных, В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание, Коммуникация) /В.В. Красных. – М.: Диалог-МГУ, 1998. – 350 с.
95. Крючкова, Н.В. Лексикографические и экспериментальные данные в раскрытии содержания концептов / Н.В. Крючкова // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2008. – №315. – С.19-24.
96. Кубрякова, Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов /Е.С. Кубрякова. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. – 245 с.
97. Кубрякова, Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира / Е.С. Кубрякова // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / отв. ред Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1988. – С. 141-172.
98. Кузьмитович, Е.С. Миф как мировоззрение: история и современность / Е.С. Кузьмитович // Наука и техника. – 2009. – №1. – С.79-82.
99. Кулькова, М. А. Когнитивно-смысловое пространство народной приметы :автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01, 10.02.20. Казань, 2011. 52 с.–С.14
100. Лакофф, Д., Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. - М.: Прогресс, 1990. - С. 387-415.
101. Ларина, Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации. - М.: Языки славянских культур, 2009. 512 с
102. Леонтьев, А.Н. Образ Мира. Избр. психолог. Произведения / А.Н.

- Леонтьев. – М.: Педагогика, 1983. – С. 251-261.
103. Лихачев, Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Изв. АН. Серия литературы и языка. Т. 52. – № 1. – М., 1993. – С. 3-9.
104. Лихачев, Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология / Под ред. В.П. Нерознака. – М., 1997. – С. 280–287. 214
105. Лукьянова, Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления (проблемы семантики). Новосибирск: Наука, 1986. 230 с.-С.43
106. Ляпин, С. Х. Концептология: к становлению подхода // Концепты. Научные труды Центрконцепта. Вып. 1. Архангельск, 1977. С. 11-55. - С.55
107. Маклаков, А. Г. Общая психология. - СПб.: Питер, 2001. - 592 с.
108. Маслова, В.А. Лингвокультурология : Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208с.
109. Маслова, Ж.Н. К вопросу о возможностях трансфера знаний в форме языкового образа / Ж.Н. Маслова // Когнитивные исследования языка. Вып. XXIII: Лингвистические технологии в гуманитарных исследованиях: сборник научных трудов / отв. ред. вып. В.З. Демьянков, отв. секр. вып. Е.М. Позднякова. – Тамбов, 2015. – С. 417-425.
110. Матвеева, Т.В. Лексическая экспрессивность в языке. Свердловск: УрГУ, 1986. 92 с. -С.15
111. Мечковская, Н.Б. Социальная лингвистика /Н.Б. Мечковская. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 207 с.
112. Москвин, В. П. Русская метафора. Семантическая, структурная, функциональная классификация: учеб.пособие к спецкурсу по стилистике. - Волгоград: Перемена, 1997.
113. Москвин, В.П. Семантическая структура и парадигматические связи полисеманта (на примере слова судьба)/В.П. Москвин.Волгоград:

- Перемена, 1997. 32 с.
114. Муздыбаев, К. Психология зависти / К. Муздыбаев // Психологический журнал. 1997. № 6. С. 3-11.
115. Муминов, А. Полисемия в таджикском языке. Автореферат диссертации кандидата филологических наук. Душанбе 1972. - С.21
116. Мягкова, Е. Ю. Эмоциональная нагрузка слова: опыт психолингвистического исследования. - Воронеж: Изд-во Воронежского унив-та, 1990. - 106 с.
117. Немов, Р. С. Психология: Учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений: В 3 кн. - 4-е изд. - М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003. - Кн. 1: Общие основы психологии. - 688 с.
118. Нерознак, В. П. От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. Омск, 1998. -С. 67
119. Несветайлова, И.В. «Зависть» и «ревность» как эмоциональные концепты русской и английских лингвокультур: Дис. ... канд. филол. наук 10.02.20. – Волгоград, 2010
120. Никитина, С.Е., Васильева, Н.В. Экспрессивность // Экспериментальный толковый словарь стилистических терминов. Принципы составления и избранные словарные статьи. М., 1996. С. 151–152.
121. Павлов, И.П. Полное собрание сочинений. 2-е изд., доп. - М., 1951. - С.352
122. Павловская, А.В. Англия и англичане. -М.: Триада, 2004. - 263с.
123. Палеева, Е.В. Концептуальный анализ как метод лингвистических исследований / Е.В. Палеева // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2010. – Вып 2(8). – С.1-5.
124. Паничева, П.Н. Структурно-семантические и прагматические

- характеристики восклицательных предложений в английской диалогической речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Ставрополь, 2004. 18 с.-С.9-10
125. Пименова, М.В. Душа и дух: особенности концептуализации / М.В. Пименова. – Кемерово: ИПК «Графика», 2004. – 386 с.
126. Пименова, М.В. Концептуальные исследования. Введение : учеб. пособие / М.В. Пименова, О.Н. Кондратьева. – М.: Флинта-Наука, 2011. – 176 с.
127. Пименова, М.В. Типы концептов и этапы концептуального исследования / М.В. Пименова // Вестник КемГУ. – 2013. – №2 (54). – С.127-131.
128. Пищальникова, В.А. История и теория психолингвистики. Курс лекций. Ч.2. Этнопсихолингвистика. -М.: Изд-во МГЛУ, 2007. 228с. -С.113
129. Погожая, С.Н., Тимошилова Т.М. Антропоцентризм как методологическая основа исследований в области эмотиологии. -С. 120-125.-с.121-122 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://core.ac.uk/download/pdf/151229281.pdf> (дата обращения: 22.01.2021)
130. Попова, З.Д., Стернин, И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ Востокзапад, 2007. 314 с.-С.296
131. Попова, З.Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1999. – 31 с.
132. Попова, З.Д., Стернин, И.А. Семантико-когнитивный анализ языка / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2007. – 250 с.
133. Попова, Т.Г. Национально-культурная семантика языка и когнитивносоциокоммуникативные аспекты (на материале английского, немецкого и русского языков) / Т.Г. Попова. – М.: Изд-во МГОУ «Народный учитель», 2003. – 146 с.

134. Постовалова, В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека / В.И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / отв. ред Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1988. – С. 8-69. 216
135. Радбиль, Т.Б. Язык и мир: Парадоксы взаимоотражения / Т.Б. Радбиль. – М.: Языки славянской культуры, 2017. – 592 с.
136. Родионова, М.Ю. Семантические и грамматические аспекты функционирования слов, называющих эмоции, в современном английском языке (на материале англоязычных переводов романа Ф.М. Достоевского «Идиот»): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Нижний Новгород, 2015. 173 с.-С.32-33
137. Рубинштейн, С.Л. Психология эмоций. М.: МГУ, 1984. С. 152-161.
138. Рыжкина, А.А. О методах анализа концепта / А.А. Рыжкина // Вестник ОГУ. – 2014. – №11 (172). – С.117-120.
139. Савенкова, Л.Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты /Л.Б.Савенкова.-Ростовн/Д:Изд-воРост.ун-та,2002. 240 с. -С.23.
140. Савченко, А. Н. Лингвистика речи // ВЯ. 1986. № 3. С. 69.
141. Сафонова, Н.В. Теоретические проблемы концептуализации национальной картины мира / Н.В. Сафонова // Вестник ТГТУ. – 2003. – Том 9. – №3. – С.574-580.
142. Сахарный, Л.В. Введение в психолингвистику. -Л., 1989. 184с. -С.88
143. Седых, А.П. Природа эмоций и их классификация в гуманитарных науках и языкознании. НаучныеВедомостиСерияГуманитарныенауки. 2012. № 6 (125). Выпуск 13. -С.108-115. -С.110
144. Семёнова, Т.В. Вербализация эмоций человека в зеркале антонимии (на материале английского языка) // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 40. 2010. № 4 (185). С. 156–159. -С.156
145. Сидорова, Т.А. Идиоэтнический компонент внутренней формы слова

- (когнитивный аспект) / Т.А. Сидорова // Русская культура нового столетия: Проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия. – Вологда: Книжное наследие, 2007. – С. 824-829.
146. Слипецкая, В.Д. Вербализация отрицательных эмоций: архаические и инновационные средства. Одесский лингвистический вестник. 2013. Вып.1. -С.159-168 -С. 164
147. Слышкин, Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты / Г.Г. Слышкин. – Волгоград: Перемена, 2004. – 323 с.
148. Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Академический Проект, 2001. – 990 с.
149. Степин, В.С. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации / В.С. Степин, Л. Ф. Кузнецова. – М.: ИФРАН, 1994. – 274 с.
150. Стернин, И.А. Уровни описания языкового сознания // Филология и культура: Материалы IV Международной научной. – Тамбов, 2003. – С. 11-14. -С. 12
151. Сулович, С.В. Репрезентация концепта труд в современных афоризмах о труде / С.В. Сулович // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – №4. – С.79-82.
152. Тарланов, З.К. Язык и культура: учеб.пособие по спецкурсу. Петрозаводск, 1984.104 с.-С.64
153. Телия, В. Н. Лексические модусы экспрессивности // Памяти Г.В. Колшанского. Уч. зап. МГПИИЯ им. М. Горького, 1987.
154. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты / В.Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
155. Тилавов, Б. Поэтика таджикских народных пословиц и поговорок: учеб. пособие / Б. Тилавов. – Душанбе: Дониш, 1967. - 122 с.

156. Томашева, И.В. Эмотивная лакунарность художественной прозы (на материале перевода испаноязычных писателей). Автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Вологоград, 1995. 23 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.twirpx.com/file/1295972/> (дата обращения: 11.12.2020).
157. Турбина, О. А. Сравнительно-историческое исследование тенденций формирования французского классического предложения. Автореферат диссертации... доктора филологических наук. - Екатеринбург: Уральский Государственный педагогический институт, 1966. - С. 34 - 35.
158. Ульянов, Ю.Е. Латышско-русский ассоциативный словарь. -Рига: Зинантне, 1988. -С.12
159. Усмонзода, Ш. Лингво-семантическая классификация паремий // Вестник Педагогического университета. 2020. №6 (89).
160. Уфимцева, Н.В. Языковое сознание как отражение этнокультурной реальности / Н.В. Уфимцева // Вопросы психолингвистики. – 2003. – № 1. – С. 102–111.
161. Фазилова, Ш.К. Концепт «Богатство» в английской, русской и таджикской лингвокультурах (на материале фразеологических единиц, пословиц и поговорок). Дис.... кандидата филол. наук. -Душанбе, 2019
162. Филиппова, М.М. Английский национальный характер -М.: Добросвет-М, 2006. 240с.
163. Фомина, З.Е. Релевантные признаки эмоционально-оценочной лексики как самостоятельного класса слов в лексической системе языка / З.Е. Фомина // Вестн. Воронеж, гос. ун-та. Сер. 1. Гуманит. науки.-1996.- №2.-С. 18-31. -с.14-22
164. Франц, А. С. Ф84 Ценности отечественной нравственной культуры [Текст] : монография / А. С. Франц; Урал.гос. пед. ун-т. – Екатеринбург : [б. и.], 2018. – 252 с.–С.10

165. Фромм, Э. Искусство любить. М. :АСТ, 2014. 221 с.
166. Функции метафоры в художественном тексте. [Электронный ресурс]
Режим доступа: <https://www.textologia.ru/russkiy/lingvisticheskiy-analiz/izobr-virazit-sredstva/funkcii-metafori-v-hudozhestvennom-tekste/2357/?q=463&n=2357> (дата обращения: 08.04.2021)
167. Хайдеггер, М. Время и бытие: статьи и выступления / М. Хайдеггер; пер. с нем. – М., Республика. 1993. – 447 с.
168. Хомская, Е.Д., Батова Н.Я.: Мозг и эмоции. Нейропсихологическое исследование. Москва: Российское педагогическое агентство, 1998. 268 с.-С.12
169. Храброва, В.Е. Формирование образной картины мира старшеклассников средствами художественной литературы (на примере использования категории мировосприятия «мир – опасность») / В.Е. Храброва // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2013. – № 7 (74). – С. 149-152.
170. Цоллер, В.Н. Экспрессивная лексика: семантика и прагматика // Филологические науки. 1996. № 6. С. 62–71. -С.70.
171. Чарыкова, О.Н. Грамматическая категоризация концепта в национальном языковом сознании // Язык и национальное сознание. Вып. 9 / Научный ред. И.А. Стернин. – Воронеж: «Истоки», 2006. – 214 с. 200 экз.-С.30
172. Черноусова, А. С. Лингвистический эксперимент: изучение процесса запоминания [Электронный ресурс] Режим доступа: [https://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/36\(77\)/chernousova_36_77_415_419.pdf](https://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/36(77)/chernousova_36_77_415_419.pdf) (дата обращения: 22.04.2021)
173. Чуприна, А. А. Духовно-нравственные установки личности как нормативные принципы брачно-семейных отношений. Вестник Ставропольского государственного университета 78(1)/2012 –С. 103-107 –С. 107

174. Шарандин, А.Л. Когнитивно-дискурсивное пространство слова в аспекте взаимосвязи концептуализации и категоризации / А.Л. Шарандин // Когнитивные исследования языка. Вып. 26. – М.-Тамбов: ИЯ РАН, Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2016. – С.295-299.
175. Шаховский, В.И. Отечественная лингвистика в лицах. «Азбука человечности» (М.: Кн. дом «Либроком», 2011. 96 с.) // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. 2011. № 10(64). С. 164–162. -С.162
176. Шаховский, В. И. О лингвистике эмоций // Язык и эмоции: Сб. науч. тр./ ВГПУ. Волгоград: Перемена, 2008. С. 5 - 15.
177. Шаховский, В. И. Типы значений эмотивной лексики // Вопр. языкознания. 1994. - № 1. - С. 20 - 25.
178. Шаховский, В. И. Меняющаяся картина мира в динамике языка и речи // Вести Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. 2015. № 1 (25). С. 7–20. -С. 10
179. Шаховский, В. И. эмоциональная картина мира в вербальной презентации. Мир русского слова № 1 / 2019. -С. 35-43 -С.36
180. Шаховский, В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1987. 192 с.-С.25.
181. Шаховский, В.И. Эмоциональная компонента как межпарадигмальный интекст // Экология языка и коммуникативная практика. 2018. № 1.С. 14–27. -С. 23
182. Шаховский, В.И. Эмоциональные культурные концепты: параллели и контрасты / В. И. Шаховский // Языковая личность: культурные концепты: сб. науч. тр. Волгоград – Архангельск: Перемена, 1996. – С. 80–96.
183. Шаховский, В.И. Типы языковых значений эмотивной лексики // Вопросы языкознания, 1994,-№1. -С.20-24
184. Шевцова, Т.Н. Радость и горе в русской и английской языковой картине

- мира (на материале пословиц и поговорок) / Т.Н. Шевцова // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2008. – №1. – С.60-64.
185. Шек, Г. Зависть: теория социального поведения. М.: ИРИСЭН, 2010. – 544 с.
186. Шералиев, С. Способы выражения метафор «пространство», «время» и «жизнь» в разноструктурных языках: Дисс... кандидата филол. наук – Душанбе, 2022.
187. Щерба, Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. С. 24-39. -С. 26
188. Щерба, Л.В. Языковая система и речевая деятельность / Л.В. Щерба. – М.: Наука, 1974. – 428 с.
189. Эбзеева, Ю.Н., Ленько Г.Н. Лексические средства выражения эмотивности (на материале текстов художественных произведений современных английских, французских и немецких авторов) Вестник РУДН, серия Русский и иностранные языки и методика их преподавания, 2016, № 1. -С.142-151. -С148
190. Яценко, Л.В. Картина мира как универсальное средство регуляции / Л.В. Яценко // Научная картина мира как компонент современного мировоззрения. – М.; Обнинск, 1983. – С. 38-39.

СЛОВАРИ

191. Апресян, Ю.Д. Новый объяснительный словарь синонимов: Концепция и типы информации / Новый объяснительный словарь синонимов. – М.: Проспект, 1995. -35 с.
192. Баранов, Х.К. Большой арабско-русский словарь. В 2 т. -11-е изд., стереотип. – М.: Живой язык, 2006. – 456 с. – С. 172.
193. Большой англо-русский словарь: В 2 т./Под общ. рук. И.Р. Гальперина.

- М., 1977. БЭСЯ — Большой энциклопедический словарь. Языкознание. — М., 1998.
194. Гуревич, В.В., Дозорец Ж.А. Русско-английский фразеологический словарь, 1988.
195. Даль, В.И. Словарь Даля. 2012 [91]. Каменецкайте Н. А.Синонимы в английской фразеологии. М., 1971.
- Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. // В.И. Даль - М., 1989 – 1991. - Т.1. - 699с.
196. Калонтаров, Я. И. Таджикские пословицы и поговорки в аналогии с русскими – Душанбе. Издательство «Ирфон», 1965 – 534 с.
197. Калонтаров, Я.И. Мудрость трёх народов - Душанбе: Издательство «Адиб», 1989. – 432 с.
198. Кунин, А.В. Англо-русский фразеологический словарь. М., 1984. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь/ А.В.Кунин. (Гос.изд. иностр. словарей). -М.: 1956.
199. Мирбобоев, А. Фарҳанги тоҷикӣ-русӣ / А. Мирбобоев. – «Пайванд», Душанбе: Пайванд, 2006. – 780 с
200. Мухаммадиев, М. Луғати синонимҳои забони тоҷикӣ/ М. Мухаммадиев. – Душанбе: Маориф, 1975.
201. Мюллер, В. К. Англо-русский словарь.М., 1985. -592с.
202. Национальный корпус русского языка - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: www.ruscorpora.ru
203. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М.: Русский язык, 1989. - 750с.
204. Пайкараи миллии забони тоҷикӣ [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://tajik-corpus.org/>
205. Толковый словарь современного русского языка / Д.Н.Ушаков. – М., 2014. – 800 с.
206. Фарҳанги забони тоҷикӣ (словарь таджикского языка) Под редакцией

- М. Ш. Шукурова, В. А. Капранова, Р. Хашима, Н. А. Масумӣ. – М.: Советская Энциклопедия. – Москва, - 1969.ч.2
207. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ. - (ибораат аз 2 ҷилд) Зери таҳрири Сайфиддин Назарзода (раис), Аҳмадҷон Сангинов, Саид Каримов, Мирзо Ҳасани Султон. - Душанбе – 2008.
208. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://vasmer.lexicography.online> (дата обращения: 6.03.2020)
209. Фозилов, М. Фарҳанги ибораҳои рехта (фарҳанги фразеологӣ)/ М.Фозилов. Душанбе, 1963.Ҷ.1.1964.ҷ. 2.
210. Шолохов, М.А. Сокровищница народной мудрости. Русское устное народноетворчество: хрестоматия по фольклористике / под ред. Ю.Г. Круглова. – М.: Высшая школа, 2003. – С.167–177.
211. Расторгуева, В.С. Этимологический словарь иранских языков / В.С. Расторгуев, Д. И. Эдельман. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. – Т.1. – 327с.
212. British National Corpus [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.english-corpora.org/bnc/>
213. Douglas Harper. Online Etymology Dictionary. – 2000. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.etymonline.com/>
214. LDCE - Longman Dictionary of Contemporary English. Burnt Mill, Harlow: Longman Group Ltd, 2000. – 1668 p.
215. OCS - Oxford Compact Thesaurus by Laurence Urdary. - Oxford: University Press, 1997. – 732 p.
216. ODP - The Oxford Dictionary of proverbs by William George Smith. — Oxford: Calendon Press, 1948. – 740 p.
217. PM - Proverbs, maxims and phrases of all ages by Robert Christy. — London: T Fisher Unwin; New York, G.P. Putnom, 1898. – 602 p.